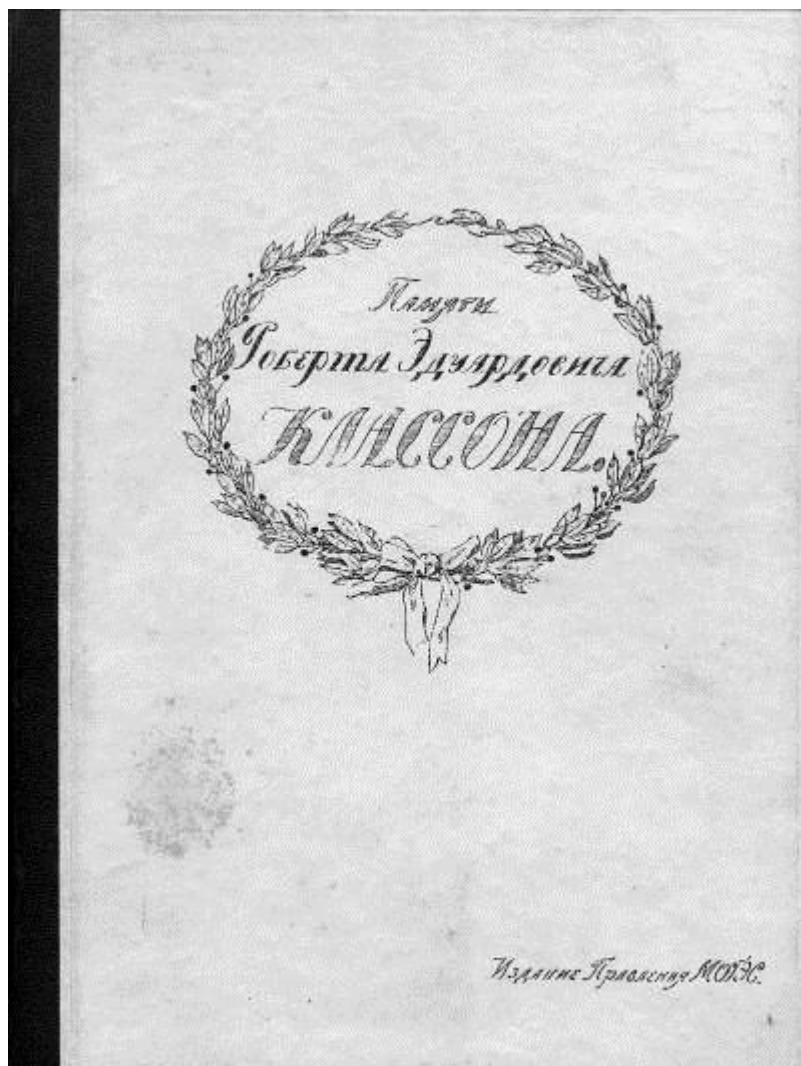

Памяти Роберта Эдуардовича КЛАССОНА
*Издание Правления МОГЭС**

* «Самиздат» 1926 г., без выходных данных и № уполномоченного Главлита!

Общий вид ГЭС «Электросредча» до перестройки.

Внутренний вид ГЭС «Электросредча».

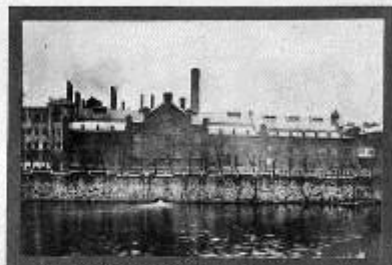
Новая гостиница ГЭС «Электросредча».

Внешний вид Билеи-Заватской станции (Баку).

Р.О. КЛАССОН
1868 г. — 1926 г.

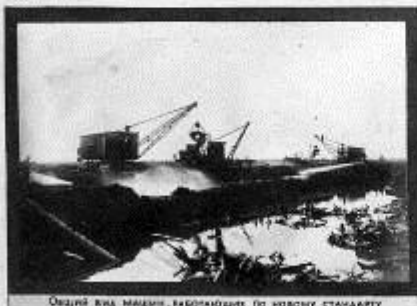
Вид Московской станции имени Сидоровича после ее перестройки в 1910-11 гг.

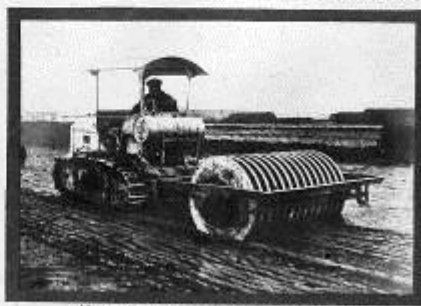
Внутренний вид станции «Белый город» в Баку.

Внутренний вид Московской станции имени Сидоровича с первоначальной оснасткой.

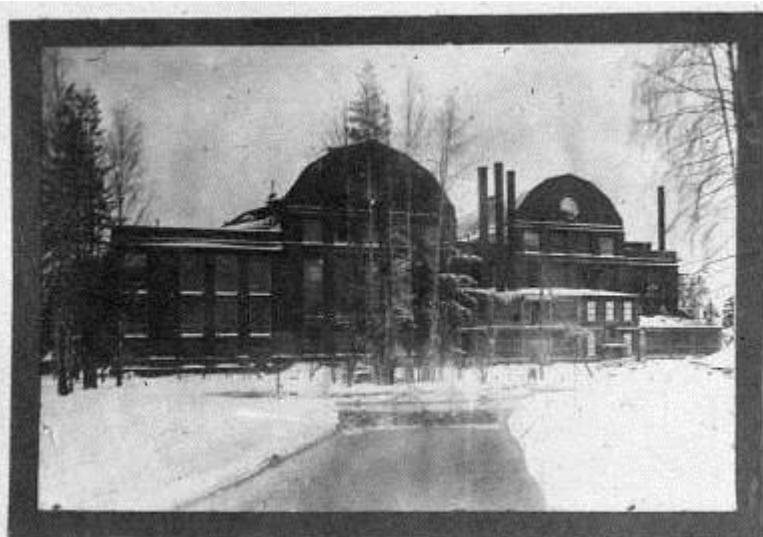
Общий вид плотины, работающей по новому стандарту.

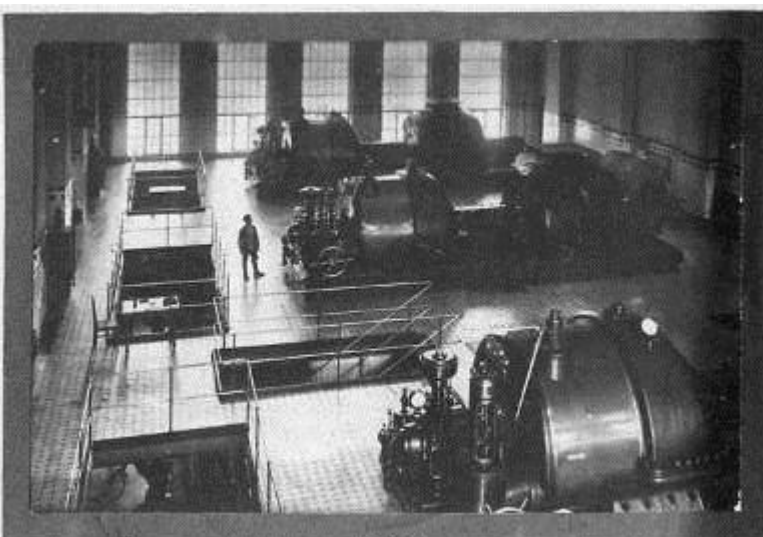
Механическая формовка гидроторфа.

Завод по искусственному обезвреживанию гидроторфа.

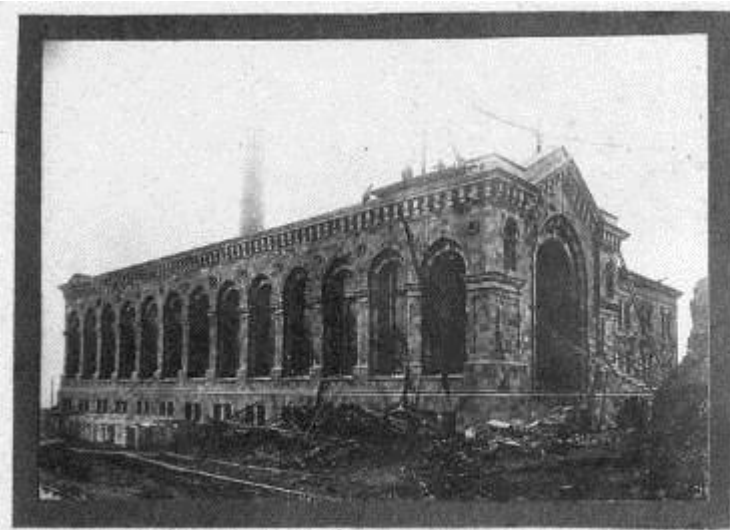
Общий вид ГЭС „Электропередача“ до переустройства.

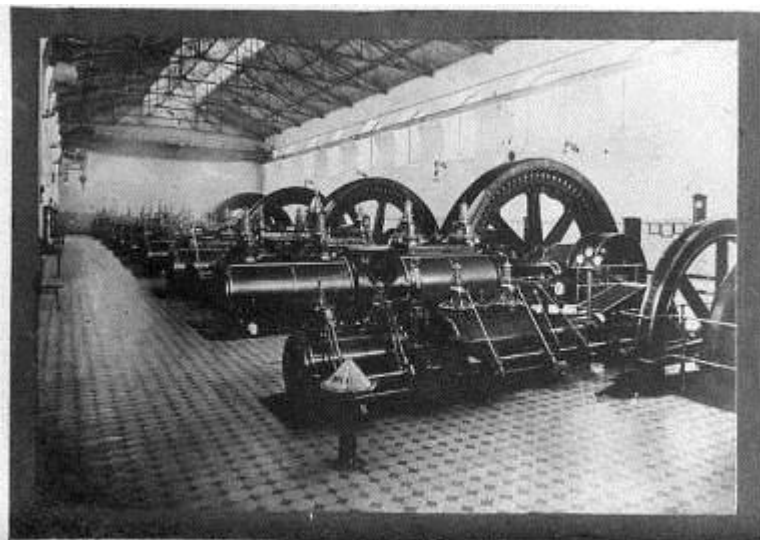
Внутренний вид ГЭС „Электропередача“.

Новая котельная ГЭС „Электропередача“.

Внешний вид Биби-Эйбатской станции (Баку).

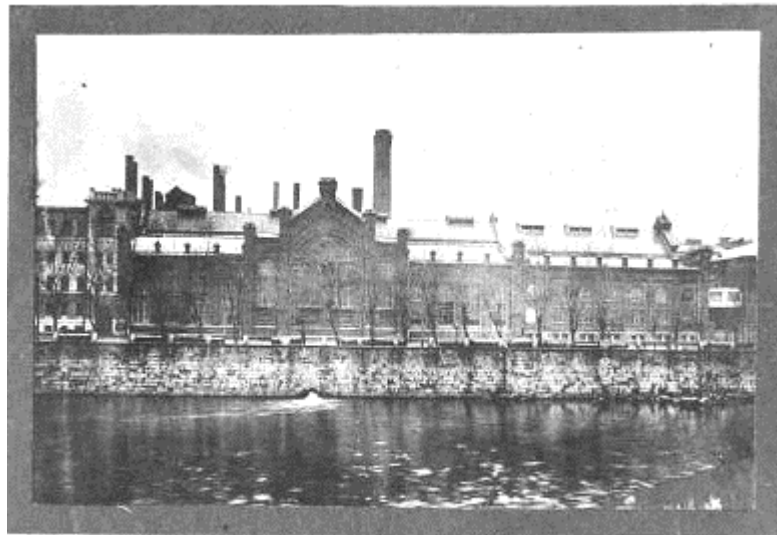

Внутренний вид станции „Белый Город“ в Баку.

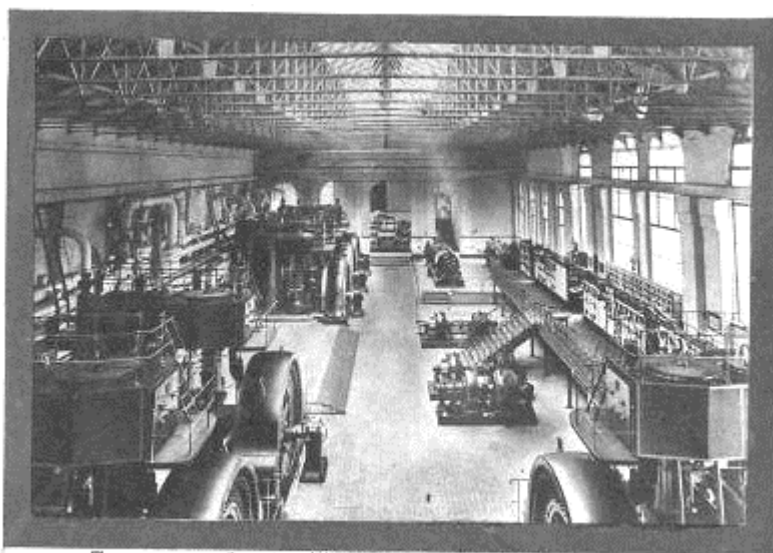

Р.Э.Классон

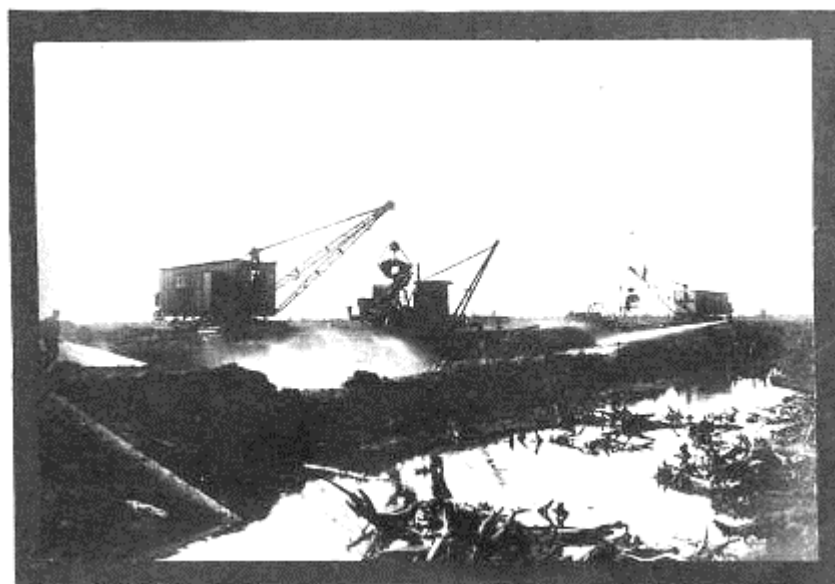
1868^{3/4}—1926

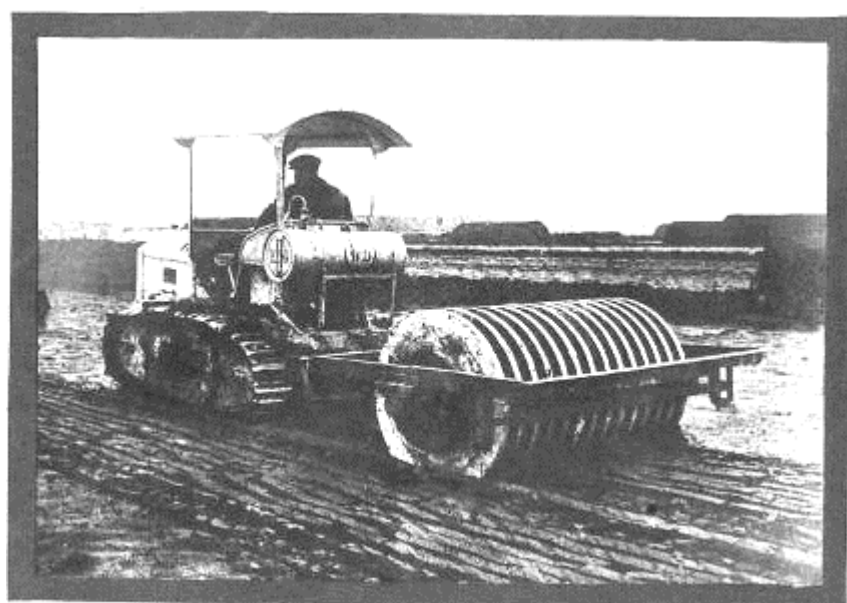
Вид Московской станции им. Смидовича после
ее переустройства в 1910-11 гг.

Внутренний вид Московской станции имени Смидовича с первоначальным оборудованием.

Общий вид машин, работающих по новому стандарту

Механическая формовка гидроторфа.

11-го февраля 1926 года на заседании Топливного Плана ВСНХ скончался от разрыва сердца Член Правления МОГЭС*, Директор Московской Государственной Электрической станции им. тов. Смидовича инженер Роберт Эдуардович КЛАССОН.

Р.Э. КЛАССОН был выдающимся русским электротехником, и роль его в электрификации страны чрезвычайно велика. Ему обязаны постройкой первые мощные центральные электрические станции, как-то: 1-ая Московская Электростанция, две районные станции в Баку, станция «Электропередача» в Богородском уезде Московской губ. Последние годы своей жизни покойный уделял особое внимание вопросам торфотехники, имеющей для страны при ее несметных торфяных богатствах первостепенное экономическое значение. Р.Э. КЛАССОН является одним из изобретателей нового способа торфодобычи – так называемого Гидроторфа, который произвел в области торфотехники полный переворот, заменив машиной человеческий крайне тяжелый труд на торфяных болотах.

Правление МОГЭС, в целях увековечения памяти этого выдающегося инженера, постановило издать настоящий сборник, в котором хотя бы в самых скромных размерах отметить роль и значение покойного Р.Э. КЛАССОНА в хозяйственной жизни Союза.

ПРАВЛЕНИЕ МОГЭС

* МОГЭС – Московское Объединение Государственных электрических станций.

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

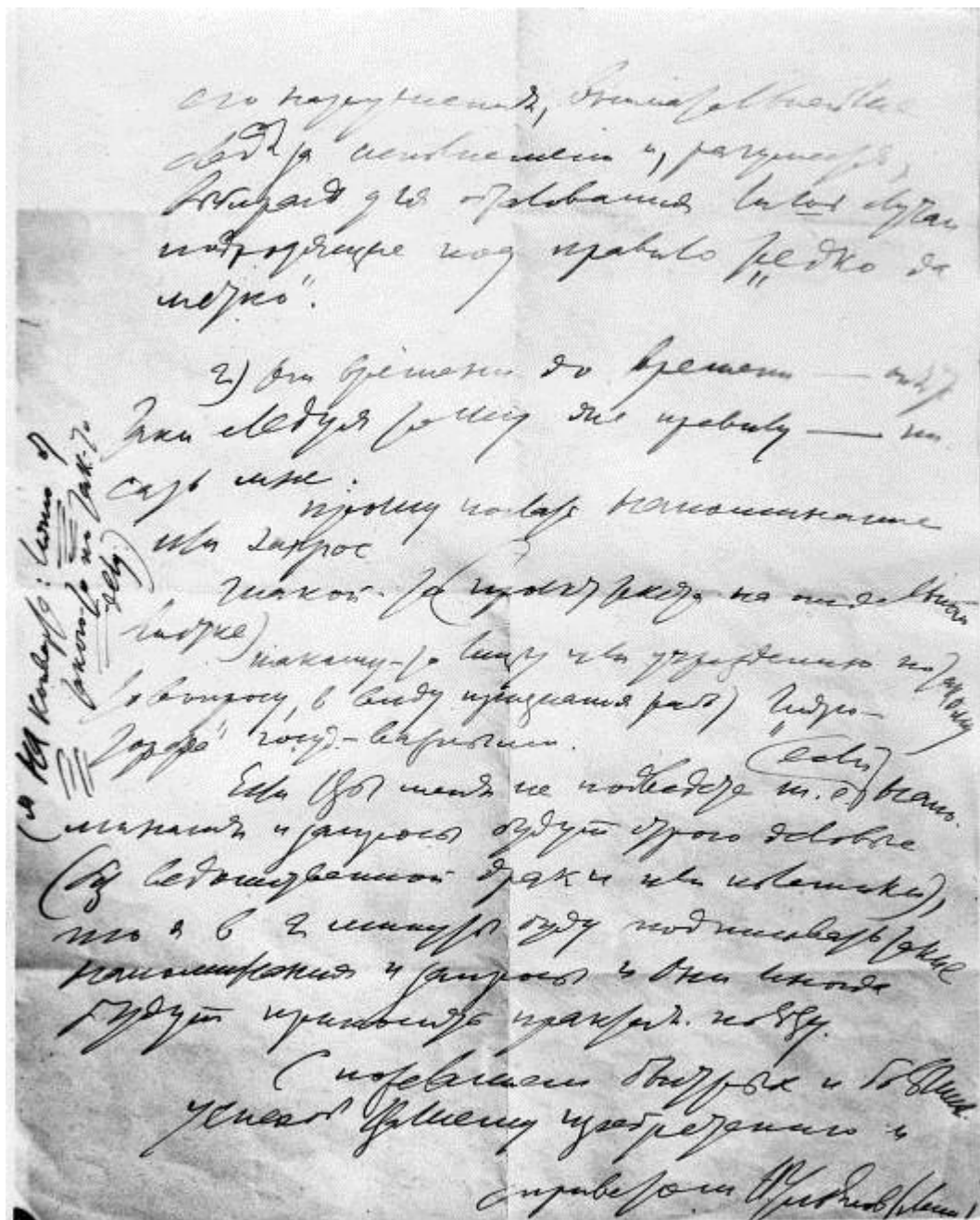
Москва, Кремль.

1948 г.

№

г. Казань.

Уважаемый тов. Чой — извините за вырост
письма — не удалось из-за болезни написать
СНК о Гидромете. Относительно письма, в ЦК,
на основании, что в Казани много времени потрачено
на «расследование» мероприятия о задержании Ко.
инженера и не предоставлено никаких сведений
и крайне самоуправно освобождение из-под
руки от Коммунизма и социализма. Но с
получением не с учетом учета и не только
по количеству задерж. времени 1944-1945 года с
Казанью, а с учетом учета казанской.
Там же истребовано КК судья и комиссия.
Вместе СНК и т.д.
Досудебно из-за обращения во время

РОБЕРТ ЭДУАРДОВИЧ КЛАССОН

(биографический очерк)

Если человеческая личность имеет влияние на исторический ход вещей, то несомненно личность только что ушедшего от нас навсегда Роберта Эдуардовича Классона в области электротехники и торфодобычания создала целую эпоху, и имя его не может исчезнуть вместе с его прахом; оно будет жить не только в сердцах близких его друзей и всех знавших его лично, но переживет и их и займет почетное место в «великой книге Советского строительства», как сказал тов. Троцкий; поэтому подробная биография этого исключительно даровитого человека несомненно ждет своего исследователя, а удивительно красивая жизнь его – и своего Бояна.

Роберт Эдуардович Классон родился 31-го января старого стиля 1868 года в городе Киеве, в семье врача, работавшего в Киевском Университете. Восьми лет он поступил в 1-ую Киевскую гимназию, которую окончил в 1886 году. «Гимназические науки, – рассказывал сам Роберт Эдуардович, – в особенности древние языки не особенно мне нравились, но учился я в общем хорошо.

Правда, один раз, остался в классе на 2-й год, но это только потому, что в этот год группа учеников вместо занятий усиленно состязалась в ловкости игры в мяч, и я достиг в этом большого совершенства, жонглируя одновременно пятью мячами».

Уже в этом факте сказался будущий Классон; здесь уже сказалась черта, которая потом красной нитью проходила через всю его деятельность, то есть упорное стремление к задуманной цели, не взирая ни на какие препятствия.

Восемнадцать лет в том же 1886 году Роберт Эдуардович поступил в Петербургский Технологический Институт по конкурсному экзамену. Молодой студент этого института – он с увлечением ищет знаний и жадно впитывает преподававшиеся в институте науки. С самых первых шагов студенческой жизни юный студент Классон быстро завоевывает симпатию товарищей и вокруг него начинаются различные группировки студенческой молодежи. Один институтские науки не удовлетворяют Р.Э. и не отвечают на все вопросы, которые волнуют его, и у молодого студента начинается пора исканий.

«Среди этих занятий перед ним встает проклятый вопрос: где же причина человеческой неправды, рабства одних и господства других? Нищенская масса и тупая сытость немногих? Кипучая натура заставляет искать ответа на этот вопрос, и молодой Классон отдается изучению экономических наук», – говорят об этой поре Роберта Эдуардовича профессор Г.Л. Стадников и инженер-технолог В.Д. Кирпичников в своем некрологе.

В то же время Классон жадно набрасывается на изучение марксизма. Вот, что говорит об этом сам Роберт Эдуардович в своей служебной автобиографии: “Кружки, в которых я занимался, имели определенный марксистский уклон, и я считаю, что я был одним из первых марксистов в России. В этих кружках участвовали Л.Б. Красин, М.И. Бруснев и целый ряд других деятелей, впоследствии примкнувших к социал-демократической партии. Большинство этих кружков было разгромлено в период моего отсутствия из России, когда я за границей изучал электротехнику, и когда я вернулся, то большинство моих товарищей по кружкам оказались в тюрьмах или высланными, и участие в кружках прекратилось по этому на некоторое время и возобновилось лишь в 1894-1895 гг., когда в наших кружках стали принимать активное участие В.И. Ульянов (Ленин), Н.К. Крупская, А.Н. Потресов. У меня в то время в моей маленькой квартире образовался «марксистский салон», в котором принимали участие вышеупомянутые лица и где обсуждались все вопросы современности с точки зрения материалистического мировоззрения. Этот «салон» существовал около года и затем был прекращен благодаря арестам значительной части участников, главным образом В.И. Ульянова. Все мои политические связи с этого времени были прерваны, и я занялся технической работой на Охтенских пороховых заводах. Ни к какой партии я впоследствии не примыкал и занимался техникой вплоть до революции 1904-1905 гг., которая меня увлекла”.

В период 1893-95 гг. неоднократным арестам, правда кратковременным, подвергался и Роберт Эдуардович, и зарождавшееся в то время социал-демократическое движение безусловно привлекало к себе симпатию Р.Э. “Хотя впоследствии ему не пришлось принимать участия в активной политической работе, – говорит близкий товарищ Р.Э. инженер Г.Б. Красин, – но он сохранял до конца дней своих живейший интерес к реальной политической проблеме, он на своей дороге техника с головы до ног шел в ногу с движением революции, и недаром так ценил и поддерживал его «Ильич»”.

Н.К Крупская в своих воспоминаниях на траурном вечере, посвященном памяти Классона, отмечает, что Р.Э. 35 лет тому назад вызвал у ней глубокий интерес к марксизму, она указывала на то глубокое и тонкое понимание марксизма, которым обладал Р.Э. Сам Роберт Эдуардович говорил, что он 3 года посвятил исключительно на изучение марксизма.

Будучи весьма скромным человеком Р.Э. не любил выставлять на вид свои революционные взгляды и убеждения ни до, ни после Октябрьской революции. Вот почему, как говорит т. Сосновский в статье, посвященной памяти Р.Э., «только сейчас стало широко известно, что Р.Э. Классон принимал с В.И. Лениным участие в революционных рабочих кружках Петербурга, когда Ленин делал только первые шаги, и не прошло, конечно, бесследно для Р.Э. общение его с Лениным и Плехановым», и ниже мы увидим отношение Р.Э. к деятелям и жертвам революции и отношение к рабочему классу вообще.

Это первоначальное общение Р.Э. с Владимиром Ильичем видимо очень живо и ценно было и для Вл. Ильича, так как уже будучи Председателем Совета Народных Комиссаров он в своем письме к Р.Э. вспоминает их теоретические прения в 1894-1895 гг.

Электротехника окончательно привлекает к себе внимание Р.Э. Классона. Электротехника, как самостоятельный предмет, в то время в Петербургском Технологическом Институте еще не преподавалась, а потому, окончив Петербургский Технологический Институт в 1891 г. со степенью инженера-технолога по механическому отделению, Р.Э. тотчас же уехал за границу, где и проработал в течение 2-х лет в технической конторе английского инженера Линдлей во Франкфурте-на-Майне, будучи одновременно и секретарем Франкфуртской Электротехнической выставки 1891-1892 гг. и принимал непосредственное участие по устройству первой в мире Лауфенской воздушной передачи трехфазного тока высокого напряжения на большое расстояние.

По возвращении из-за границы в 1893 г. Р.Э. поступил электротехником на Охтенские пороховые заводы (близ Петербурга), где проработал до 1897 г. и где он построил первую в России установку 3-х фазного тока на реке Охте. Уже там, на этом заводе он обратил на себя внимание всех, не только начальствующих лиц, но приобрел симпатию и всех рабочих и служащих, что видно из того, что неоднократные аресты Р.Э. за этот период не отразились на его дальнейшей службе на этих Охтенских пороховых заводах Военного Ведомства, а рабочие провожали своего электротехника в Москву весьма теплым адресом.

В какой обстановке и как протекали первые шаги Р.Э. по пути его достижений в области электротехники во время его работы на Охтенских пороховых заводах прекрасно рассказано и ярко освещено в печатаемых в этом же сборнике воспоминаниях т. Н.И. Языкова, который проработал вместе с Р.Э. с самого начала его деятельности, т.е. с 1893 г., и до самых последних дней жизни своего учителя и друга. Здесь обращает на себя внимание поистине титаническая борьба, которую вел Р.Э. за торжество техники и за осуществление своих идей, побеждая своей убедительностью и обстоятельностью рутину и косность чиновного мира того времени.

Интересна сохранившаяся фотография, снятая с первого генератора, установленного Р.Э. Классоном на этой Охтенской станции. На верху генератора стоит сам смелый проводник новых идей в электротехнике, Р.Э. Классон, с велосипедом, как бы символизирующим свое безудержное стремление вперед. И таким образом, «едва лишь сойдя со школьной скамьи из института, – говорит Г.Б. Красин, – Роберт Эдуардович твердо и безошибочно избрал себе совершенно новую еще тогда для России дорогу больших мощных электро-силовых установок и является одним из первых пионеров электрификации идейной и фактически возможной в этой отрасли техники», что и прошло красной нитью во всей его последующей деятельности и чем он заслужил себе беспримерную славу как величайший инженер-электротехник.

В 1897 г. Роберт Эдуардович был приглашен в Электрическое О-во 1886 г., где проектировал Петербургскую, ныне 1-ую Ленинградскую электрическую станцию этого О-ва[на Обводном канале], но скоро был переведен в Москву для участия в постройке Московской Электрической Станции, Заведующим которой он был назначен.

И хотя станция строилась иностранными инженерами, роль Р.Э. как будущего заведующего состояла как в непосредственном участии в постройке, так и в контроле всех происходящих работ с точки зрения интересов данной станции.

Все те, кто был свидетелем этого периода работы Р.Э. Классона, знают, какое большое влияние оказывал он на существенные изменения целого ряда предварительных проектов по постройке различных частей этой станции. За этот период времени, 1897-1900 гг., Роберт Эдуардович резко выделился из общей среды всех инженеров-электриков того времени. И когда станция была готова, то Правление Общества 1886 г. предложило Р.Э. уже, помимо заведывания этой станцией, должность директора этого общества. Несмотря на соблазнительность такого предложения Р.Э. отказался от должности директора, заявив: «Рано еще мне садиться на спокойное директорское кресло для уже налаженной станции, я хочу еще поработать как строитель».

Талантливость молодого инженера-электротехника в заинтересованных кругах получила уже широкую известность, и в 1900 г. Р.Э. Классон был приглашен Акционерным Обществом «Электрическая Сила» для постройки двух мощных электрических станций в городе Баку с назначением его и директором этого Общества. В течение почти семи лет «я построил две станции в Баку, – говорит Роберт Эдуардович в той же служебной автобиографии, – электрифицировал промыслы и вел эксплуатацию».

В Баку Р.Э. построил первые в России две районные электрические станции, на которых впервые применил в России высокое напряжение в 20 000 вольт путем воздушной проводки, электрифицировал промыслы, чем и победил рутину и косность, существовавшие до этого времени.

Наступил 1905 год, год первой русской революции, и здесь сказался Классон не только как человек, но и как революционер и как марксист. Широкая, честная, прямая натура Р.Э. Классона не могла мириться с той волной репрессий, которая последовала за подавлением этой первой русской революции. Благожелательное отношение к активным революционным деятелям и прямая защита их не могли способствовать видам как акционеров [«Электрической силы»], так и высших бакинских полицейских властей.

Роберту Эдуардовичу пришлось уйти из Баку, так как он решительно отказался подчиниться приказаниям консорциума банков, требовавшего от Р.Э. применения репрессивных мер по отношению к забастовщикам. Роберт Эдуардович, как он сам говорит в своей автобиографии, был уволен вместе со своими сотрудниками В.В. Старковым, Л.Б. Красным и А.В. Винтером и др., и вместо него были назначены иностранные инженеры, которые при содействии Бакинского градоначальства и подавили забастовку репрессивными методами.

«Без работы я был всего лишь несколько дней, – говорит сам Р.Э. в своей автобиографии, – так как меня тотчас же пригласили в Москву на эксплуатацию станции и для переустройства и расширения ее». Правление бывш. О-ва 1886 г., конечно, тотчас же использовало в своих интересах момент освобождения Р.Э. от его работ в Баку и пригласило его директором Правления и директором Московской станции, которая требовала дальнейшего расширения. Но Р.Э., по свойству своего характера и своего постоянного устремления вперед, не мог довольствоваться спокойным креслом директора Правления. Он принялся за работу как по расширению и переоборудованию Московской станции, так и переоборудованию кабельной сети с 2 000 вольт на 6 000 вольт, что и технически и экономически давно уже было необходимо.

Творческий дух Р.Э. Классона искал новых путей для использования огромных запасов энергии, скрытых в необъятных торфяниках России, и несмотря на то, что такое использование требовало затраты огромных средств, Р.Э. Классону удавалось находить эти огромные средства, так как «он обладал, – по меткой характеристике тов. Г.М. Кржижановского, – наряду с кипучей энергией огромной верой в будущее электрификации и свои горячие убеждения Р.Э. умел передавать другим».

“Характерно отметить, – говорил Г.М. Кржижановский, – что заграничные фирмы, которые с крайней осторожностью относились ко многим проектам сооружения районных электрических станций, под влиянием Р.Э. Классона иногда пересматривали свои решения, и проект постройки «Электропередачи», первой районной торфяной станции в России, к которому заграничные электротехнические фирмы сначала отнеслись с некоторым скептицизмом, был затем осуществлен в значительной доле за счет заграничных кредитов”, и «именно Классон является творцом идеи электро-силовых установок на торфу, идеи весь блеск которой далеко еще не исчерпан наличными достижениями» (слова Л.Б. Красина).

Много энергии и сил потратил Р.Э. на борьбу за постройку «Электропередачи». Здесь проявился весь его талант и вся сила убеждений как для получения больших средств на эту постройку, так и для укрепления его идеи о значении районных электростанций на местном топливе.

«Среди болот технически отсталой России в 1912-1913 гг. возникает первая в мире мощная районная электростанция на торфяном топливе, и надо перенестись в то время, когда никто не знал, как организовать огромное торфяное хозяйство и как непрерывно сжигать миллионы пудов торфа под котлами станции, чтобы понять всю смелость такого предприятия и оценить огромный полет технической мысли Классона», – так характеризуют возникновение «Электропередачи» Г.Л. Стадников и В.Д. Кирпичников в своей статье-некрологе, посвященной памяти незабвенного Роберта Эдуардовича.

А Л.Б. Красин в своей статье «Великий ум и неисчерпаемая сила» еще добавляет, что он ухитрился привезти из Берлина немецких капиталистов на залитое еще в то время водой и кишевшее мириадами комаров торфяное болото и на этом самом болоте убедил главных акционеров-немцев в выгоде дать несколько миллионов на постройку «Электропередачи». “С постройкой «Электропередачи», – продолжает т. Красин, – Россия получила наиболее крупную торфяную станцию в мире, а Классон получил здесь широкое поле не только для установки соответствующих котлов, торфяных топок, образцовых турбин и т.д., но и для широкого наблюдения над линией высокого напряжения, перенапряжения и т.д.» Добавим, еще, что на «Электропередаче» впервые было применено в России высокое напряжение в 30 тыс. и 70 тысяч вольт.

Значение этой 1-ой районной станции огромно. «Без преувеличения можно сказать, – говорит Г.М. Кржижановский в своей статье, посвященной памяти Р.Э. Классона, – что именно эта станция спасла Красную Москву в годы громадного топливного кризиса от повального погашения и окончательной приостановки механических приводов на ее главных фабриках и заводах. А как трудно было отстаивать тому же Классону в кабинете берлинских заправил необходимые ассигнования для этого первого в России опыта в предвоенных условиях. Нужна была именно его пламенная энергия, его не знающая ограничений романтическая вера в конечное торжество технических достижений, чтобы провести это трудное дело».

Несколько лет спустя Р.Э. задумывает постройку и других районных станций и в первую очередь постройку районной станции на Шатуре. Правление МОГЭС в своем некрологе говорит, что и «выстроенная ныне Шатурская электрическая станция является так же осуществлением идеи, задуманной Р.Э. еще в 1915 г., и, в частности, он сам лично выбрал для нее место, на котором она в настоящее время и построена». Постройкой этой станции Р.Э. всегда живо интересовался, и ее успехи и достижения были ему чрезвычайно близки, а о всех незадачах и затруднениях, которые встречались при постройке, он очень скорбел, что неоднократно и высказывал окружающим его.

“Быть может еще важнее было то, что Классону пришлось здесь (на «Электропередаче») вплотную подойти к нашей коренной Советской проблеме – торфу и указать на всю исключительную ее важность”, – говорит в своей статье т. Л.Б. Красин, а ближайшие сотрудники Р.Э. по Гидроторфу, В.Д. Кирпичников и Г.Л. Стадников, так отвечают: “Станция «Электропередача» построена и пущена в ход. Ученики и сотрудники умело ведут дело, а пытливый ум Классона не находит успокоения в искании способа механизации добычи торфа и «под ним струя светлей лазури...». Брошена ручная лопата, этот вековечный угнетатель русского мужика, перепробованы все механические лопаты, каждый раз ломавшиеся на пронизанном крепкими пнями русском болоте, а горизонт добычи торфа остается туманным. Этот туман вдруг прорезывает яркая мысль Р.Э. Классона применить водяную струю высокого давления для эксплуатации торфа, и опять в технически отсталой России рождается новый способ механизированной добычи торфа – «Гидроторф»”.

Совместно с В.Д. Кирпичниковым Р.Э. Классон решил проблему механизации добычи торфа, но сколько препятствий стояло перед ним... Как подходил он к этому вопросу, все это подробно рассказано в специальном издании, вышедшем при самом ближайшем участии Р.Э. Классона. В этой книге «Гидроторф» приведена история прохождения этой знаменитой технической мысли XX века, и в ней красной чертой проходит то великое значение, которое имеет гидравлический способ добывания торфа.

Великая Русская Октябрьская революция застаёт Классона как раз в разгар особо удачных разрешений различных проблем Гидроторфа, но естественно в первые дни Октября не было возможности практически осуществлять разрешение этих проблем. Но вот проходит первый период Октября... Советское Правительство в Москве... Начинается неудержимое стремление к разрешению целого ряда кризисов... Кризис топливный... Великий Ленин узнает о Гидроторфе. Старые знакомые встретились. Политический гений и великий технический ум поняли друг друга. Гидроторф признается изобретением первостепенной государственной важности, но вокруг изобретения Классона закипела борьба.

Тов. Л. Сосновский так говорит в своей статье «Памяти инженера Классона»: “Староверы, скептики и рутинеры вооружились против Гидроторфа, и на защиту его поднялся самый сильный защитник – Владимир Ильич Ленин. – «Непременно познакомьтесь с инженером Классоном и возьмитесь защищать Гидроторф. – сказал мне однажды Владимир Ильич, – Приходите завтра в Кремль смотреть кино-ленту, показывающую работу Гидроторфа. Я познакомлю Вас с Классоном. Это – настоящий человек»... На завтра мы смотрели поразившую нас фильму, а через день мы получили повестку на заседание Совнаркома, где и председателем и докладчиком о Гидроторфе был сам Вл. Ильич. И после того несколько раз напоминал он мне о необходимости защищать Гидроторф, как величайшее завоевание техники, раскрепощающее труд и дающее дешевое обильное топливо для районных электростанций”.

А другой публицист, тов. Я. Шатуновский в своей статье «Страна трудящихся не забудет его никогда» дополняет: “В деле добычи торфа Р.Э. проложил новые мировые пути. Это было его самым любимым делом. В это дело он вложил всю свою энергию и все свое дарование, в этом деле ему пришлось вынести все, что выпадает на долю всякому новатору, и именно это почетное место в истории труда и трудящихся останется за ним в истории нашей эпохи. Вл. Ильич хотел посмотреть Гидроторф, но никак не мог найти время, чтобы съездить на «Электропередачу», и работа по добыче торфа, снятая на киноленту, была ему показана в Кремле. Роберт Эдуардович и Владимир Ильич стояли рядом и смотрели на полотно. В этот вечер они были несомненно счастливы в самом простом смысле этого слова. Оба они закладывали фундамент нового мира”.

Сам Вл. Ильич в своей переписке с Робертом Эдуардовичем показывает, как живо и близко принимал к сердцу он интересы Гидроторфа. «Прошу Вас, сообщите мне (т. Смольянинову, когда меня нет или некогда) точное предложение о помощи Гидроторфу». «Смотрите, не пропустите 1922 год...» «Почему Вы не дали в Германии премии пятьдесят тысяч золотом за изобретение способа обезвоживания? Ведь мы до Вашего отъезда говорили об этом. Потому ли, что не было денег (надо заранее внести в СТО), или потому, что на премии такого рода надо очень много. <...>Сколько? Или по иным причинам<...> Нельзя ли теперь нотариально в Германии, Канаде и Америке обещать такие, подобные премии?» (из письма В.И. Ленина к Р.Э. Класону от 5/VI-1921 г.).

И еще: “т. Класон, я боюсь, что Вы, извините за откровенность, не сумеете пользоваться постановлением Совнаркома о Гидроторфе. <...>Чтобы использовать как следует постановление Совнаркома, надо: 1/ беспощадно строго обжаловать во время его нарушения, внимательно следя за исполнением и, разумеется, выбирая для обжалования первый случай, подходящий под правило «редко да метко»; 2/ от времени до времени, опять-таки следуя тому же правилу, писать мне. <...>Если Вы меня не подведете, т.е. если напоминания и запросы будут строго деловые, то я в две минуты буду подписывать такие напоминания и запросы. <...>С пожеланием быстрых и больших успехов Вашему изобретению и с приветом. В. Ленин” (из письма В.И. Ленина от 2/XI-1920 г.).

Как шла работа Р.Э. Класона за это время и в особенности после смерти В.И. Ленина, лучше всего видно из уже цитируемой нами статьи Г.Л. Стадникова и В.Д. Кирпичникова, которые говорят: «Тяжелая хозяйственная разруха в первые годы революции, отсутствие самых необходимых материалов, почти полная бездеятельность механических заводов, апатия работников, тысячи мелких и крупных препятствий и неприятностей могли сломить какую угодно железную волю, но только не волю Класона. Роберт Эдуардович зовет многих старых соратников, заражает их порывом к новым достижениям, берет новых сотрудников, почти студентов, увлекает их своей идеей, строит деревянные краны и в таких совершенно неприемлемых для заграничного техника условиях, можно сказать, в деревянный период нашей индустрии и при помощи деревянных конструкций выращивает свое детище в железного великана – современный промышленный Гидроторф, давший уже свыше 500 тысяч тонн торфяного топлива.

Казалось бы, достаточно для одного человека; пора бы отдохнуть и дать покой истерзанному сердцу; врачи требуют этого покоя; бес-соблазнитель настойчиво шепчет про необходимость беречь остаток сил, про яркую, но спокойную жизнь за границей в почете и довольстве. Но Роберт Эдуардович глух ко всему. Он с грустью видит, что его железный великан покорно склоняет свою голову перед жалким барометром и в безсилии складывает свои руки перед морозом. И Класона захватывает новая идея – освободить Гидроторф от этой зависимости. Привлекаются новые работники, намечаются новые пути и, наконец, строится завод для искусственного обезвоживания гидроторфа.

Завод готов, наступает новый период кипучей работы; опыты и опыты, выяснение ошибок, исправление промахов, переделки, новые конструкции и т.д. и т.д.

Наконец, после упорных трудов, глубоких раздумий, бессонных ночей, завод начинает работать как целое, еще немного усилий и завод работает часами непрерывно, превращая сырую торфяную массу в брикет или порошок в течение полутора часов. Поставленная задача технически решена. Осталось только на основании огромного опыта перестроить несколько завод и в подтверждение теоретических расчетов на деле доказать экономическую выгодность искусственного обезвоживания торфяного топлива».

А Председатель Правления Госторфа и Зам. Председателя ВСНХ Р.С.Ф.С.Р. тов. И.И. Радченко в своем некрологе памяти Р.Э. Классона подчеркивает значение идеи Р.Э. Классона о механизации торфа, говоря, что «художественно красивая натура Классона органически не выносила вида человека-торфяника, как придатка к машине, прикованного к ней в своей нечеловечески тяжелой работе, и последние четырнадцать лет своей жизни он посвятил поискам и изобретению способа добычи торфа, делающего человека не рабом, а господином машины, способа, исключающего необходимость применения физически изнурительной ручной работы человека».

Закончим о работе Роберта Эдуардовича по Гидроторфу выдержкой из статьи т. Л. Красина: «Именно нам, при нашей славянской расхлябанности, при нашей склонности слишком быстро впадать в разочарование, нам в особенности надо внимательно учиться и переваривать тот громадный и поучительный опыт, который мы имеем в жизни Классона и в частности в классическом деле борьбы его за Гидроторф. Поистине бесчисленны были препятствия, и только неисчерпаемость воли Классона и могучий союзник, которого он нашел в лице самого Владимира Ильича, могли обеспечить те успехи, которые достигнуты в этом деле».

Наряду с работой по Гидроторфу в первые годы Октябрьской Революции, годы разрухи, Р.Э. Классону пришлось затратить много сил и энергии для поддержания непрерывной работы 1-ой Московской станции, бывш. О-ва 1886 года, ныне имени т. Смидовича, которая не приостановила своей работы несмотря на все тяжелые условия, в которых находилось и снабжение станции, и обслуживающий персонал. Последние годы своей работы Р.Э. Классон посвятил работе, помимо Гидроторфа, Тресту МОГЭС, бессменным членом Правления которого он был все время со дня образования Треста.

Правление МОГЭС в своем некрологе, помещенном в Московских газетах, говорит, что «в лице Роберта Эдуардовича мы теряем человека, обладавшего крупнейшим умом и исключительным техническим чутьем, живо интересовавшегося и откликавшегося до последних своих дней на все технические вопросы. Он всегда стремился лучшие идеи европейских технических умов претворять в жизнь в той широкой области народного хозяйства – крупных электрических станций, где так блестяще развернулась и прошла вся его деятельность. Р.Э. был не только учителем в области техники, но и в области общественной».

И как общественный деятель он, конечно, не мог проходить мимо большого общественного вопроса в области электростроительства. За последнее время всем известны его статьи о Днепрострое. Он первый выступил в «Торгово-Промышленной газете» с детальной критикой проекта Днепростроя, и инициатива Р.Э. Классона вызвала обращение тов. Троцкого ко всем хозяйственникам с призывом к дальнейшему освещению вопроса о Днепрострое. И насколько этот человек живо реагировал на этот огромной важности вопрос, показывает его огромный интерес, который он проявлял будучи на отдыхе за границей к этому делу, требовал все подробные сведения и пересылку газетных статей по вопросу о Днепрострое.

Последним вопросом, которым занимался Р.Э. Классон, было его участие в целом ряде заседаний по разрешению надвинувшегося временного топливного кризиса. И на заседании в ВСНХ, во время которого, по этому же вопросу, близко принятому Робертом Эдуардовичем к сердцу, это благородное сердце перестало биться. Славная смерть на славном посту. Так жил и работал этот исключительно одаренный человек. Действительно, вместе с Г.М. Кржижановским, мы должны сказать: «Ушел благородный, по всему своему душевному складу человек, западник в лучшем смысле этого слова, прекрасный товарищ и непревзойденный по своему остроумию собеседник. Блестящая, тонкая, разносторонне-красивая натура. Умер красиво на посту, после речи, по обыкновению страстной, уверенной и убежденной».

Как инженер, строитель и техник Р.Э. Классон, как мы видели из вышесказанного, представлял крупнейшую величину в области электротехники и торфодобывания. В этом отношении он принадлежал к числу тех исключительных личностей, которые появляются в каждую эпоху лишь редкими единицами.

По вышеприведенным выдержкам из письма В.И. Ленина видно, какое огромное значение придавал работе Классона В.И. Ленин.

Будучи высокообразованным человеком, не довольствуясь одними знаниями, полученными в институте, Р.Э. учился всю жизнь. Он сам в своей автобиографии говорит: «Самообразованием занимался очень много<...> Я принимал деятельное участие во многих кружках самообразования, изучая главным образом экономические науки».

А когда постройка «Электропередачи» – станции на местном топливе, из области проектов, была окончательно решена, Роберт Эдуардович снова принимается за изучение новой отрасли – торфодобычи. «Не имея ранее дела с торфом, – отмечает в своих воспоминаниях, помещенных ниже, т. В.А. Бреннер, один из старейших соратников Р.Э. по б. О-ву 1886 г. и МОГЭС'у, – Роберт Эдуардович садится за книги, для чего дает мне лично поручение купить все, что только имелось на рынке по этому вопросу», и конечным результатом этого изучения явился Гидроторф.

Он знал почти все европейские языки, что давало ему возможность следить за технической литературой во всемирном масштабе и извлекать из заграничного опыта все то, что могло быть и должно быть применимо в этой области у нас. «Это был прежде всего пламенный рыцарь техники и тех ее величавых возможностей, которые связаны с новейшими достижениями в области энергетики. Роберт Эдуардович все время шел рука об руку с последними достижениями мировой техники, проявляя великолепную чуткость и страстный вкус к новаторству», – так оценивает хорошо и близко знавший Р.Э. Классона тов. Г.М. Кржижановский.

«Роберт Эдуардович Классон внес действительно неоценимый вклад в дело социалистического строительства Союза, и имя его будет занесено на светлые страницы истории электрификации Союза», – так оценивает т. Классона Правление МОГЭС в своем приказе с извещением о смерти Роберта Эдуардовича.

«Я в нем видел и глубоко уважал большого революционера-техника, именно революционера, пролагающего новые пути, имеющего большой размах строителя, широкий кругозор и закалку общественного деятеля», – характеризует как техника Р.Э. Классона тов. Л. Сосновский, а тов. Я. Шатуновский добавляет: «Значение электрификации для коммунизма достаточно осознано нашей страной. Значение для дела электрификации покойного Роберта Эдуардовича, самого выдающегося строителя нашей электрификации, положившего начало новому облику нашей страны, общепризнано. <...>Его имя, портреты, бюсты и может быть памятники в свое время украсят построенные им наши крупнейшие электростанции, начиная с 1-ой Московской. Ушел из жизни один из самых выдающихся мировых инженеров-электротехников».

«Передайте товарищам рабочим и служащим МОГЭС мое горестное соболезнование по поводу кончины Р.Э. Классона, первого русского электротехника, учителя нескольких поколений практиков, неутомимого искателя все новых путей подъема, совершенствования станционного хозяйства и строительства. История электрификации России занесет славное имя Классона на свои страницы», – так говорит в своей телеграмме тов. Л.Б. Красин о Классоне, и он же дальше так начинает свою статью «Великий ум и неисчерпаемая воля», посвященную памяти Р.Э. Классона: «Скончался Роберт Эдуардович Классон. Наш Союз теряет в нем одного из наиболее блестящих и способных инженеров, первого по стажу русского электротехника, бессменного, в течение 35 лет, организатора, строителя и руководителя крупнейших, остающихся еще и по сей час образцовыми, центральных электрических станций. В этой области Классон не имел у нас себе равных, да я не думаю, чтобы и за границей у него было много соперников».

А «Экономическая Жизнь» в день похорон Р.Э. Классона говорит: «Сегодня хоронят Роберта Эдуардовича Классона... Из рядов борцов за промышленный и технический прогресс Советского Союза вырвана крупнейшая, невознагражденная жертва. В лице Р.Э. Классона сошел с жизненной сцены деятель чрезвычайно редкого еще в наших условиях типа и масштаба: подлинный строитель, не знавший иного пафоса, кроме пафоса созидания и рабочих будней, техник широкого творческого горизонта».

И как человек Роберт Эдуардович был необыкновенный: он умел привлекать к себе сердца людей, он имел особый подход к людям, что видно из многочисленных отзывов и воспоминаний, которые ниже помещены в этом сборнике. Он был человек величайшей скромности, сдержанности и благородства в лучшем смысле этого слова. Несмотря на его большую требовательность к соратникам, инженерам и техникам, он отличался большою отзывчивостью к людям, знал хорошо их нужды и умел подходить к ним и оказывать им помощь, не оскорбляя их человеческого достоинства – черта чрезвычайно редкая в людях. Р.Э., помогая, всегда сам как будто стеснялся этой помощью, и ему хотелось оказать ее таким образом, чтобы принимающий эту помощь человек, какого бы ранга он ни был, не мог бы оскорбиться этим.

Жертвы революции и все гонимые царским режимом во весь дореволюционный период всегда находили приют в управляемых Р.Э. предприятиях. В своей служебной автобиографии он сам указывает на это: «Я, как директор крупнейших электрических предприятий, имел возможность давать приют целому ряду угнетаемых политических деятелей, что явилось, в конце концов, тем, что значительная часть современных политических деятелей вышла из О-ва 1886 г., «Электропередачи» и моих Бакинских станций. Все они дали значительный контингент революционных деятелей, так как я считал своей обязанностью каждому гонимому, по мере сил, дать приют и возможность работать». И этих гонимых были не единицы. Здесь были и крупные инженеры, и другие специалисты, и рабочие, и служащие; многие из них занимают большие и ответственные посты в нашем СССР.

Во время разрухи Роберт Эдуардович много употребил усилий для того, чтобы работники 1-й МГЭС снабжались бы продовольствием вне очереди. Он между прочим писал об этом и Вл. Ильичу следующие строки: «Наши старые работники принуждены искать заработка на стороне, приходят на работу утомленными, засыпают перед машинами и котлами от усталости, но мы их даже винить не можем, так как они принуждены искать заработка, не будучи в состоянии прокормить семью на то, что им дают».

Рабочие массы как до, так и после революционного времени одинаково с глубоким уважением и любовью относились к Р.Э., им импонировал этот честнейший и открытый человек, подходивший к ним всегда просто, если предъявлял требования, то они были категоричны, и каждому было ясно, почему эти требования возникают.

Если к нему шли со своими нуждами, то рабочие знали, что он сделает все, что от него зависит. И каким теплом веет от всех воспоминаний рабочих, приводимых ниже о Роберте Эдуардовиче.

Его чуткость и теплота, с которыми он относился к рабочим на всех предприятиях, где он работал, создали ему глубокое уважение. Рабочие массы на почве этих взаимоотношений создали целый ряд легенд, а подчас и анекдотов, смысл которых все один и тот же: Классон не делал различия между инженерами, высшими служащими и рабочими; Классон был требователен, но всегда справедлив; Классон никогда не давал в обиду рабочих и не стеснялся до революции резко ставить вопрос об увольнении из тех начальствующих лиц, которые шли неправильным путем во взаимоотношениях с рабочими и обижал их. «Результатом таких взаимоотношений является то чувство искреннего уважения рабочих масс к Роберту Эдуардовичу, – говорит Правление МОГЭС в своем некрологе, – которое красной нитью проходило до конца его жизни во весь революционный период».

Р.Э. Классон был также нежным семьянином; любящим мужем и любящим отцом; взаимоотношения его с его детьми были чисто товарищеские, совершенно равные и каждый их успех его чрезвычайно радовал и он никогда не уставал рассказывать об этих успехах. После него осталась вдова (он был женат вторым браком) и пятеро детей от первого брака, из них – два сына и три дочери.

Отдых от своей огромной работы Роберт Эдуардович признавал только на охоте. Охотник он был страстный, увлекающийся; во время глухариного тока выезжал в глухой лес в два-три часа утра, где залегал в шалаше со своим большим приятелем, егерем т. В. Мамуниным, тоже страстным охотником. – «Вот смотрите на мои трофеи, сразу каких двух богатырей уложил, увлеклись, подлещы, в своей драке», – говорил Р.Э., показывая двух великолепных глухарей, привезенных им с охоты. – «Я испытываю чувство зависти к другим только на охоте», – частенько высказывался Р.Э., в особенности когда, как он сам говорил – «пропуделяет», что правда бывало с ним редко, по лисице или волку, или если зверь вышел не на его номер, а на номер соседа. Увлекался Р.Э. также ездой на велосипеде. В Баку – увлекался верховой ездой. Стрелок он был чрезвычайно меткий и, например, при состязании с револьвером в своем кружке он обстреливал всех.

В обществе Р.Э. был всегда центральной фигурой; всегда любезен, со всеми одинаков, всем находил что сказать, и отличался особенным своеобразным чисто «классоновским» остроумием; его милые шутки, острые словечки и живая беседа всегда восхищали всех. В особенности нужно отметить его глубокое уважение к женщинам, к которым он относился всегда с особой предупредительностью, не взирая ни на какой ранг.

Роберт Эдуардович в личной жизни был очень прост. Вставал всегда очень рано: зимой в 7 час. утра, а летом, на своей любимой «Электропередаче», зачастую уже в 5 часов утра его можно было видеть шагающим от торфососа к торфососу, за работой которых он наблюдал и давал личные указания и разъяснения мотористам, крановщикам и десятникам. Характерно отметить, что Роберт Эдуардович не терпел совершенно никаких услуг для себя и обслуживал себя всегда сам; даже больной он не допускал, чтобы ему оказывали самые необходимые услуги: «Зачем, зачем, я сам могу все это сделать».

Роберт Эдуардович в совершенстве знал русский язык, и его письма – и деловые, и личные отличались особенной яркостью и образностью, так же чисто «классоновским» стилем. Роберт Эдуардович обладал также и тонким художественным вкусом; он очень любил музыку и пение; понимал их и о музыкальных произведениях и их исполнении подчас давал такие меткие отзывы, что им мог бы позавидовать любой заправский рецензент; он очень высоко ценил музыкальное образование горячо любимой им своей жены Е.Н. Классон.

Любил Роберт Эдуардович природу, понимал ее, очень интересовался жизнью диких животных и птиц. Он был неутомим в ходьбе; совершая прогулки или осмотры полей гидроторфа, он до последних дней бодрым шагом мог ходить по несколько часов под ряд, и часто спутники его – молодые инженеры, взмаливались о пощаде и просили, как говорил Р.Э. «пardonу», а сам он хоть бы что, мог бы проходить и еще час, другой, без всяких признаков усталости.

Как общественный деятель Р.Э. Классон уже вырисовался из всего вышесказанного, но бросим еще два-три более ярких штриха и на эту сторону жизни покойного. Сам Роберт Эдуардович в своем письме В.И. Ленину от 9 декабря 1920 г. говорил: «Сношения с учреждениями идут ужасающе медленно, и невольно приходится касаться вопроса, важнейшего в данное время – вопроса организации промышленности. По этому вопросу я писал ряд докладов в соответствующие учреждения, т.к. считаю, что я, в качестве опытного промышленного деятеля, не имею права молчать, когда промышленность работает плохо».

Г.М. Кржижановский, подводя итоги жизни Р.Э. Классона на траурном вечере, посвященном памяти Р.Э., указывает, что «эта жизнь была глубоко серьезной и содержательной. Всем известно, что своей жизнью Роберт Эдуардович показал, какой запас сил был в нем и как своеобразно он умел их выявлять».

Всем нам известна статья Р.Э. Классона в Торгово-Промышленной Газете «О массовом производстве», практически ставящая вопрос о принципе организации промышленности в целях снижения себестоимости продукции; эта статья рисует Р.Э. как большого общественного деятеля. Точно так же большое общественное значение имеет и его посмертная статья «Кризис топлива и роль торфа», помещенная в Торгово-Промышленной Газете, где он проводит мысль о необходимости финансирования торфяных разработок за два-три года вперед, и только «тогда можно требовать, чтобы торф был дешев и добывался в каком угодно количестве» (Торг.-Промышл. газ. от 17/II-1926 г.).

Его значение не только для МОГЭС, но и для всего СССР, конечно, огромно, и смерть его как «тяжелый громовой удар до глубины души потряс всех знавших его, а знали его тысячи людей, начиная с рабочих электрических станций и огромной армии рабочих торфяников и кончая старыми опытными инженерами; знали его хорошо и за границей» (Стадников и Кирпичников). А т. И.И. Радченко добавляет, что смерть Роберта Эдуардовича Классона «оставила громадный пробел в рядах строителей новой жизни».

За границей знали его хорошо потому, что его технические достижения, его замыслы интересовали промышленный мир Западной Европы. «В настоящее время, – говорит Г. Кржижановский, – крылом так называемого метода гидроторфа мы далеко опередили наших западных учителей и этим мы больше всего обязаны Р.Э. Классону». А Председатель Правления МОГЭС К.П. Ловин в своем слове на траурном вечере, посвященном памяти Р.Э. Классона, отмечал: «Узнав о его смерти, всколыхнулся не только наш Союз – вся его мыслящая активная часть, но и Западная Европа, это можно видеть из тех многочисленных телеграмм, соболезнующих о безвременной кончине, которые мы получили за эти дни». А, оценивая значение Р.Э. Классона, К.П. Ловин в том же своем слове говорил: «Я уже сказал, что он не только был великий техник и двигатель технической мысли и учитель техники, нет, он был великий общественный работник».

Смерть последовала на заседании [в] ВСНХ 11-го февраля 1926 г. в 3½ часа дня и произошла от разрыва сердца. Недуг давно уже подтачивал силы Роберта Эдуардовича, и врачи давно уже советовали Р.Э. меньше работать и беречь свои силы, но на это он никогда не соглашался, считая, что пока живет человек и чувствует в себе силы, он должен, не переставая, работать, и вот «внезапная смерть кладет конец работе этого великого и живого ума и этой неисчерпаемой воле», говорит т. Л. Красин.

Умер Роберт Эдуардович на 58-м году, полный сил и энергии, с большим запасом еще неосуществленных идей и планов. «Утрата громадна и незаменима», констатирует Правление МОГЭС в своем некрологе, и с ним вместе о том же говорят все страницы настоящего сборника, это свидетельствуют все знавшие его, это подтверждает вся его жизнь и деятельность, посвященные им великому делу творчества.

[член Правления МОГЭС] А. ЕФРЕМОВ

12-го Февраля 1926 года

ПРИКАЗ №54

ПО ПРАВЛЕНИЮ МОГЭС И СТАНЦИЯМ ОБЪЕДИНЕНИЯ

11-го сего февраля в 3½ часа дня во время заседания в Высшем Совете Народного Хозяйства [Р.С.Ф.С.Р.] скончался от разрыва сердца Член Правления и Директор Московской Государственной Электрической Станции инженер Роберт Эдуардович КЛАССОН.

По окончании Технологического Института в 1891 г. Р.Э. КЛАССОН посвятил всю свою жизнь работе в электропромышленности и за это время спроектировал и построил целый ряд крупнейших электростанций в Союзе, как-то: Московскую Гос. Электр. Станцию им т. Смидовича, две электростанции в Баку и станции в целом ряде других городов. Он же явился пионером и в постройке районных электростанций, являющихся в настоящее время основной базой электростроительства.

В 1912 г. Р.Э. КЛАССОН в целях утилизации местного дешевого топлива построил первую в России районную электростанцию «Электропередача» с применением первый же раз в России высокого напряжения 70 000 вольт. Ему же первому пришла мысль использовать для постройки станции и мощные торфяные массивы на Шатурских и Чернораменских болотах, где впоследствии Советским Правительством были воздвигнуты мощные Шатурская и Нижегородская районные электростанции.

Его гениальный ум не мог мириться с обычными практиковавшимися условиями работы на торфяных болотах, и он поставил себе задачей облегчить этот труд, т.е. механизировать саму добычу торфа, что он блестяще и разрешил путем создания особого метода торфодобычи, так называемого способа гидроторфа.

Во время революции Р.Э. Классон приложил всю свою энергию и все свои знания для поддержания электростанций на должной высоте, а с улучшением общего хозяйственного положения страны отдал все силы восстановлению и расширению электростанций.

Не было ни одной организации, занимавшейся вопросами электростроительства, которая не соприкасалась с Р.Э. КЛАССОНОМ.

За всю свою жизнь, которая так неожиданно оборвалась, Р.Э. КЛАССОН воспитал целый ряд поколений инженеров-практиков, занимающих ныне видные административные посты в Союзе. Р.Э. КЛАССОН внес действительно неоценимый вклад в дело социалистического строительства Союза, и имя его будет занесено на светлые страницы истории электрификации Союза.

В лице Р.Э. КЛАССОНА Правление имело ценнейшего руководителя и инженера, и смерть его является для Треста ничем невознаградимой потерей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ:	К.П. ЛОВИН
ЗАМ. УПРАВЛЯЮЩЕГО ДЕЛАМИ:	В.А. БРЕННЕР

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ПРАВЛЕНИЯ МОГЭС

По делу об увековечении памяти
и обеспечении семьи умершего
Члена Правления МОГЭС и
Директора 1-ой Московской
Государственной Электрической
Станции имени тов. Смидовича
инженера Роберта Эдуардовича
КЛАССОН

11-го февраля скончался от разрыва сердца Член Правления МОГЭС и Директор 1-ой Московской Государственной Электрической Станции имени тов. Смидовича, Инженер Роберт Эдуардович КЛАССОН.

Инженер Р.Э. КЛАССОН по окончании Технологического Института посвятил всю свою жизнь делу электростроительства и в этой области являлся крупнейшим специалистом не только в Союзе, но и в Западной Европе, где его имя пользовалось большим авторитетом. Постройка Московской Государственной Электрической Станции в 1895-97 гг., в то время первой крупной, мощной станции в России, затем постройка электростанций в Баку, разработка рядов проектов крупных электрических станций, все это являлось делом рук Р.Э. КЛАССОНА. Он же явился инициатором использования местного топлива, в целях утилизации его для передачи электрической энергии на большие расстояния, для чего он построил первую районную станцию в России – «Электропередачу», которая явилась прообразом тех районных электрических станций, которые в таком большом количестве строятся в настоящее время Советским Правительством, и на которой получил свою техническую подготовку целый ряд молодых инженеров, являющихся в настоящее время крупнейшими строителями и организаторами дела электростроительства.

Добыча торфа для районных станций до самого последнего времени производилась обычным, всюду практиковавшимся путем, так называемым машинно-формовочным способом, с которым связаны чрезвычайно тяжелые условия труда рабочих торфяников. И здесь гений покойного не мог мириться с такими нечеловеческими условиями работы, и он поставил себе задачей механизировать добычу торфа, в чем он нашел горячую поддержку со стороны покойного В.И. Ленина. Задачу эту он блестяще разрешил, создав особый метод вполне механизированной добычи торфа – так называемый «Гидроторф», в настоящее время признанный радикально разрешающим задачу торфодобычи не только у нас, но и за границей. В последние годы он поставил себе задачу освобождения торфяного производства от сезонной сушки и выработал способ искусственного обезвоживания гидроторфа, для проверки которого в промышленном масштабе при энергичной поддержке Владимира Ильича построил опытный завод при ГЭС «Электропередача». Преждевременная кончина помешала довести это дело до конца.

В самые последние месяцы Р.Э. Классон, учитывая опыт Америки, очень интересовался вопросами сжигания пылевидного топлива и организовал эти опыты на станции «Электропередача».

Во все время революции Р.Э. Классон с тем же энтузиазмом продолжал свое дело подерживания на высоте работы Московских электростанций, а с общим улучшением экономического положения страны принял самое активное участие во всех начинаниях Правительства, связанных с электрификацией страны, являясь постоянным и самым деятельным участником комиссии ГОЭЛРО, ЦЭС'а и всех вообще организаций, так или иначе имевших отношение к электростроительству.

Со смертью Р.Э. Классона Правление МОГЭС потеряло ценнейшего руководителя и инженера, опытом которого оно постоянно так широко пользовалось.

Будучи еще студентом Р.Э. Классон состоял членом, совместно с покойным В.И. Лениным, Н.К. Крупской, В.В. Старковым, первого марксистского революционного кружка. Затем, по окончании Института, уже занимая высокие административные посты, он оказывал ценнейшие услуги революционным деятелям, за что подвергался преследованиям со стороны представителей царской власти и капитала.

Услуги, оказанные покойным Р.Э. Классоном уже во время революции, в прямом смысле этого слова неисчислимы. С необыкновенной энергией он в чрезвычайно тяжелых условиях, когда Советская Россия была отрезана от нефтяных и угольных источников, поддерживал работу Московских электростанций, и если Москва имела у себя электрическую энергию в эти тяжелые годы, то этим и население и Московская промышленность в значительной степени обязаны покойному Р.Э. Классону.

Правление МОГЭС, принимая во внимание выдающиеся услуги, оказанные умершим делу социалистического строительства страны, считает своим долгом ходатайствовать перед Правительством:

1/ ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Р.Э. КЛАССОНА

Р.Э. Классону первому пришла в голову мысль утилизировать в России местное дешевое топливо, для чего он спроектировал и построил первую районную станцию «Электропередача», в целях передачи электрической энергии на дальнейшее расстояние в Москву. В тяжелые годы, 1918-21, главная работа по электроснабжению Москвы пала на станцию «Электропередача», выстроенную по инициативе Р.Э. Классона и сыгравшую в годы революции такую крупную экономическую и политическую роль. Поэтому станция «Электропередача», являющаяся в полном смысле этого слова творением рук Р.Э. Классона, имеет все основания именоваться его именем. Тотчас же по получении известия о смерти Р.Э. Классона на станции «Электропередача» состоялось экстренное собрание рабочих и служащих, которые единогласно вынесли постановление о присвоении этой станции имени Р.Э. Классона.

2/ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ СЕМЬИ Р.Э. КЛАССОНА

После умершего Р.Э. Классона осталась семья, состоящая из жены, двух сыновей, которые в настоящее время продолжают образование в высших учебных заведениях в Германии, совершеннолетней дочери и двух замужних дочерей. Семья осталась без всяких средств. Поэтому Правление МОГЭС ходатайствует о назначении вдове Р.Э. Классона наивысшей пенсии, а двум сыновьям впредь до окончания ими образования – стипендий. Дабы не отягощать общегосударственного бюджета выдачей этих сумм, было бы вполне возможным выдавать как пенсию, так и стипендии сыновьям за счет Московской станции, которую Р.Э. Классон построил и которой руководил свыше 25-ти лет. Всего покойный проработал в электропромышленности около 35-ти лет.

Указанные мероприятия являются не только актом известной справедливости по отношению к умершему Р.Э. Классону, но и в политическом отношении представлялись бы весьма желательными, являясь лучшим доказательством правильной оценки Советским Правительством работников-специалистов, так горячо и беззаветно служивших целям и задачам, которые ставило и ставит Правительство.

15-го Февраля 1926 года

Правление
Моск. Объед. Гос. Электр. Станц.
«МОГЭС»

Председатель Правления: К. ЛОВИН

В. ЯНОВИЦКИЙ

Члены Правления:

М. КУДРЯШОВ

А. ВИНТЕР

15-го Февраля 1926 года

Принимая во внимание выдающиеся заслуги Члена Правления МОГЭС и Директора 1-ой Московской Государственной Электрической Станции им. тов. Смидовича Инженера Роберта Эдуардовича Классона в деле восстановления и расширения электростанций Треста, все его другие работы по электрификации Союза, его высоко-научные изыскания в области торфодобычи, давшие такие положительные результаты, и что Р.Э. Классон внес реальный крупнейший вклад в дело социалистического строительства страны, мы всецело присоединяемся к ходатайству Правления МОГЭС, изложенному в его докладной записке, и от имени рабочих станции просим о скорейшем положительном разрешении этого ходатайства.

ЗАВКОМ 1-й Моск. Госуд. Электр.
Станции им. т. Смидовича
и Правления МОГЭС: В. МОРОЗ
Е. СМИРНОВ
А. СТАРОСТИН

БЮРО ЯЧЕЙКИ В.К.П. 1-й Моск.
Госуд. Электр. Станц.
им. т. Смидовича и
Правления МОГЭС: В. АРХИПОВ
Г. ЧЕВАЧЕВ
А. ТИМОШИН
Ф. ГОЛОВАНОВ
В. КРЮЧКОВ

ЗАВКОМ Госуд. Электрич. Станции
«Электропередача»: С. ДУЖНИКОВ
А. ПАШКОВ

БЮРО ЯЧЕЙКИ В.К.П. той же
станции: И. ФИЛИППОВ
В. ФРОЛОВ

ГРАЖДАНСКИЕ ПОХОРОНЫ Р.Э. КЛАССОНА

11-го февраля немедленно по получении Правлением МОГЭС по телефону сообщения, что Роберт Эдуардович почувствовал себя дурно, были командированы врачи в здание Президиума ВСНХ, где, к сожалению, врачам пришлось констатировать смерть. Тело покойного было через час перевезено из помещения ВСНХ на квартиру покойного, Садовники, 11. Первая гражданская панихида была совершена в тот же день вечером в 8 часов.

С момента перенесения тела на квартиру 11-го февраля и до выноса тела 14-го февраля непрерывно являлись депутации и отдельные лица с выражением соболезнования как Правлению МОГЭС, так и семье покойного. За эти 3 дня квартиру покойного посетило несколько тысяч человек рабочих и представители правительственных учреждений. При гробе был назначен почетный караул из рабочих и служащих электростанций и Правления МОГЭС, бесменно дежуривший все эти дни. На гроб были возложены венки от Правления МОГЭС, Заводоуправлений всех станций, входящих в Объединение Треста, от рабочих и служащих электростанций, от Коллектива Инженеров, от Гидроторфа и служащих Гидроторфа, от рабочих завода по обезвоживанию, от Берлинского Торгпредства и от отдельных почитателей и друзей покойного.

Вынос тела состоялся 14-го февраля в 10 час. утра. Гроб был вынесен Членами Правления МОГЭС и представителями партийных и профессиональных организаций Треста. При выносе присутствовали Председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский, Зам. Председателя ВСНХ РСФСР И.И. Радченко, представители Госплана, ВСНХ, Главэлектро и других правительственных учреждений. Похоронная процессия растянулась почти на версту.

На Красной Площади похоронная процессия приостановилась у могилы Владимира Ильича. Похоронная процессия прибыла на кладбище Ново-Девичьего монастыря около 1 часу дня.

Перед открытой могилой был произнесен ряд речей, в которых отмечалась та утрата, которую понес Союз в лице Р.Э. Классона.

--oo0oo--

ВЕНКИ, ВОЗЛОЖЕННЫЕ НА ГРОБ РОБЕРТА ЭДУАРДОВИЧА КЛАССОН

1. Творцу технической и общественной мысли, талантливому организатору, строителю, товарищу – другу Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от членов Правления МОГЭС.

2. Основателю станции и лучшему многолетнему администратору Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от Заводоуправления 1-ой Московской Государственной Электрической Станции.

3. Инженеру Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от рабочих станции «Электропередача» – ее основателю и строителю.

4. Крупнейшему организатору и строителю социалистического хозяйства, дорогому товарищу Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от Заводского Комитета и ячейки ВКП (б.) Правления МОГЭС и 1-ой МГЭС.

5. Незабвенному руководителю и преданному борцу за рабочее дело Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от рабочих и служащих Правления МОГЭС и 1-ой МГЭС.

6. Техническому вождю и учителю и старшему товарищу Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от Коллектива Инженеров Правления МОГЭС.

7. Дорогому Роберту Эдуардовичу – основателю завода Гидроторфа – от рабочих и служащих завода последний привет.

8. Учителю, другу и товарищу Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от Шатурской Государственной Электрической Станции.

9. Дорогому Роберту Эдуардовичу – учителю и другу от сотрудников Гидроторфа.

10. Создателю и бессменному руководителю Гидроторфа от Гидроторфа.

11. Строителю электрификации и основоположнику Гидроторфа Роберту Эдуардовичу КЛАССОНУ от Управления МГЭС*.

12. Дорогому Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от сотрудников «Госторфа». Революционеру торфяного дела.

13. Старому соратнику по хозяйственной работе Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от работников Госплана СССР.

14. Он жил и умер на посту. 1868-1926. Роберту Эдуардовичу КЛАССОНУ, строителю-электрификатору, творцу Гидроторфа – Торговое Представительство СССР в Германии.

15. Обществу русских электротехников – члену основателю.

16. Дорогому другу Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от технологов Московского района.

17. Дорогому Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от работников Приемного Покоя[1-ой МГЭС].

18. Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от Правления Ленинградского Электротока.

* МГЭС – бывш. Трамвайная электростанция.

19. Роберту Эдуардовичу КЛАССОНУ от Глуховской Электростанции и Кабельного Отдела г. Богородска.

20. Незабвенному учителю и руководителю, дорогому Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от Коллектива Инжсекции ГЭС «Электропередача».

21. Незабвенной памяти Роберта Эдуардовича КЛАССОН от его учеников Шатуры инженеров и техников.

22. Дорогому другу-товарищу, горячо любимому Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от Леонида и Германа КРАСИНЫХ.

23. Коллеге и другу Р.Э. КЛАССОН от Стадникова.

24. Дорогому Роберту Эдуардовичу КЛАССОНУ от преданных друзей Б.А. КРЕВЕРА и И.И. ФЕНЬКЭВИ.

25. Дорогому Роберту Эдуардовичу КЛАССОН от жены и детей.

РЕЧИ НАД МОГИЛОЙ

Зам. Председателя Правления МОГЭС В.И. ЯНОВИЦКОГО

Страшно трудно говорить. Смерть Роберта Эдуардовича потрясла нас всех, его ближайших работников, как страшный, внезапный удар грома, и мы до сих пор от этого удара не оправились. На этот раз смерть вырвала из наших рядов лучшего. За последнюю неделю Правлению и мне в том числе приходится второй раз быть на этом кладбище: ровно 7 дней тому назад мы провожали нашего славного работника, специалиста-инженера А.Е. Шамилова – провожали вместе с Р.Э. Когда мы вошли сюда, в ограду монастыря, Р.Э. сказал слова, роковое значение которых стало понятно только теперь. Тогда он сказал: «Как здесь хорошо. Как здесь можно отдохнуть!» И вот через неделю мы уже провожаем Р.Э. Если так пойдет дальше, то мы здесь скоро будем блестяще представлены и займем большую территорию.

Мы стоим у могилы большого, настоящего строителя и в буквальном и переносном смысле этого слова. Р.Э. строил много и строил хорошо, и самое главное то, что он строил не на словах, а на деле. То, что он создал из твердой материи, те электрические станции, которые выстроены им в Москве, на торфяных болотах, на нефтяных разработках в Баку, – все эти станции легли, как краеугольные камни, в основу нового строительства России, и они, как ее основной фундамент, сохранятся на сотни и сотни лет. Но еще лучше, еще прочнее строил Р.Э., может быть сам того не замечая, в сердцах людей.

Он оставил глубокую борозду, глубокий след в той среде, где работал, среди тех, кто с ним соприкасался. Эта постройка в сердцах людей перенесла гораздо более страшные бури, чем бури морские. Та любовь и то уважение, которые окружали его среди соратников по работе, среди рабочего класса, – эта любовь и это уважение остались непоколебленными как во время жестокого царизма, так и во время страшной империалистической войны, а также и среди бурь последних лет Революции. Эта постройка, как видите, была очень прочная.

Мы стоим сейчас у могилы учителя, славного учителя целого ряда поколений техников, инженеров. Вместе с Р.Э. отлетел от нас его великий творческий дух, дух вечно ищущий, вечно старающийся создать все новое и новое, все лучшее и лучшее. Р.Э. принадлежал к той небольшой по количеству, но великой по качеству группе людей, которая одна только ведет человечество вперед, которая совершает великую творческую работу, – работу духа и мысли человеческой. На этот раз смерть вырвала из наших рядов одного из великих могикан.

Жизнь и смерть нас многому научили, и с грустью нужно сказать, что они нас научили, между прочим, хорошо организовывать похороны великих и славных людей.

Р.Э. ушел, но нам нужно жить бороться, творить и строить. Мы – закаленные бойцы, мы не боимся смотреть в глаза смерти и видели ее много раз, и против нее у нас есть сильное оружие, против которого и она бессильна, это оружие – сила духа человеческого, сила творческих идей, которыми так богат был покойный.

Умер Р.Э., но не умерло то, чему он нас учил, не умерли его идеи. И эти великие идеи мы подхватим и понесем через жизнь дружной сплоченной фалангой. Правда, нас осталось немного. Наш строй редееет, и нам нужна смена.

Прощай, наш старший товарищ, наш любимый, дорогой учитель! Прощай! Мы додержимся до смены или умрем также, как ты, на посту!

Смена, откликнись!

Прощай!

Представителя Главэлектро ВСНХ СССР С.А. КУКЕЛЬ-КРАЕВСКОГО

Главное Электротехническое Управление и Коллектив Инженеров Главэлектро оплакивают сегодня незаменимую утрату одного из самых опытных, самых ценных советников при строительстве нового большого плана электрификации. То, что во время своей жизни, за время своей долголетней, крайне плодотворной, редк[остн]о плодотворной инженерной деятельности построил Р.Э., то легло в основу всего нового строительства, и все новые станции, которые с каждым годом будут давать свет, тепло и силу в СССР, все они являются продолжением той работы, которая была создана за время долголетней деятельности Р.Э. На долю Роберта Эдуардовича выпала редкая честь – 35 лет высоко держать знамя науки и техники в громадной стране, создать так много и умереть на славном посту в самый разгар деятельности.

Роберта Эдуардовича мы ценим глубоко не только как работника с громадным опытом, мы его ценим глубоко и как человека. Р.Э. высказывался всегда исключительно на основании своего опыта и своего глубокого убеждения. Та мысль, которая была высказана Робертом Эдуардовичем, мы все знали, что это – глубоко продуманная мысль, и что это мысль, при формулировке которой Р.Э. не задумывался о том, приятна ли она кому-нибудь или неприятна. Эта исключительная самостоятельность суждения такого большого человека, такого опытного человека, с таким громадным умом, с такой громадной эрудицией, это была редкая ценность.

Будем надеяться, что та работа, которая была проделана за 35 лет инженерной деятельности Р.Э., одного из первых строителей нашей электрификации, и та большая работа, которую он делал в последние годы своей жизни, это – работа по созданию новых способов добывания торфа, как одной из баз нашего нового строительства, что эта работа будет продолжаться также успешно и со все более широким масштабом его учениками, его сослуживцами, его друзьями.

Представителя Всероссийской Ассоциации Инженеров проф. М.К. ПОЛИВАНОВА

Всероссийская Ассоциация Инженеров, О-во Русских Электротехников и Центральный Электротехнический Совет поручили мне выразить глубокое сожаление об утрате дорогого Р.Э., сказать над его гробом последнее прощание.

Мы потеряли в лице Р.Э. совершенно исключительного по талантности инженера. 30 с лишком лет работал он на пользу русской техники, на пользу России. В его лице его талант совершенно исключительно сочетался со способностями исследователя и изобретателя и чрезвычайной энергией, с которой он проводил свои технические идеи. Перед нами стоит одна из его первых гениальных по верности мысли работ – станция «Электропередача», та «Электропередача», на которой местное топливо было впервые сожжено и передано в Москву[в виде электрической энергии]. Эта станция послужила прототипом для целого ряда других станций.

Перед нами также стоит другая его замечательная работа – Гидроторф, и целый ряд других чисто технических работ в области тех станций, которыми он заведывал за 30 лет его работы. Здесь у гроба трудно оценить и справедливо полностью все вспомнить, что он сделал, этому будет посвящено одно из ближайших заседаний в О-ве Русских Электротехников. Но здесь я должен сказать, что общество его товарищей в нем не только ценило выдающегося инженера, но ценило в нем совершенно исключительного человека, человека исключительно доброй души, исключительно отзывчивого на все доброе и неспособного ни на какую фальшь, ни на что плохое.

С исключительным чувством горя и сожаления я повторяю «прости» над гробом товарища. Но я должен сказать, что память о нем долгое время будет жить в сердцах тех, кто его знал, и среди тех людей и товарищей, которые будут продолжать его работу... Последнее прости.

Представителя кружка Ленинградских технологов и О-ва Русских Электротехников В.А. БЕЛОЦВЕТОВА

От семьи осиротевших технологов мне хочется сказать несколько слов о покойном Роберте Эдуардовиче. Он был для нас не только славным инженером, он занимал центральное место в нашей товарищеской организации. Когда-то, 25 лет тому назад, впервые приехавший сюда, молодым человеком, он сразу стал той осью, около которой мы, петербургские технологи, объединились. Этот человек, одареннейший человек, талантливейший организатор, был в то же время чудесным товарищем, в самом лучшем смысле этого слова, с необычайной, поразительной чуткостью.

Наши собрания проходили не только в бытовых товарищеских разговорах, на них часто поднимались глубокие темы, и они подымались преимущественно нашим дорогим Робертом Эдуардовичем. Этим нашим центром покойный был с первых лет нашей организации, около 25 лет тому назад, и до самых последних минут своей жизни. Над нами судьба сейчас зло подшутила: сегодня как раз должно было быть у него на квартире наше очередное товарищеское собрание, которое он, в своих обычно приветливо-шутливых тонах, назначил за полчаса до своей смерти у меня в кабинете. И вот мы, технологи, пришли к нему в этот день, но, увы, уже для того лишь, чтобы поклониться его праху и опустить в землю.

Он был предметом нашей гордости всегда. Пусть же он послужит образцом для нас – и как техник и как человек – во всей дальнейшей нашей жизни.

Спи, дорогой Роберт Эдуардович! От всей души, от всего сердца мы, благодарные тебе твои старые товарищи технологи, говорим: да будет тебе легчайшим пухом эта холодная земля!

Представителя Гидроторфа М.Х. ГУРЬЕВА

Умер друг, учитель, творец. Не стало чистой, обаятельной личности, которая притягивала всех, кто с ней соприкасался. Не стало отзывчивой, чистой детской души. Он всем оказывал поддержку, всем помогал и никогда не знал отказа всякий, кто обращался к нему. Не стало учителя, который постоянно своим примером, делом, показывал, как нужно работать. Не стало товарища, гражданина. Не стало творца Гидроторфа, не стало творца детища, которому он отдал последние годы своей жизни. Не стало Роберта Эдуардовича!

С его смертью уходит в могилу один из наиболее талантливейших техников, один из самых честнейших людей. Но нам останется одно утешение, один его непреложный завет: его пример как надо работать, как надо жить, к чему стремиться и что нужно делать. Я присутствовал на последнем заседании, где умер Р.Э. Его мысли, его слова были те же, что он проводил всю свою жизнь: «Товарищи, не нужно слов, а нужно дело!»

И я думаю, этот последний его завет мы должны свято хранить, мы должны стремиться к нему, мы должны выполнить те начертания, которые он наметил, и должны быть стойкими и преданному делу, которому он посвятил свои последние годы жизни.

Мы клянемся в том, что в дальнейшей своей работе будем придерживаться тех заветов, которые он оставил, и будем стремиться больше выполнять не на словах, а на деле.

Спи, Роберт Эдуардович! Мы, твои близкие сотрудники, никогда не забудем того, что ты сделал для нас лично. Ты своим примером указывал, как нужно работать и что нужно делать людям. Своим отношением ты указывал, что нужно быть отзывчивым, мягким, добрым и никогда не судить других – вот твои слова. Мы постараемся свято сохранить твои заветы, дорогой Роберт Эдуардович!

Представителя сотрудников Правления МОГЭС А.Н. ЕФРЕМОВА

Собрало нас сюда, дорогие товарищи и граждане, печальное событие.

Умер КЛАССОН...

КЛАССОНА не стало среди нас.

Мы не услышим больше его милого голоса, его блестящих, метких, но безобидных, острых словечек и шуток, не увидим милого для всех нас лица и особенно выразительного взгляда его умных глаз.

Он ушел от нас навсегда, и сейчас, у раскрытой могилы, словами невозможно выразить всю ту скорбь, которой охвачены мы все, а в особенности близко знавшие, многолетние соратники его, прошедшие вместе с ним несколько десятилетий и постоянно учившиеся под его руководством и почерпавшие в его огромном моральном авторитете силы и энергию для своей повседневной работы.

Он ушел, но какую светлую память оставил он по себе, и как горды должны быть оставшиеся, ибо могут сказать: «Мы близко и хорошо знали Классона, мы работали вместе с ним и участвовали в выполнении его планов и намерений. Он научил нас своим примером высоко ценить знания и энергию и неустанную работу для общего блага, а эту работу он ставил выше личных интересов, он ставил ее целью своей жизни и своих достижений».

Спи, дорогой учитель, товарищ и друг.

Ты обладал такой редкой душевной красотой, ты так умел привлекать к себе сердца людей и ты создал слишком много ценностей, чтобы можно было забыть тебя даже и в более отдаленное от нас время, а мы, все знавшие и любившие тебя, знаем, что к этой дорогой нам отныне могиле тропа не зарастет.

Представителя Коллектива Инженеров МОГЭС и 1-ой МГЭС Н.И. ЯЗЫКОВА

Товарищи, всем нам понятно, как трудно говорить в данный момент, когда перед нами лежит охладевший труп Роберта Эдуардовича. Работал я с ним 32 года, с самого начала как только он приехал из Германии в Россию, и я делал с ним первую установку высокого напряжения трехфазного тока. С тех пор прошло 32 года, и я не расставаясь проработал с ним. С ним было легко работать, работать было легко потому, что он с самого начала в человека вкладывал чувство такое, что не обязанность заставляет работать, что работа не есть обязательство, а работа есть долг. И вот мы, кто с ним долго проработал, прекрасно это понимали, и у нас так работа с ним и шла. Все знали, кому приходилось с ним соприкасаться, то обаяние Роберта Эдуардовича, которое всегда внушало всем и каждому особое уважение к себе. Мы все, конечно, теряем в лице Роберта Эдуардовича и дорогого человека и начальника и сослуживца, а я кроме того еще и дорогого учителя.

Представителя Коллектива Инженеров МОГЭС и 1-ой МГЭС И.В. НИКОЛАЕВА

Ушел от нас дорогой Роберт Эдуардович КЛАССОН.

В лице его мы потеряли крупного инженера-новатора, неутомимого работника и благородного начальника.

Роберт Эдуардович был поистине благородным человеком. Чуткость и теплота его сердца всегда приковывали нас к нему. Та жизненная мудрость, которой обладал Роберт Эдуардович, подчас философски разрешая сложные вопросы, ставила его на пьедестал. Но нет, Роберт Эдуардович не нуждался в этом. Он ко всем вопросам всегда подходил с лицевой стороны и разрешал их по-рыцарски.

Работая с Робертом Эдуардовичем с [18]90-х годов, мы всегда изумлялись его милой красивой простоте, его больше чем человеческому подходу ко всем людям вообще. Он не делал разницы между людьми. Роберт Эдуардович одинаково подходил и к синей блузе и к дорогому английскому сюртуку. Для Роберта Эдуардовича все люди были равны, и вот этот рыцарь, этот с головы до ног джентльмен, ушел от нас.

Прощай наш вождь, дорогой Роберт Эдуардович, прощай!

Представителя Коллектива Инженеров МОГЭС и 1-ой МГЭС Г.Ф. КОПП

Дорогой, незабвенный наш товарищ и учитель!

Нет слов выразить ту печаль, ту скорбь, то душевное потрясение, которое охватило всех нас при вести о твоём, дорогой наш Роберт Эдуардович, безвременном уходе из нашей инженерской семьи.

Мы всегда чтили тебя не только как талантливого крупного инженера и создателя с присущей тебе смелой инициативой, но и видели в тебе и преклонялись перед тобой, как перед нашим любимейшим, авторитетным учителем и руководителем. Много из нас прошло через твою школу, многие из нас обязаны тебе своим практическим опытом, своими познаниями в инженерном искусстве. Честно, с любовью и с присущим тебе благородством относился ты к нам, помогал и защищал нас в трудную минуту.

Честно и доблестно ты высоко держал знамя инженерства и умер на посту. Ты был нашим идеалом и останешься им для всего инженерства.

Мир праху твоему.

Представителя Заводоуправления 1-ой МГЭС Ф.А. РЯЗАНОВА

Сегодня 1-ая Московская станция хоронит своего строителя и бессменного директора. Р.Э. любил станцию, гордился ею и жил ее интересами. Как выдающийся высокообразованный инженер, он старался поставить образцово дело на станции и это ему удалось. На станции всегда устанавливались и испытывались все крупнейшие завоевания европейской техники. Будучи высокоталантливым инженером, с богатой инициативой, Р.Э. был неутомим в своих изобретениях и усовершенствованиях. Понимая, что образцовая работа станции может быть лишь при соответствующем персонале и строгой дисциплине, Р.Э. тщательно в течение многих лет подбирал персонал и, будучи сам высокодисциплинированным, ввел дисциплину и на станции. Благодаря этому станция – одно из немногих предприятий – без отказа работала в годы революции, и разруха в эти годы почти не коснулась ее.

Несмотря на введенную им строгую дисциплину на станции, работники всегда хорошо относились, ценили и любили Р.Э., потому что наряду со строгими, но справедливыми требованиями, Р.Э. был всегда отзывчив к нуждам рабочих и всегда старался им помочь. До самого последнего времени можно было видеть, как работники непосредственно обращались к Роберту Эдуардовичу и всегда находили с его стороны сочувствие и поддержку.

Спи, дорогой, безвременно погибший учитель и товарищ. Будем верить, что дело, поставленное тобой, будет поддерживаться на должной высоте, и твоя жизнь, полная неутомимой творческой работы, послужит многим из нас примером.

Представителя Управления ГЭС «Электропередача» Б.А. ТЕЛЕШЕВА*

Дорогой Роберт Эдуардович может быть назван настоящим отцом предприятия «Электропередача». Там у него было два детища: основанная им станция и созданный им Гидроторф. Круглый год, даже зимой, не взирая на трудность транспорта, он регулярно приезжал на «Электропередачу» для того, чтобы видеть и знать все, что там делается. Со свойственной ему энергией и неутомимостью он успевал забегать во всякий уголок сложного предприятия, успевая войти в курс работы и давая ценные указания. Вместе с тем, со свойственной ему чуткостью и умелым подходом к людям, во время своих посещений и обхода предприятия, он умел каждому из работников, в особенности тем, с которыми его связывали многие годы совместной работы, будь то инженер или рабочий, сказать несколько ободряющих слов.

Теперь Роберта Эдуардовича не стало и над могилой его мы должны пообещать, что начатое им дело будет продолжаться нами или теми, кто нас сменит, и что свет, сияющий с торфяных болот, будет нам всегда напоминать того, кто был его инициатором. Прощай, дорогой учитель. Одна смена, которая успела научиться у тебя, готова. Пусть готовится следующая, которая должна чтить твою память так же, как мы чтим тебя лично.

Представителя Моск. Губерн. Бюро Инженеров Металлистов Г.С. САНГОВИЧ

Товарищи, не стало Роберта Эдуардовича.

Деятельность его была многогранна. Крупный бриллиант светит бесконечным количеством граней. В нем нельзя никогда счесть то количество граней, которыми он светит. Таким был и Роберт Эдуардович. Не ни сил, ни возможности здесь перечислить хотя бы маленькую часть тех граней, которыми он светил. Я хочу указать на одну из этих граней, это – отношение Р.Э. к объединению инженеров по профессиональной линии. И эту часть в своей деятельности не забыл Роберт Эдуардович.

Я помню 1920 г., когда инженеры-металлисты решили организовать секцию. Одним из первых, который морально поддержал эту организацию в то тяжелое время, был Р.Э. Как сейчас перед глазами я вижу его сидящим в первом ряду, в пальто, в широкополой шляпе, и все, кто за ним стояли, были уверены в успехе начатого дела. Почему? Потому что впереди сидел Р.Э. Это придавало им бодрость, морально их поддерживало.

Еще недавно, месяца два тому назад, об этой стороне деятельности мне приходилось говорить с Р.Э. Он поделился со мной очень интересными мыслями. В заключение в разговоре сказал: «Да, нужно инженерам объединяться, нужно сплотиться и по профессиональной линии, нужно создать соответствующую обстановку для правильного хода нормальной работы инженеров... Мое дело подходит к концу... Хотелось бы и считаю, что мне нужно в области строительства спроектировать одну большую тепловую электрическую станцию по последнему слову техники и построить ее. Когда я это сделаю, моя задача будет окончена».

К сожалению, этого Роберт Эдуардович не успел сделать, но те многие мысли, которые заронены в наши души, в наши сердца, они не погибнут, они разовьются.

Спи, дорогой товарищ, и будь уверен, что твои мысли, твои заветы мы выполним! Да будет земля тебе пухом!

* Борис Аркадьевич Телешев (1894 – 1967). Инженер-электрик и теплотехник. В 1919-м работал в Управлении электростанций Богородского района. С 1922-го – член правления МОГЭС, в 1924-26 гг. заведовал станцией «Электропередача».

Представителя Шатурской Электростанции тов. ЗАЙКОВСКОГО

Товарищи, я хотел сказать о Роберте Эдуардовиче Классоне не только как об инженере, но и как о человеке. Мне пришлось с ним работать приблизительно около 30 лет периодически. Некоторое время я не работал [с ним], но связь все-таки имел. Я хочу сказать только то, что когда мне пришлось работать с ним в Баку, он не только как инженер был, но и как человек, всегда дававший приют и работу подпольникам, не считаясь ни с чем. То время было гонимое. С одной стороны, напирал на него капитал, с другой стороны напирала царская власть, но он не страшился этого. Он под своим руководством давал жить подпольникам и работать на пользу революции.

Однажды он сказал, никогда не забуду его слов, когда я встретился с ним в 1905 г.: «Вы работаете в партии, но вы настолько еще не зрелы, что вас учить надо, чтобы вы действительно были марксисты, а не кто-нибудь другой. Я предоставляю вам право, найдите себе человека или двух в известной профессии, пусть это будет конторщик или рабочий, но был бы только марксист, который Вас учил бы, чтобы вы были настоящие марксисты, а не те марксисты, которые наклеивают себе ярлык на лоб». Это – слова директора, который управлял тогда крупными двумя электростанциями.

Если мы посмотрим, то мы увидим сейчас массу лиц, которые сейчас управляют и которые стоят во главе Рабоче-Крестьянской Власти, что они у него работали и что этим он способствовал также революционному движению. И в этой области он не забыл рабочий класс. Все должны помнить, кто работал с ним, не как революционеры, а как рабочие, и те его никогда не забудут. В этой области, Роберт Эдуардович, ты сделал много, и мы, твои ученики, никогда этого не забудем.

Представителя инженеров и техников Шатурской ГЭС

Инженеры и техники Шатурской Электрической станции пришли сюда со скорбным сердцем сказать дорогому Роберту Эдуардовичу свое последнее прощание. Пришли засвидетельствовать его заслуги и преклонение перед ним.

Мы потеряли выдающегося, талантливого инженера, оставившего глубокую борозду в инженерном мире всего Союза, создавшего и развернувшего в своей могучей работе огромную отрасль народного хозяйства, построившего целую сеть крупных электрических центральных, поставившего своей проникновенной творческой работой новую проблему в области торфодобыывания. Мы потеряли старшего богато одаренного, обаятельного друга и учителя, всегда готового делиться с нами своим знанием и трудами. Шатурская Электрическая Станция неизменно пользовалась его высоким вниманием и поддержкой. Святая память о нем будет долго храниться в наших сердцах. Потеря тяжелая и незаменяемая.

От всей души выражаем наше сердечное соболезнование семье покойного и всем его друзьям.

Спи, дорогой Роберт Эдуардович, и знай, что еще много поколений русских инженеров будет вдохновляться твоим примером, ярким, творческим, полным порыва и полным широкого размаха!

Представителя Организации Секции Использования технических и экономических сил ВСНХ [Р.С.Ф.С.Р.]

Товарищи, я обращаюсь от имени организации Секции Использования технических и экономических сил ВСНХ.

На наших глазах т. Классон вел мучительную борьбу за торжество своих идей. Мы были свидетелями радости его, когда ему удавалось в ВСНХ проводить идеи, которые он защищал, и были свидетелями той трагедии, которую он переживал, когда материальные средства, которыми мы располагаем, не давали возможности пойти навстречу его требованиям.

Я был свидетелем только две недели тому назад, когда он защищал требование на отпуск средств для опытов по обезвоживанию гидроторфа; видел его горе, когда он не мог получить средства. Мы чувствуем сейчас, что смерть т. Классона является результатом противоречия между высоким, быстрым темпом, горячим движением и большим потоком его великих идей и теми ограниченными материальными средствами, которыми располагает наш Союз.

Мы гордимся, как общественная организация, гением т. Классона, но еще больше гордимся его высокой общественностью. Имя тов. Классона связано с великим именем Ильича, вождем пролетариата. Этим именем он привлек десятки тысяч технических работников на работу с пролетариатом.

У гроба т. Классона мы даем обещание следовать его примеру. Мы имеем позади тяжелую потерю вождя пролетариата – Ленина, но знаем, что коммунисты после его смерти сплотили свои ряды и доказали сейчас на блестящем развитии нашего хозяйства, как массовое количество энергии может заменить потерю индивидуальную, потерю великого гения. Сейчас, товарищи, перед гробом т. Классона мы тоже выражаем свою горячую уверенность в том, что мы эту большую потерю, которую принесла его смерть, сумеем компенсировать удвоением наших усилий, массовым сплочением средств, наших желаний и нашей энергии. Мы этот обессиливший участок фронта восстановим. В этом мы клянемся и прощаемся с тов. Классоном.

---оо0оо---

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ Р.Э. КЛАССОНА, 14 ФЕВРАЛЯ 1926 года

Профессиональными и партийными организациями МОГЭС был организован в помещении Рабочего Клуба «Красный Луч» 14-го февраля вечер, посвященный воспоминаниям об Р.Э. Классоне.

Заседание было открыто в 7½ ч. вечера речью Председателя Завкома работников МОГЭС и 1-ой МГЭС тов. МОРОЗ, который обратился к присутствующим со следующими словами.

Товарищи, сегодня мы здесь собрались вместе, рабочие и весь наш инженерный состав Правления нашего Треста и Заводоуправления 1-ой Московской станции, выразить ту коллективную скорбь о безвременно отошедшем от нас Роберте Эдуардовиче Классон!

Товарищи, Р.Э. Классон – один из тех первых инженеров, которые с самого начала Революции вместе с нами, с рабочим классом, строили социализм. Многие отсюда бежали, многие покинули Россию в те времена, но Р.Э. этого не сделал. Он остался вместе с нами до последних своих дней, отдал все силы на строительство социализма, идя вместе нога в ногу с рабочим классом. Наша задача в дальнейшем, задача Партии и Советской Власти, относиться более внимательно к специалистам и ставить их в такие условия, чтобы они сумели более плодотворно работать в интересах рабочего класса. Таких, товарищи, людей, как Р.Э., у нас чрезвычайно мало, ценить их поэтому особенно нужно, и особенно нужно быть к ним внимательными. Вокруг Р.Э. училось сотни людей, и то, что он оставил после своей жизни нам, в виде постройки станций, в виде той особой творческой силы, которой он обладал, все это, товарищи, постараемся в нашей дальнейшей работе претворить в жизнь.

Траурное собрание, посвященное памяти Р.Э. Классона, считаю открытым.

Речь Председателя Правления МОГЭС К.П. ЛОВИНА

Товарищи!

Я с таким же волнением, как и в день сообщения о смерти, которое я делал Вам, выступаю сегодня. Говорить о человеке, которого мы все уважали и любили, и которого беспощадная, костлявая рука смерти вычеркнула из наших рядов полным сил и энергии, страшно тяжело. Мне, к счастью, удалось, может быть одному из немногих, последние 5 лет с ним работать. Нога в ногу он шел с нами, многому научила нас эта выдающаяся личность. Он был не только техником, не только творцом технической, но и общественной мысли. Он, не жалея сил и своего здоровья, надорванного уже, отдавал все свои знания, весь свой опыт рабочему классу в вопросах построения его новой жизни. Он до последнего дня всю свою энергию вкладывал в строительство социализма с таким теплом, что это можно было видеть только работая совместно с ним.

Я уже указал, что он не только был великий техник и двигатель технической мысли и учитель техники, нет, он был и великий общественный работник. По-видимому, в дальнейших выступлениях его соратники укажут, как прошла вся его бурная пламенная жизнь, и что он сделал в части общественно-политической. Он нас, молодежь, еще неопытных в организации и в управлении производством, многому научил, и мы будем продолжать намеченные им пути в части организации производства и управления им. Потеря слишком велика и незаменима. Это Вы все знаете. Весть о его смерти всколыхнула всю мыслящую, активную часть нашего Союза.

Это можно видеть из тех многочисленных телеграмм, соболезнующих о безвременной кончине, которые мы получили за эти дни как из Советской России, так и из Западной Европы. Разрешите некоторые из них огласить. (Оглашает телеграммы, приводимые ниже: т. Л.Б. Красина, т. Л.Д. Троцкого, Предкрайисполкома (Ростов н/Дону) т. Богданова, Представителя Торгпредства в Германии т. Бегге, Председателя Ленинградского Отделения Центрального Электротехнического Совета проф. Шателен, Предуправления Электробанка тов. Маргулис, Главинженера Строительства Нижегородской электростанции т. Ступина, Ляпинского Строительства, от Строительства «Красный Октябрь», от заводов СИМЕНС в Берлине, от Всеобщей Компании Электричества в Берлине).

Невозможно выразить словами всей горести потери, которая незаменима и которую возвратить мы не можем.

Я уже указывал, что Р.Э. был не только учителем техники, но он был и общественным и политическим работником, особенно в юные годы. В последние годы он большую часть своей энергии и сил отдавал на строительство. Мы нашли у него переписку с Владимиром Ильичем, и эти письма свидетельствуют о том, как пламенно Р.Э. переживал все революционные события, что он не уходил от политики и продолжал ею жить, болеть душой за все наши неудачи и все наши недостатки. В одном из писем он пишет Владимиру Ильичу по несколько специальному вопросу и только в небольшом абзаце касается части общественной и политической.

Он пишет: «Мне казалось, что переход к организованному общественному производству мог бы совершиться менее болезненно для страны, если бы была привлечена техническая интеллигенция, в очень значительной степени аполитичная. И теперь, по моему убеждению, восстановление экономической жизни всецело зависит от активного участия и от роли, которая будет предоставлена людям дела и опыта. Для них новая, более высокая организация производства должна дать больший простор и больший размах деятельности, но это, вероятно, станет возможным лишь тогда, когда улягутся политические страсти и вопрос о партийности деятеля сменится вопросом о его деловитости»^{*}.

^{*} Из письма В.И. Ульянову-Ленину от 5 ноября 1920 г.

Одно из писем говорит за то, что Р.Э. пользовался необыкновенной любовью и уважением Владимира Ильича, который сам писал ему неоднократно. В этом письме он пишет:
т. Классон!

Я боюсь, что Вы – извините за откровенность – не сумеете пользоваться постановлением СНК о Гидроторфе. Боюсь я этого потому, что Вы, по-видимому, слишком много времени потратили на «бессмысленные мечтания» о реставрации капитализма и не отнеслись достаточно внимательно к крайне своеобразным особенностям переходного времени от капитализма к социализму. Но я говорю это не с целью упрека и не только потому, что вспомнил теоретические прения 1894-1895 годов с Вами, а с целью узко практической.

Чтобы использовать как следует постановление СНК, надо

1) беспощадно строго обжаловать во время его нарушения, внимательнейше следя за исполнением и, разумеется, выбирая для обжалования лишь случаи, подходящие под правило «редко да метко».

2) От времени до времени – опять-таки следуя тому же правилу – писать мне (NB на конверте: лично от такого-то по такому-то делу):

прошу послать напоминание или запрос

такой-то (проект текста на отдельном листке)

такому-то лицу или учреждению по такому-то вопросу, ввиду признания работ «Гидроторфа» государственно-важными.

Если Вы меня не подведете, т.е. если напоминания и запросы будут строго деловые (без ведомственной драки или полемики), то я в 2 минуты буду подписывать такие напоминания и запросы, и они иногда будут приносить практическую пользу.

С пожеланием быстрых и больших успехов Вашему изобретению и с приветом

В. Ульянов (Ленин)*.

Вы видите, что мы имели в лице Р.Э. всесторонне развитого человека, не только крупного технического деятеля, не только двигателя технической мысли. Я хотел бы только на одном еще вопросе остановиться, который должен стоять перед нами изо дня в день в нашей практической работе. Гениальные люди, которыми история наделяет человечество, слишком редки, а мы иногда бываем к ним беспощадны, предъявляя к ним непосильные требования.

Смерть Р.Э. заставляет нас особенно бережно относиться к тем немногим оставшимся, обладающим огромным жизненным опытом и способностями, специалистам. Наша задача не только усиливать и подготавливать молодую смену, но и беречь тех, от которых мы можем научиться, взяв от них опыт, вынесенный из многолетней их деятельности. Наша задача не только усиливать и подготавливать молодую смену, но и беречь тех, от которых мы можем научиться, взяв от них опыт, вынесенный из многолетней их деятельности. Наша задача теперь углублять не только конкретные изобретения, но и не вылившиеся в определенную форму идеи. В первую очередь это касается нашего технического персонала, который должен последовать примеру нашего незабвенного Роберта Эдуардовича, и все намеченные пути и мероприятия, может быть еще и неоформленные, попытаться коллективно продолжить.

Вечная память нашему незабвенному Роберту Эдуардовичу. В наших сердцах он будет жить постоянно.

Речь Помощника Директора Правления МОГЭС В.Д. КИРПИЧНИКОВА

* Письмо В.И. Ульянова-Ленина от 2 ноября 1920 г.

ХАРАКТЕРИСТИКА Р.Э. КЛАССОНА, КАК ИНЖЕНЕРА

Я работал с Робертом Эдуардовичем свыше 20-ти лет; он был моим учителем, а последние 10 лет ближайшим начальником и другом. Поэтому я не могу дать никакой общей оценки Р.Э., не смогу произнести тех возвышенных слов, которые для этого нужны. Я остановлюсь только на деталях его образа как инженера, о которых можно говорить более спокойно. Пусть эти детали будут известны молодому поколению, чтобы оно знало, из каких черт складывается личность крупнейшего инженера.

Роберт Эдуардович был многогранен и деятельность его многообразна. Я буду говорить о Роберте Эдуардовиче только как о строителе электрических станций, их управителе, учителе молодого поколения и изобретателе.

Прежде всего, Роб. Эд. был строитель, при чем он был такой строитель, которого по размаху я не могу ни с кем сравнить из русских инженеров. Он работал в первую очередь в области электротехники, и вся история русской электротехники связана с его именем. Каждый новый этап, каждое новое завоевание в области электроцентралей сделано им. Пройдем по этим этапам.

В самом начале своей деятельности, 30 лет тому назад, приехавши из-за границы, где он окончил свое электротехническое образование, Роб. Эд. строит первую в России установку трехфазного тока. До сих пор был только постоянный ток. Теперь нам не кажется чем-то особенным трехфазный ток, мы все к нему привыкли, но тогда... тогда это было коренным сдвигом, потому что только в Европе год тому назад была произведена первая установка трехфазного тока, и через год в нашей сравнительно бедной стране он уже сумел воплотить первую установку трехфазного тока.

В 1897 г., когда вместо мелких станций, которые строились повсюду, нужно было создать мощные станции, эту постройку делает опять Роб. Эд. Он строит Московскую станцию на Раушской набережной. Одновременно за несколько месяцев проектирует Ленинградскую станцию, такую же мощную. Теперь нам эти мощности в 10 000 л.с. не кажутся большими, мы привыкли к большим силам; но перед этим мощности были порядка только сотен лошадиных сил. Это был громадный скачек и этот скачек опять сделал Роберт Эдуардович.

В 1900 г. он уезжает в Баку для того, чтобы провести первую в стране электрификацию, построить первую районную станцию, потому что те станции, которые были до того времени, не были районными станциями. Это были обыкновенные городские станции, обслуживающие маленькую территорию и работающие с небольшим напряжением. Бакинская-же станция впервые была построена, чтобы электрифицировать большие нефтяные промысла.

Там Роб. Эд. опять таки в первый раз в России применяет напряжение в 20 000 вольт. Опять нам это кажется небольшим напряжением, но тогда это был громадный скачек вперед – от 2 000 и 6 000 в. сразу к 20 000 в.! Никто не знал, кроме Роб. Эд., никто не верил в то, что с таким напряжением можно безопасно, надежно и хорошо работать и что оно окажется самым дешевым и экономичным. Он это доказал.

Перед самой войной, когда страна переживала топливный кризис, привозное топливо было слишком трудно ввозить в Центральный Промышленный Район, Роб. Эд. задался идеей построить станцию на торфу. В 1912 г., в начале года, эта идея пришла ему в голову, а в 1913 г. станция «Электропередача» пошла в ход. Один год понадобился Роб. Эд., чтобы провести эту идею, во-первых, в финансовых кругах, которые к каждому новому делу относятся чрезвычайно несочувственно; затем, чтобы заказать машины, построить станцию среди глухого леса и возить машины при полном отсутствии дорог, наконец, их установить!

Это – первая районная электрическая станция на торфу, работающая с напряжением 30 000 и 70 000 вольт, перерабатывающая, таким образом, невзрачное ископаемое – торф в электрическую энергию, передаваемую по медным проводам на расстояние 75 верст, чтобы освещать Москву и двигать фабрики и заводы. Опять мы скажем: что же особенно-го? Ведь много же станций строится и работает?! Да! Но тогда это было совершенно новое дело, это был революционный сдвиг. И это сделал Роберт Эдуардович.

Во время постройки электрических станций Роб. Эд. всегда непосредственно руководил работами, отдавая постройке все время с утра до поздней ночи, занимаясь одновременно и проектированием, и заказами оборудования. Он лично вникал во все мелочи постройки и монтажа, всячески стремился механизировать строительные работы, снабдить их с самого начала электрической энергией, электрическим освещением, хорошими транспортными средствами и пр. Что особенно поражает во всех постройках Роб. Эд. – это тот быстрый темп, с которым он строил свои станции и электрические сети. Роб. Эд. совершенно не выносил медленного темпа, даже тогда, когда этого как будто бы требовала экономика, и в результате он был прав, так как те небольшие переплаты на ускорение работ сторицей возвращались из-за сокращения строительного периода и более раннего приступа к эксплуатации.

Легко понять поэтому, как был расстроен и возмущен Роб. Эд., когда реакционное земство и город начали вести борьбу против подачи тока с «Электропередачи» в Москву и чинили всяческие препятствия к устройству воздушной линии 70 000 вольт. За право прокладки воздушной линии вдоль шоссе земство требовало по истечении короткого срока передачи ему всей станции «Электропередача»; то же самое требовала Московская Городская Управа за право ввода энергии в г. Москву и, наконец, такое же требование предъявил гор. Богородск за право прохода воздушной линии по его территории.

Таким образом, нужно было этим трем самоуправлениям отдать три станции «Электропередача», что, конечно, сделать было невозможно. Роб. Эд. и здесь нашел выход, арендовавши землю у многочисленных крестьянских обществ и проведя линию по лесам и болотам, вдали от шоссе. Все значение этой линии было оценено в начале революции, когда не было нефти, и только торфяная энергия, передаваемая по этой линии, могла освещать Москву и двигать промышленность.

Кроме строительства, Роб. Эд. занимался всю свою жизнь эксплуатацией электрических станций. Здесь мы видим такое отношение к делу, которому никто из его учеников научиться не мог. Он все делал сам лично. Он знал свои станции в совершенстве. Я помню, когда я приехал в Баку практикантом, он первым делом мне сказал: «Через две недели Вы мне расскажите, какие это трубопроводы и для чего они служат на станции». Когда я залез в подвал и увидел там буквально паутину разных трубопроводов, я пришел в ужас. И, действительно, когда через две недели Роб. Эд. пошел со мной вместе в подвал, то я на целый ряд вопросов ничего не мог ответить, а он всю эту паутину трубопроводов знал настолько, что мог сказать – холодный ли трубопровод или горячий, что по нему идет, в каком направлении, зачем и т.д.

Имение «Электропередачи» никто лучше Роб. Эд. не знает и до сих пор. Он все это имение своими собственными ногами многократно исходил. Когда мы, должно быть году в 15-ом, делали рельефный план этого имения, на основании точнейшей нивелировки, то Роб. Эд. на глаз говорил: «Вот здесь у Вас ошибка, не такой рельеф». Когда мы потом произвели точную нивелировку, то оказалось, что Роб. Эд. был прав, а землемеры неправы, и им пришлось этот план переделывать. Никто до сих пор на «Электропередаче» не знает лучше его водного хозяйства, а водное хозяйство на районной станции с торфяными болотами – это один из основных вопросов.

Работая в налаженном предприятии, Роб. Эд. никогда не успокаивался и неутомимо стремился к улучшению. Будучи энциклопедически образованным, он не переставал учиться и, в совершенстве владея языками, читал в громадном количестве немецкую, английскую и американскую литературу, как журнальную, так и книжную; искал и умел находить в ней новое и ценное и энергично проводил это в жизнь.

Поражает его необыкновенное техническое чутье. Те вещи, те мысли, которые он сказал, иногда долгое время никому не [были] понятны и в них никто не верит и только через год, может быть, два или несколько лет они сделаются всеобщим достоянием, все в них уверуют и поймут, что, действительно, это очевидно и совершенно правильно.

Поражает настойчивость, с которой он добивается своих целей. Вот, например, беспарные форсунки. Роберт Эдуардович с этими беспарными форсунками начал заниматься и их пропагандировать, если я не ошибаюсь, с 1903 года: 23 года настойчиво ежегодно возвращался к этому вопросу и только за год до кончины, наконец, на Московской станции эти форсунки удалось осуществить. Тем не менее, за два дня до своей смерти Роб. Эд. опять возвращается к этому вопросу и ставит своей задачей добиться снабжения всех котлов Московской станции беспарными форсунками.

Не могли мы научиться никто и другому – отношению Роберта Эдуардовича не к нормальной жизни, а к авариям, которые случались и случаются, конечно, на всех электрических станциях. Я помню наводнение 1908 года, когда Московскую станцию мы не сумели даже вместе с Роб. Эд. отстоять. Наводнение началось в четверг. Час за часом прибывала вода; сначала показались отдельные струйки в подвалах, потом струйки эти обратились в ручьи, потоки. Роберт Эдуардович энергично распорядился. Срочно в течение одного-двух часов устанавливались новые насосы с моторами, ставились новые эжектора для откачки воды. Боролись с водой одни сутки, вторые сутки и, наконец, на исходе вторых суток взорвался пол* в аккумуляторном помещении и хлынул такой каскад воды снизу вверх, что никакие насосы спасти станцию не могли. И вот, во время этого наводнения, когда весь персонал был разбит на дежурства, так как нужно было работать непрерывно, несколько дней подряд, Роберт Эдуардович находился на станции несменно. Ни один из молодых инженеров не мог вынести этой работы. Я помню, как мы сидели с ним тогда около 12-й турбины на полу, и, на 13 лет моложе его, я не выдержал такой работы – заснул, а Роб. Эд. был бодр и энергичен.

Пример такой же выносливости показал Роб. Эд. во время аварии в кабельной сети на Бакинских промыслах, когда в течение 36-ти часов для ликвидации этой аварии он разъезжал по промыслам и выходил из экипажа только для включения предохранителей в трансформаторных помещениях. Лошади такой работы, конечно, не могли вынести и периодически сменялись. Роб. Эд. же работал и распорядился непрерывно.

Характерно отношение Роб. Эд. к опасности, которую он встречал всегда лицом к лицу, беря на себя самую ответственную и в то же время самую опасную работу. Мне пришлось совместно с ним участвовать в целом ряде аварий и я всегда поражался той смелостью, распорядительностью и присутствием духа, с которыми он их ликвидировал. Много раз в его руках рвались многоамперные высоковольтные предохранители, рядом и над ним перекрывало оглушающе ревушей вольтовой дугой высоковольтные сборки и, тем не менее, он снова в следующую аварию опять бросался в самые опасные места.

Будучи человеком дела в лучшем смысле этого слова, Р.Э. совершенно не выносил канцелярщины, бумажной волокиты, потока анкет, безответственного контроля и многочисленных комиссий и, по иронии судьбы, умер на заседании комиссии по топливу.

* Точнее, пол прорвало под давлением воды.

Что еще поражало в его отношении к работе на станциях – это безграничная любовь к предприятию, которым он управлял, при чем любовь его распространялась как на неодушевленное – машины, здания, как на динамику предприятия, на движение всего потока энергии, которая из топлива превращается в электрический ток, так и на весь обслуживающий персонал, составлявший одно целое с этой неорганической природой. Роб. Эд. умел этот обслуживающий персонал спаять в коллектив, дисциплинированный и преданный своему делу. Он умел подбирать людей и заражать их своей любовью к предприятию, а это для электрической станции, работающей непрерывно, имеет громадное значение.

К старшим своим помощникам, старшим и средним инженерам Роб. Эд. был [весьма] требователен; от лиц, получивших техническое образование, он требовал дальнейшего совершенствования и проявления в работе тех качеств, которые были присущи ему – любви к делу, чувства долга, работоспособности, серьезного и вдумчивого подхода ко всем вопросам, энергии и настойчивости, распорядительности и отсутствия страха в минуты опасности. На сто процентов его никто не удовлетворял, но, тем не менее, он сумел объединить вокруг себя большое количество крупных инженеров, которые шли за ним, как за вождем, и горячо любили его.

Наоборот, к рабочим он был чрезвычайно снисходителен и никогда ни одного из них не уволил за ошибку, будь ли та ошибка невольной или происшедшей вследствие небрежности. Роб. Эд. неоднократно говорил, что тот инженер или рабочий, который ошибся и видел результаты своей ошибки, в будущем никогда этой ошибки не повторит, и потому он гораздо более ценен для предприятия, чем работник никогда не ошибавшийся. Роберт Эдуардович совершенно органически ненавидел только сознательное нежелание добросовестно работать и ложь и боролся с этими недостатками беспощадно.

Как во время своей деятельности в период капитализма, так и после октябрьской революции Роб. Эд. всегда защищал материальные интересы рабочих сначала перед капиталистами, за что имел неоднократные неприятности, а потом и перед Государством, при чем он всегда говорил, что каждый рабочий и инженер должен быть поставлен в такие условия, чтобы своим личным отношением к делу мог повысить как свой заработок, так и свое положение. И, действительно, из рабочих, служивших под начальством у Роб. Эд., со временем выработалось много хороших механиков, занимающих ныне большие должности.

Единственный раз, в 1905 году, немцы-владельцы Бакинской электрической станции потребовали применения по отношению к рабочим репрессивных полицейских мер; Роб. Эд. категорически отказался, за что и был немедленно уволен. Таким отношением к инженерам и рабочим Роб. Эд. создал на станциях железную дисциплину и приобрел горячую любовь своих подчиненных.

Теперь я кратко остановлюсь на характеристике Роберта Эдуардовича, как на учителе молодого поколения. В академическом смысле этого вопроса Роб. Эд. никогда никого не учил. Но, тем не менее, у него имеются сотни и тысячи учеников и последователей. Ведь 30 лет тому назад, когда он начал работать в электротехнике, не было ни одного русского инженера или электрика-практика, который умел бы обращаться с трехфазным током и многочисленными приборами, с которыми мы в настоящее время имеем дело.

Стоя во главе целого ряда электрических станций, Роб. Эд. всегда сам разбирался в этих приборах, учился с ними оперировать и затем обучал этому своих ближайших помощников, которые распространяли эти знания и опыт, в свою очередь, среди своих помощников и последователей.

Сотни инженеров, работая в качестве помощников Роб. Эд., пользовались его повседневными указаниями и приобретали от него как положительные знания, так и самое умение эти знания применять с пользой для дела. Сотни инженеров, получивших практический стаж под руководством Роб. Эд. Классона, работают в настоящее время в Союзе и многие из них занимают весьма ответственные посты.

За 6 лет работы в Баку Р.Э. Классон особенно много времени посвятил студентам-практикантам. За это время под его руководством работало свыше 100 студентов. Еще зимой 1903 года из разговоров в Технологическом Институте я узнал, что лучшая практика, как в смысле отношения директора, так и в смысле интересности работы – это практика у Роб. Эд. Классона на Бакинской электрической станции. Я решил во что бы то ни стало туда поехать. Получивши рекомендацию от профессора Явейна, я сумел попасть на практику и там познакомился с Роб. Эд., который показался мне идеалом инженера и директора. От практикантов он требовал серьезного и вдумчивого отношения к делу, представлял и требовал полной самостоятельности и конкретного подхода к делу; учил нас, что каждый инженер должен одновременно заниматься несколькими вопросами, заставлял учить иностранные языки, главным образом, немецкий и английский, и читать техническую литературу. Выполняя сам различные работы раньше, чем поручить их своим помощникам, он совершенно не терпел белоручек. Я думаю, что роль Роберта Эдуардовича в практическом воспитании ныне работающих на электрических станциях инженеров очень велика и, во всяком случае, во много раз больше, чем если бы он работал как профессор высшего учебного заведения.

Теперь перейду к характеристике Роберта Эдуардовича, как изобретателя, вернее не как изобретателя, а как новатора и пионера, прокладывающего новые пути в технике, как технического революционера. Стремление к техническому прогрессу проходило красной нитью сквозь жизнь и деятельность Роб. Эд. еще при строительстве и эксплуатации электрических станций, но особенно широко развернулась эта сторона его деятельности во время работы в Гидроторфе, которому он уделял в течение последних 12-ти лет лучшие свои силы и который был его любимым детищем. Во время этой работы Роб. Эд. наиболее ярко проявил свой технический талант и громадный опыт и сочетал их с всепобеждающей энергией и настойчивостью и с умением собрать около себя группу преданных сотрудников, увлечь их этим интересным делом.

Необходимость механизировать торфодобычу во весь рост встала перед Роб. Эд. после первого торфяного сезона, проведенного на первой районной электрической станции на торфу – «Электропередаче» – в 1913 году. Добыча велась так называемым «машинно-формовочным способом», который всецело основывается на тяжелом труде специалистов-торфяников, вырабатывающих себе нужную для этого производства выносливость в течение долгих лет, а иногда и поколений. Наблюдая за этим производством, Роб. Эд. видел и неоднократно говорил, что таким способом невозможно обеспечить для станции нужное количество топлива, эксплуатация же станции маленького масштаба – дело убыточное.

Подходя к каждому вопросу основательно и с большим размахом, Роб. Эд. отправился за границу, в те страны, где торфодобыча стояла на высоком уровне развития, для того, чтобы изучить и, быть может, перенести на русские болота приемы заграничной техники. Вслед за этой поездкой были выписаны из-за границы машины для проверки их на болотах «Электропередачи»: баггер* Штрэнге, оборудование для датского наливного способа, могучий одноковшовый баггер.

* Здесь – элеватор для черпания из болота кашеобразной массы (от голл. *bagger* – грязь, ил).

Все эти машины, над которыми Роб. Эд. очень много поработал, не разрешили вопроса. Заимствовать больше было не у кого, оставалось искать совершенно новых, оригинальных путей.

И вот в 1914 году Роб. Эд., не убоившись всей сложности задачи и всех будущих трудов, решает начать борьбу с торфом при помощи струи высокого давления. Эта идея означала коренной разрыв со всеми существующими способами, полное изменение самой технологии торфяного производства, которое всякого другого должно было бы испугать и, действительно, очень многих испугало. Ведь в то время еще только намечались перспективы экскавации и переработки жидкой торфяной массы и удобной ее транспортировки по трубам, с другой стороны, стоял целый ряд затруднений, для которых тогда даже не намечалось никаких решений.

Летом 1914 года Роб. Эд. делает попытку размывать торф струей воды из паровой пожарной машины. Эта слабая струя, вместо размыва торфа, [лишь] окрашивается в коричневый цвет и таким коричневым потоком течет по канаве. На всех присутствующих опыт произвел определенно отрицательное впечатление. Только Роб. Эд. не был обескуражен этой попыткой и через год, в августе 1915 года, он снова, уже с насосом в 40 л.с., делает опыт размыва залежи торфа, причем впервые получается кашеобразная торфяная масса, которой впоследствии было присвоено название «гидромасса». Это был уже определенный успех, созданный, правда, только Роб. Эд. и его ближайшими сотрудниками. С этой минуты Роб. Эд. радикально порывает со всеми другими попытками решить вопрос механизации торфодобычи и целиком, с головой, уходит в гидравлический способ добычи торфа. Отсюда начинается систематическая, упорная работа по разработке способа в целом и механизмов для его отдельных стадий.

В этой работе я имел счастье быть ближайшим помощником Роб. Эд. в течение 10-ти с лишком лет, причем наша совместная работа так тесно переплеталась, что отделить ее уже не представлялось возможным, и изобретателями Гидроторфа официально числимся мы оба, но духовным вождем, который вел за собой всех своих сотрудников, в том числе и меня, и воодушевлял на энергичную и деятельную борьбу с торфом, был Роберт Эдуардович.

Часто говорят, что Гидроторф есть изобретение. Если это верно юридически, формально, то по существу это не есть изобретение, а результат систематической инженерской работы. Это есть решение при помощи техники и инженерного искусства заранее поставленной задачи. В этой работе случайность играла роль только в смысле замедления или ускорения темпа, а изобретательность была лишь средством. Такой подход к прокладыванию путей в технике чрезвычайно выгодно отличает Роб. Эд. от обычных изобретателей.

Напомню вкратце этапы развития Гидроторфа, которые одновременно являются историей работы Роб. Эд. в Гидроторфе.

Четыре основных затруднения нужно было решить для того, чтобы создать из гидравлического способа добычи торфа промышленный Гидроторф. Прежде всего, необходимо было сконструировать такую машину, которая непрерывно, с хорошей производительностью, засасывала бы размытую гидромассу из карьера, причем сама не портилась бы от попадания в нее древесных остатков – пней, которых так много в наших торфяных болотах. Сначала с этой целью применялись элеваторы, затем последовательно несколько различных моделей торфососов, а потом торфосос был разделен на две части, и в настоящее время засасывание массы из карьера, переработка и транспортировка по трубам производится системой «торфосос – растиратель».

Не говоря уже об элеваторах, которые оказались совершенно непригодными для забора торфяной массы из карьера, где плавают в громадном количестве крупные и мелкие пни, и обуславливали слишком громоздкую для перемещения по болоту установку, все первые модели торфососов оказались неудовлетворительными: имели малую подачу, часто забивались и [вообще] переставали подавать, постоянно ломались и изнашивались. Все эти неудачи, однако, только подогревали энергию Роб. Эд., который после испытания неудачной модели торфососа с еще бóльшим воодушевлением строил новые модели на основе полученного во время этого испытания опыта.

Вторым коренным вопросом, который необходимо было разрешить, стоял вопрос о транспорте торфа для заполнения громадных при массовом производстве площадей полей осушки. Вывезенный из Дании Роб. Эд. способ перевозки жидкой торфяной массы в вагонах, сначала ручной и конной тягой, а затем и паровой, очень быстро проявил свою полную несостоятельность. Вопрос этот был радикально решен, одновременно с постройкой торфососа первой модели, транспортом гидромассы по трубам. Путем последовательного повышения давления впоследствии удалось чрезвычайно удешевить этот транспорт, вполне отвечающий массовому масштабу производства, и в настоящее время разлив гидромассы производится по громадным площадям полей суши (до 100 гектаров), обходясь во много раз дешевле налаженного железнодорожного транспорта.

Третьим вопросом, над которым, быть может, еще больше пришлось потрудиться, была борьба с пнями. Здесь были испробованы самые разнообразные механизмы: и решетки, простые и самоочищающиеся, и элеваторы для вытаскивания пней из карьера, и грейфера различных систем, и механические грабли и пр. Каждый сезон испытывалось несколько таких приспособлений, и только новый стандарт в 1925 году полностью разрешил эту задачу, избавив от необходимости вытаскивать пни вручную из карьера. Эту последнюю работу, по пояс в торфяной массе, производимую так называемыми «русалками», Роб. Эд. особенно не любил и вопросом своей чести поставил во что бы то ни стало освободить Гидроторф от такой неэстетичной и негигиеничной работы, и эту задачу блестяще разрешил.

Четвертой задачей, которая придала Гидроторфу современную форму, было перемещение торфососа для выработки в течение сезона громадных площадей торфяной залежи. Первоначальные попытки подвешивать торфосос к треножнику, с многократными перестановками его в течение торфяного сезона, окончились полной неудачей. Торфосос очень скоро вырабатывал вокруг себя всю торфяную залежь, и бóльшая часть торфяного сезона тратилась не на работу, а на перестановку треноги и торфососа. Эта неудача очень сильно обескураживала Роберта Эдуардовича, и в августе 1917 года, в Гурзуфе, после совместных грустных размышлений на эту тему, впервые решено было применить для подвески и перемещения торфососа кран, который в то время казался чрезмерным усложнением установки.

Своевременно [надо] указать, что первое воплощение идеи Гидроторфа в машины совпало со временем хозяйственной разрухи, когда машиностроительные заводы почти бездействовали, а после громадных растрат металла, во время империалистической войны, железа нельзя было достать. Здесь с особенной рельефностью развернулась энергия Роберта Эдуардовича. Он воодушевлял своих ближайших помощников и рабочих на постройку своими силами, кустарным путем таких машин, которые были не под силу машиностроительным заводам. Он не останавливался перед отсутствием железа, настаивал хотя бы на постройке деревянных кранов, лишь бы не останавливалась творческая работа. И эти деревянные конструкции, в конце концов, создали тот Гидроторф, который позднее одним из бывших его противников, М.В. Морозовым, назван был «стальной симфонией».

Во время каждого торфяного сезона Роберт Эдуардович сидел на болоте с раннего утра до позднего вечера не менее двух-трех дней каждую неделю. Он лично руководил всем персоналом, делал всевозможные опыты, неутомимо наблюдал все происходящие процессы и работу машин и затем вносил в них улучшения.

Когда решение первой задачи Гидроторфа – механизации экскавации, переработки и транспорта уже окончательно наметилось, и добыча торфа гидравлическим способом начала промышленно применяться, Роб. Эд. задал себе и своим ближайшим сотрудникам новую задачу – освободиться от сезонности торфяного производства и зависимости от климатических условий и создать непрерывное заводское торфяное производство в течение круглого года. Для решения этой задачи искусственного обезвоживания торфа в 1920 году он привлек лучшего специалиста в коллоидной химии профессора Г.Л. Стадникова, увлек его этой идеей, и в результате пятилетней работы создан завод по искусственному обезвоживанию торфа, который через полтора часа после экскавации торфа выпускает сухие брикеты и сухой торфяной порошок, горящий с таким же хорошим коэффициентом полезного действия, как и нефть. Осталось, перестроивши этот первый опытный завод, [лишь] подтвердить уже выявленную теоретическими подсчетами рентабельность искусственного обезвоживания гидроторфа, когда преждевременная кончина унесла Роберта Эдуардовича в могилу и взвалила эту тяжелую задачу на его сотрудников.

Кроме технической стороны истории Гидроторфа, необходимо указать также на два обстоятельства, сыгравшие очень большую роль.

Прежде всего, необходимо отметить умение Роберта Эдуардовича заинтересовывать и воодушевлять своим любимым делом целый ряд работников, которые потом становились горячими патриотами, апостолами этого дела и отдавали ему свои лучшие силы даже в те тяжелые годы разрухи, когда в других местах почти никакой технической работы не велось. Всем известное сплоченное ядро гидроторфистов являлось непременным условием для окончательной победы.

Но не только своих сотрудников заражал Роберт Эдуардович своими идеями. Он никогда не уставал защищать правоту их и делал это так умело и ярко, что даже лица, никогда не видавшие Гидроторфа, становились его горячими защитниками. Наиболее ярким примером является беседа Роберта Эдуардовича с Владимиром Ильичем Лениным, который после разговора и демонстрирования на экране фильма, снятой в «Электропередаче», сделался горячим защитником этого, тогда еще совершенно нового способа, не вышедшего из стадии опыта, и взял его под свое покровительство, давши тем возможность его разработать и провести в торфяную промышленность. Пропаганда Гидроторфа Робертом Эдуардовичем производилась настолько горячо, что в технических кругах и ВСНХ почти не было среднего, безразличного отношения к этому способу: одни считали его крупным достижением, другие, наоборот, резко его критиковали, а иногда становились определенными врагами. Необходимо указать, что эта враждебная атмосфера одной части инженеров и широкой публики очень огорчала Роберта Эдуардовича и выводила его из душевного равновесия и он, обладая большим полемическим талантом, очень резко обрушивался на них.

К образу Р.Э., как инженера, необходимо добавить некоторые черты его, как человека, так как во время своей работы он был прежде всего обаятельным человеком. Роберт Эдуардович был кристально чист душою, чужд всего мелкого, интриг; никогда не шел окольными путями. Он был настоящим «рыцарем» техники с чисто романтическим понятием о чести и долге. При этом Роберт Эдуардович был скромнен и ничего не делал для улучшения своего материального положения и для своей славы. Мое глубокое убеждение, что в Р.Э. мы потеряли самого крупного и лучшего инженера нашего времени.

Речь Надежды Константиновны КРУПСКОЙ

Первый раз я встретила с Робертом Эдуардовичем 35 лет тому назад. Это были времена, когда можно было ухитриться дожить до 20-ти с лишком лет и никогда не слышать слова «марксизм», не слышать имени Маркса. И вот в то время сестра моей гимназической подруги ввела меня в кружок технологов-марксистов. Вся жизнь показалась мне совсем в другом свете, и особенно сильное впечатление произвели на меня тогда речи Бруснева и Роберта Эдуардовича. Они заставили меня понять, что вне марксизма я не найду ответов на те вопросы, которые в то время волновали меня, заставляли искать цельного мировоззрения, ответов на то, что должна я делать в жизни. Именно Бруснев и Р.Э. своими речами, своими горячими выступлениями подчеркнули всю важность занятий марксизмом.

Я, помню, летом забрала Маркса и усиленно его читала, но когда осенью я приехала и опять вошла в тот же кружок, то пара вопросов со стороны Р.Э. показала мне, что хотя я очень усердно читала Маркса, но весьма много в Марксе не поняла. Р.Э. был хорошо уже в это время подкован в марксизме, читал не только «Капитал» и то, что было на русском языке, а читал кое-что из Маркса и в заграничных изданиях, но он никогда не стремился показать своего превосходства и держался очень просто. Р.Э. был фактическим руководителем того кружка, куда я входила*. Кроме него в кружок входили: Яков Петрович Коробко, Ольга Константиновна Григорьева (Витмер), Степан Иванович Радченко и еще несколько человек. И вот, целую зиму мы, под руководством Роберта Эдуардовича, внимательнейшим образом штудировали Маркса, отдавали себе отчет в каждой фразе, и надо сказать, что этот год занятий в кружке под руководством Р.Э. дал всем нам чрезвычайно много.

Затем я хотела бы отметить следующее. В то время когда в Питере стали образовываться марксистские кружки, сразу наметились два направления. Одно направление было так называемый «легальный марксизм», который указывал только на то, что в России развивается капитализм, и другое течение – марксистское в настоящем смысле этого слова, которое указывало на то, что развитие капитализма связано с рабочим движением, что вместе с ростом капитализма растет и крепнет его могильщик – рабочий класс. Р.Э. был тогда в группе революционных марксистов.

Однажды, помню, я написала отзыв о какой-то книжке Спенсера. Прочитав рецензию, Роберт Эдуардович заметил: “У автора видно знание «Капитала», но видать также, что он не знает политических брошюр Маркса, не знает основного сочинения Маркса – «Коммунистического манифеста””. Потом я не раз вспоминала это замечание и поняла, как оно было важно. Действительно, важно было изучать не только экономическое учение Маркса, но и подход Маркса к вопросам политики.

В то время Роберт Эдуардович принимал активное участие в студенческом движении. Устройство студенческих библиотек, подбор сочувствующих марксизму студентов, организация их в кружки, это было тогда дело очень большое и делалось оно с чрезвычайной внимательностью и заботливостью. Я помню, например, тот список литературы, который передал мне Р.Э.: из всего запаса марксистской, главным образом журнальной, литературы было отмечено все самое ценное. По этим спискам литературы мы изучали тогда марксизм. Когда я думаю о Роберте Эдуардовиче, я всегда с величайшей благодарностью вспоминаю, как много он мне дал. Правильный подход к пониманию марксизма я выработала в себе именно в этом кружке.

* Этот кружок технологов-марксистов назывался еще кружком М.И. Бруснева. – Примеч. И.Р. Классона на полях машинописи своих воспоминаний при цитировании речи Н.К. Крупской на вечере памяти Р.Э. Классона 14 февраля 1926 г.

После окончания Технологического института Роберт Эдуардович уехал за границу, во Франкфурт. Он вернулся оттуда увлеченный романтикой техники. Пожив в Германии, поработав там в качестве инженера в передовом предприятии, он ощутил революционную сторону техники, и она до чрезвычайности его увлекла. Это пребывание во Франкфурте предопределило его дальнейшую деятельность. Правда, будучи за границей, Роберт Эдуардович заезжал и в Женеву к группе «Освобождение труда», которая в то время жила страшно оторванно от России. Я помню рассказы Роберта Эдуардовича о том, как тяжело жилось Плеханову, Засулич, Аксельроду, как рады они были всякому человеку, приезжавшему из России, и как очень мало кто решался заходить к ним.

В 1895 г. Роберт Эдуардович входил в группу, работавшую над составлением сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». В группу входили Струве, Потресов, Роберт Эдуардович, Владимир Ильич, Степан Иванович Радченко, Старков. В группе шли горячие споры. Каждая статья тщательнейшим образом обсуждалась. Владимир Ильич, рассказывая об этих собраниях, часто приводил то или другое верное и остроумное замечание Р.Э. Сборник, который вышел тогда и который заключал, с одной стороны, статью Струве, а с другой стороны – очень резкую статью Владимира Ильича, критиковавшую всю позицию Струве, весь этот сборник, проработанный в этом кружке, был сожжен цензурой.

Потом и Владимир Ильич и я не виделись с Р.Э. многие годы. Владимир Ильич встретился с ним уже тогда, когда была совершена революция, когда уже была Рабоче-Крестьянская Власть.

Владимир Ильич не раз рассказывал о своих разговорах с Робертом Эдуардовичем. Владимир Ильич, конечно, понимал прекрасно значение техники, значение крупной промышленности, как базы социализма, и поэтому особенно интересовался всем, что касалось возможности крупного размаха в области строительства промышленности. Однажды он принес рукопись Р.Э.; в этой рукописи, с одной стороны, развивались большие планы с большим размахом, с другой стороны, была деловая критика тех обстоятельств, которые мешают развитию техники в данных условиях и которые требуют тех или других изменений для того, чтобы техника могла делать быстрые успехи. Владимир Ильич к этой рукописи Р.Э. отнесся с большим вниманием и не раз перечитывал ее*.

Как-то пришел Владимир Ильич и говорит, что Роберт Эдуардович хочет со мной поговорить. И вот мы встретились с Р.Э. после двадцати пяти лет [разлуки]. Не очень складный разговор вышел, как всегда бывает, когда так долго люди не видятся, а от разговора осталось впечатление: разными путями к одной и той же цели. То, что с самого начала говорилось, что лежит в основе марксизма, это высокое развитие техники, как базы социализма, с одной стороны, и с другой стороны – упорная работа над организацией перестройки всего общества. Тут одна балка крепит другую.

Это был мой последний разговор с Р.Э. Больше мне не пришлось его видеть.

Вот те краткие воспоминания, которые остались у меня. Много стерлось. 35 лет – такой промежуток времени, за который многое забывается, а потом это был период времени, когда страшно много случилось всего, а тогда, когда случается много, тогда новые и новые факты вытесняют старые, и многое забывается.

Но образ Роберта Эдуардовича, как человека с крупным размахом, как человека и в своей специальности умевшего подойти по марксистски, как человека чрезвычайно вдумчивого, весьма тонкого, по-товарищески умевшего относиться к людям, остался у меня и останется до конца жизни.

* Речь идет о докладной записке «В ГОЭЛРО» от 25 ноября-1 декабря 1920 г.

Речь Председателя Госплана Г.М. КРЖИЖАНОВСКОГО

(сия речь, с небольшой редакционной правкой, была также опубликована в журнале «Электричество», №4, 1926 г., за подписью «проф. Г.М. Кржижановский»)

Вот уже девятый год Рабоче-Крестьянской Республики. Недалеко уже десятилетие. Те, кто наблюдают нашу жизнь, говорят, что наиболее правильное сравнение – это впечатление какой-то огромной постройки, которой все переделывается наново. От старого не остается камня на камне, но уже чувствуется, что наступает новая упорядоченная полоса жизни, и не только упорядоченная, но поднятая на какую-то высокую ступень. Еще трудно. Еще предстоит громадная строительная работа, но уже близок поворот. И вот как раз в эти последние годы явного поворота к лучшему один за другим наши крупные строители покидают наши ряды, смерть уносит их.

Великое напряжение этого, еще невиданного строительства требует таких громадных расходов человеческой энергии, что люди изнашиваются страшно быстро. Можно легко объяснить это исчезновение как раз людей крупного порядка, тех, кто с особенной энергией в том или другом поприще выявляет себя. Именно благодаря громадности задачи так важно, чтобы побольше было крупных людей в наших рядах, и потому с такой болью чувствует каждый такую утрату. Не только каждому жаль эту жизнь – особую, непередаваемую по своей обособленности, каждый человек в этом смысле неповторим, но, если умер крупный человек, то вместе с ним хоронишь целый ряд надежд.

И вот, думаю я, без всякого преувеличения можно сказать, что при виде Роберта Эдуардовича в гробу каждый из нас впервые в полной мере оценил, как много было связано с этим человеком, как много он дал за свою жизнь. Каждый помнит Роберта Эдуардовича веселым, остроумным человеком, а сейчас, когда мы вспоминаем о нем, на нас смотрит такое серьезное лицо. И, подводя итоги его жизни, мы должны сказать: эта жизнь была глубоко серьезной и содержательной жизнью.

Как оценить фигуру человека такого порядка, каким был Р.Э.? Хочется обратиться к такому простому сравнению: что – самое прекрасное? Великий провозвестник русского социализма, великий русский ученый Чернышевский так определял прекрасное: «Прекрасное – это сама жизнь. То хорошо, что содействует ее животворящей весне, возобновляющему процессу. Прекрасен тот человек, который олицетворяет в самом себе возможность жизни, который двигает жизнь, максимально толкает вперед к высшим достижениям; тот, кто так живет, не зарывает таланты».

Так именно прожил свою жизнь Р.Э. Классон. И я думаю, что особенно хорошо в этом человеке было именно то, что он умел пустить в оборот все богатые данные своей природы, сумел выявить себя таким, каким был в своей особенности, и выявить так, что каждому было ясно, что вот человек, который всей душой, всем сердцем радуется для жизни. С таким человеком не вяжется смерть... Неудивительно поэтому, что особенно больно видеть это живое воплощение жизни в гробу. Какая это была богатая жизнью, красивая, разносторонне одаренная натура!

Я вспоминаю Р.Э. студентом. Он был курса на два, на три старше меня. Я невольно выделил его в толпе студентов по его совершенно своеобразному облику. Михайловский вспоминает, что когда он встретился с Писаревым, его поразило то, что в этом юноше было что-то, что приподнимало его, что-то особое, именно приподнимающее все его существо. Он не был в состоянии спокойного равновесия, в нем все было полно своеобразной динамикой, что и отличало его от других людей.

Такую же «приподнятость» я наблюдал и в студенте Классоне, когда видел его несущимся по длинным коридорам Технологического Института. Стройная юношеская фигура, с какой-то своеобразно горделивой головой, со смелым выражением, в котором с первого взгляда невольно чувствовался большой запас сил и какое-то веселое «устремление». Теперь всем известно: примером всей деятельной своей жизни Р.Э. прекрасно демонстрировал, какой запас сил был в нем, как своеобразно он умел их выявлять!

Почему этого талантливого юношу, так богато одаренного, с весеннего начала жизни, знавшего орудие марксизма, умевшего анализировать явления жизни, именно техника могла привлечь, всецело захватить, оторвать от политики? Две причины могут объяснить это явление. Во-первых, товарищи, техника сама по себе есть творческий процесс, стоит только поразмыслить над серьезным значением этого слова. Техника непрерывно борется с безразличными к нашим целям проявлениями окружающей материальной природы; она сама – вечная борьба при самых разнообразных условиях производственной работы и всякого строительства. Процесс технической работы – это процесс непрерывного быстрого нахождения наиболее благоприятных моментов для воздействия на окружающие материальные силы. И только тот, кто умеет искать и находить, в ком жива искра борца, только тот, кто любит творчество, только тот может быть крупным техником.

Вот таким и был Р.Э. – богатый страстью борца и остроумием изобретателя. В его фигуре можно чтить, без всяких преувеличений, крупнейшего техника, опытного, остроумного, находчивого. Едва ли не самой выдающейся особенностью этого человека была его глубочайшая природная нервная восприимчивость и всестороннее остроумие. Он был не только остроумен на словах, он был остроумен в сложных сплетениях технической мысли, в изыскании практического выхода из чрезвычайно запутанного положения. И вот эта его остроумная находчивость тоже толкала его к техническому творческому процессу и отрывала от других путей, где он так же, если бы сосредоточился своим умом, вероятно, сделал бы многое. Р.Э. был творец – техник с глубоким чутьем технической истины и того соотношения сил в строительстве, которое требуется для правильного разрешения той или другой задачи.

Нам, товарищи, по ходу наших работ в это последнее десятилетие так страшно нужны такие люди, именно могущие быть творцами-техниками. Ведь, конечно, мы в последнем счете только тогда закрепим свои позиции, когда окончится в широком смысле период обороны от вражеских, стихийных, материальных сил. Только тогда мы закрепим свои социальные позиции, когда сумеем материально перестроить мир. И тут трудно преувеличить значение техники.

Такой крупный работник техники, каким был Р.Э. Классон, имел свои особенности. Я бы сказал, что Р.Э. был верным рыцарем техники. Нужно было видеть радость его и творчество, когда дело приобретало желаемый исход. Он поистине вкладывал лучшую часть своей души в эту борьбу с препятствиями, в это техническое творчество. И вот то обстоятельство, что он рано нашел себя, нашел такую сферу деятельности, которая как раз соответствовала его способностям, делало из него счастливого человека. Эта гармония его жизни, его деятельности с его природными данными создавала из него такую законченно-привлекательную, светлую фигуру, что к нему располагались даже те люди, которые порой были по тем или другим причинам не в ладах с ним. Когда они знакомились с ним ближе, он невольно привлекал их на свою сторону.

Вспоминаю, что в 1909 году, когда я работал в Ленинграде^{*}, как раз в это время Роберт Эдуардович искал кабельного инженера в Москву, и ему указали на меня. Когда он сам приехал из Москвы в Ленинград переговорить, передо мной стоял выбор: либо перейти в Москву, либо остаться в Ленинграде на весьма льготных условиях. Вспоминаю, что беседа с Классоном, после длительной разлуки с ним, этот привлекательный образ открытого ясного человека, веселого, полного сил, с увлечением рассказывавшего, какие большие работы предстоят в Москве при переделке московской сети на 6 000 вольт, все это решило вопрос для меня. Я решил, какие бы льготы мне в Питере ни предлагали, поеду с ним в Москву. И я скажу, что не раскаялся в выборе. Я рад, что пришлось и мне пройти отчасти школу технической работы под руководством Классона. У него, действительно, было возможно многому поучиться всякому технику. Он был великолепный знаток европейской техники, а, главное, удачный великолепный искатель в этой технике. Он с удивительной быстротой читал колоссальное количество западных журналов и в огромной массе прочитанного умел находить главное, существенное и интересное, и, как активный человек, запрягал окружающий персонал и заставлял работать таким образом, чтобы то или другое техническое усовершенствование не висело в воздухе, а реализовалось в жизнь.

Я вспоминаю тов. Классона еще в моменты опасности. Вспоминаю, например, громадный пожар «Электропередачи», его руководящую работу во время этого пожара. Те, кто помнят его в этот период, знают, что он работал одновременно не только как главный распорядитель всей обороны важнейшей для нас станции, но он работал и как простой рабочий, в первых рядах лицом к лицу с огнем, отважно подавая всем окружающим пример, как надо идти на врага, веселыми шутками подбадривая всех окружающих. Вот уж был товарищ, который в беде вас никогда не оставит, и чем больше была опасность, тем упорнее он не знал отступлений и шел в атаку иногда так, что казалось, не грань ли тут безрассудства. Но это именно была Классоновская стремительная природа, Классоновское отважное увлечение. Когда он чувствовал, что нужно крупную задачу осуществить, он действовал, как настоящий бесстрашный революционер.

Громаднейшая заслуга Р.Э., историческая заслуга, это – его поход на торф. Мало сказать, что он тут тонко провидел как техник те общие возможности, которые связаны с правильной постановкой работы на торфу, но он выявил пример такого личного мужества, такого самопожертвования, которые, действительно, не могли не создать и целой школы, и целого ряда предприятий.

Вы знаете, бывают люди такого типа, люди-коренники, что называется. Если вы чувствуете такого человека-«коренника» в работе, вы сразу успокаиваетесь. Вошел он в известную упряжку и повез данный воз, и вы можете быть вполне уверенным. К нему направлен будет целый ряд подсобных усилий, которые в последнем счете сломят всякое препятствие. Таким коренником-техником, у которого сила росла по мере препятствий, техником, который был глубоко уверен, что нажим энергии сломит любое препятствие, и задача тем более интересна, чем более трудна, именно романтиком-техником, верящим в силу и мощь техники, рыцарски-беззаветным человеком был Роберт Эдуардович. Поэтому он был коренником, у которого была школа, друзья, товарищи, сотрудники. И вот исчез такой человек, руководитель, коренник. Трудно будет его заменить.

Здесь рассказывалось, как создавалась «Электропередача». Я напомним, что тут были трудности самого разнообразного порядка, не только трудности финансовые. Организацию этого дела я отлично помню. Среди представителей Немецкого Банка, которые в предвоенные годы были уже крайне осторожны, на моих глазах Роберту Эдуардовичу приходилось переживать очень тяжелые моменты.

^{*} Тогда город еще назывался Санкт-Петербургом.

В нем очень широкие группы ценили остроумную инженерскую находчивость, изобретательность, но его широкий хозяйственный размах и вот эта его стремительная безудержность при воплощении той или другой задачи создавали целый ряд врагов, особенно врагов среди владельцев денежных мешков.

Я помню, что когда подсчитывали стоимость тех или других затрат, высчитывали возможные прибыли организованных Р.Э. предприятий, то много несправедливых укоров приходилось слышать Р.Э. Только его прочный стаж и умение дать надлежащий отпор спасали положение электрического строительства. Но все-таки в условиях предвоенного времени, весьма настороженного к возможностям вложения финансов в тогдашние русские установки, лишь он один имел наибольшие шансы. Я прямо не представляю, какая бы другая фигура могла решить такую задачу, как постройка «Электропередачи» в первый период 1912-1913 гг. Как раз в предвоенное время получить такие громадные суммы денег, многие миллионы, на сооружение целой новой станции – это было по плечу лишь Р.Э. Класону. Он умел заражать своей энергией, своей верой необычайно широкие круги, и думаю, что никому другому из его соратников это было бы не по плечу!

Товарищи, в области торфяной задачи мы чтим Р.Э., как творца Гидроторфа, как человека, который показал всем своей работой, какие проблемы здесь стоят, какие пути здесь возможно наметить и как много рутин в прошлом. Я думаю, что, помимо этой громадной исторической заслуги, не меньшее значение имеет решение другой крупной задачи: сооружение у нас в России в предвоенных условиях этой крупной электрической станции на торфу – «Электропередачи».

Все воспоминания, которые у меня связаны с Р.Э., в общем рисуют прежде всего такой четкий образ беззаветно увлеченного идеей творчества техники человека, умеющего создавать вокруг себя плеяду энергичных сотрудников и умеющего нащупать правильные пути в труднейших условиях строительства.

Я думаю, товарищи, что, конечно, наши попытки облегчить техническое творчество, попытки по другому воспитывать техническую молодежь, попытки пробуждать в учащих творческую жилку, находчивость, попытки связать школу с фабриками и заводами дадут нам в ближайшем будущем новые фигуры техников-творцов. И, пожалуй, тогда уже нельзя будет и удивляться, что из школы выходят люди, всесторонне подготовленные к трудному техническому прогрессу.

Но что в условиях старой России, в отвратительных условиях, когда каждому живому делу ставились такие препятствия, находились такие фигуры – отважные, стойкие, уверенные фигуры таких бодрых работников, как Р.Э. Класон, это уже не правило, это блестящее и такое поучительное исключение. Они, работники типа Р.Э., в эти трудные времена по-своему поддерживали огонек жизни, по-своему поддерживали то самое, которое в последнем итоге и являет собой то, что мы называем прекрасным в жизни.

Ушел Роберт Эдуардович. Не вернется никогда. Но с нами навсегда останется этот особый Класоновский образ веселого, отважного, остроумного, вдумчивого, серьезного, находчивого и глубоко полезного общественного работника!

Речь инженера Г.Б. КРАСИНА

Товарищи, мне так же 35 лет пришлось быть свидетелем жизни и работы Роберта Эдуардовича. Правда, я был немного моложе его, и работа наша шла по разным специальностям, но, тем не менее, я близко видел его и его работу, между прочим, потому, что Роберт Эдуардович был близким другом моего брата Леонида Борисовича. Казимир Петрович [Ловин] прочел вам телеграмму брата из Парижа. Но много ли может сказать телеграмма? Я, живой свидетель их дружбы, знаю, как воспринял брат весть о кончине Роберта Эдуардовича, как глубоко скорбит он об утрате светлого друга, как подавлен этой утратой.

Я не буду касаться здесь чисто деловых заслуг Роберта Эдуардовича, непосредственной оценки его работ, да и думаю, что не в этом самая суть дела. Роберт Эдуардович всегда привлекал меня гораздо больше красотой своей личности и теми исключительными особенностями, которые этой личности были свойственны.

Я всегда говорил, что Роберт Эдуардович – счастливый человек, счастье сопутствует ему, он имеет удачу во всем. Но ведь, конечно, в действительности такое постоянное счастье не есть просто нечто случайное; оно чем-то должно обуславливаться, и я полагаю, что наша задача изучить, чем же именно обуславливалось это счастье и всегдашние удачи. В деятельности Роберта Эдуардовича чувствуется своеобразная система, некий определенный метод. Если сказать о чем-либо, что это сделано по Классоновски, то это будет нечто особое, совершенно определенное и специфическое. И стоит того, чтобы разобраться, в чем же заключается специфичность этого метода.

Правда, многое удавалось Роберту Эдуардовичу, конечно, в силу исключительного личного таланта. Талант этот состоял, между прочим, в том, что Роберт Эдуардович был крепок в борьбе с вечно враждебным нам царством – царством неизвестности. Это царство враждебно нам потому, что оно слишком крепко держит в руках свои тайны, столь для нас необходимые и драгоценные. Роберт Эдуардович был опасным его противником. Он умел выхватывать оттуда такие неожиданные сокровища и победоносные диверсии, что приходилось только дивиться этим чисто «суворовским» приемам.

Но система деятельности Роберта Эдуардовича далеко не вмещается в сферу одной лишь техники и ключ его успехов лежит не в одних только технических достижениях. В его работе было что-то особенное, и если меня когда-нибудь спрашивали, что такое собственно «инженер», то я всегда без запинки отвечал: «Вот вам пример – Роберт Эдуардович Классон».

В чем именно состоял секрет его успехов – разобраться в этом дело будущего. Но полагаю, что одним из существенных моментов, которые здесь имеют значение, является то, что в Роберте Эдуардовиче всегда жила воля к победе, он всегда стремился вперед и верил, что достигнет поставленной себе цели.

Кроме того, в его методе характерно и то, это проходит красной чертой по всем его трудам, что Роберт Эдуардович всегда имел своих маршалов, имел полки и батальоны и умел двигать их в бой. Это громадное искусство: нужно знать, каким образом люди достигают сплоченности, каким образом образуются эти батальоны, как ими командовать, почему они слушаются и почему идут в бой.

Я приведу, как пример, один совершенно исключительный случай, особенно поразивший в свое время мое внимание. Когда Роберт Эдуардович построил станцию «Электропередача», то против него образовалась целая враждебная «Антанта» – ему воспретили провести провода в Москву. Нападение было сделано с той стороны, с которой он был наиболее слаб, потому что он всегда с глубочайшим пренебрежением относился ко всякого рода материальным домогательствам, так сказать, к «коммерции» чистого типа и был в этом отношении совершенно неискушенным человеком. Я отлично помню, как я ломал себе тогда голову и думал – как выйдет Роберт Эдуардович из этого положения: многие миллионы были затрачены, а станция могла подавать энергию только господу-богу. Но у Роберта Эдуардовича и на этот случай нашлись надежные маршалы. Помню, как нашлись они по Москве и округе и разрешили задачу. «Антанта» была разбита и в полном смысле слова посрамлена.

Я полагаю, что будущее раскроет нам приемы работы и свойства личности Роберта Эдуардовича, выявит причины его постоянных успехов и удач, и учиться у него нужно будет не только молодежи, которой предстоит придти на смену, но даже и тем старикам, которые еще не оставили фронта.

Теперь я скажу Вам еще относительно моих личных деловых встреч с Робертом Эдуардовичем. До последних лет до войны, как я уже сказал, наши дороги были различны, в скором же времени после революции мы встретились с ним на поприще торфодобыывания. От Роберта Эдуардовича усвоил я основную идею торфяной проблемы, особую важность ее для страны. Роберт Эдуардович звал меня работать в области торфа по той дороге, по которой он сам пошел – по линии Гидроторфа. Однако же, дороги наши и тут разошлись, и в последующих наших взаимоотношениях настолько характерно обрисовалась его личность, что я позволю несколько подробнее остановиться на этом обстоятельстве.

Дороги наши разошлись по очень простой причине: Роберт Эдуардович был электротехник, т.е. представитель той отрасли промышленности, которая имеет свои истоки непосредственно в науке и от плодов отвлеченного мышления приводит к труду. Я же был представителем железнодорожного и строительного дела, то есть таких отраслей промышленности, которые, наоборот, идут от труда кверху. Здесь техника берет трудовые процессы, как они существуют в самых примитивных формах, и усовершенствует их дальше. Поэтому для меня тот метод, который избрал электротехник Классон, был просто психологически неприемлем.

Мы пошли разными дорогами, сказав друг другу, что мы встретимся впоследствии и сопоставим плоды своих трудов. Роберт Эдуардович мало верил в успех нашей работы, но тем не менее в высокой мере сочувствовал нашей деятельности и относился к нам чрезвычайно тепло. Помню, например, как однажды он пришел к нам на работы, на болото в составе какой-то комиссии. Машина наша, как обычно бывает в таких торжественных случаях, показала в полном разгаре свои «детские болезни»: доски падают, торф валится, авторы машины мечутся по полю и пр., и пр. Обстановка была действительно довольно кошмарная, и я отлично помню страдальческое лицо Роберта Эдуардовича. Он взял меня, одного из главных мучеников, за руку, отвел в сторону и говорит: «Дорогой мой, да гоните Вы нас всех прочь отсюда. Знаю ведь, как трудно бывает, когда в таких случаях еще посторонние приходят!» Так болел он душой и за нашу работу.

Когда я вспоминаю его отношение к нам, как будто открывается часть завесы светлого будущего, к которому люди идут, когда они действительно будут людьми и братьями, когда забудут все те проклятые слова и понятия, с которыми на каждом шагу приходится встречаться и которых Роберт Эдуардович при его чистом и кристальном сердце совсем не знал.

Отмечу еще одну характерную особенность Роберта Эдуардовича, свойственную лишь очень и очень немногим и характеризующую его глубину и проникновенность – это его отношение к смерти. Собственно говоря, мы все имеем об этом весьма неправильные представления. Правда, мы уже ушли от того, чтобы представлять себе смерть в виде костлявой старухи с косою за плечами, но, тем не менее, у всех все же держится представление, что смерть – это есть «нечто». Роберт Эдуардович, наоборот, думал вполне определенно, что смерть есть ничто, ее нет. Его духовный взор шел мимо явлений смертности, он воспринимал людей только как живущих и действующих. И когда я вспоминаю его отношение к смерти, то мне кажется, что из небытия звучит его голос: «А, все-таки, жизнь – сильнее смерти!»

Речь тов. ШЕЛГУНОВА

Моя встреча с Робертом Эдуардовичем была совсем в другой плоскости, не в той, как здесь описывали. Я встретился с ним в то время, когда мне просто нужно было искать работы, и порекомендовал ему меня как раз Г.Б. Красин, к которому я в то время ходил заниматься политической экономией и другими социалистическими науками. Правда, я шел на работу, конечно, с определенной целью, для того чтобы не только работать как слесарь, но в то же время и как революционер.

Здесь, когда я встретился с Р.Э., а в то время я еще мало видел интеллигенции, мне в нем показалась особенная черта. В то время знакомство инженера-интеллигента с рабочим уже считалось подозрительным явлением.

Когда я пришел на Охтенский Пороховой завод, Р.Э. вел спор с каким-то полковником относительно того, что нужно здесь поставить два выключателя или один. Спор был горячий, Р.Э. сказал: «Обождите, пожалуйста». Я обождал, когда они кончили. Потом он ко мне подходит и говорит: «Что Вы?». Я говорю: «Так и так, меня прислал Г.Б. Красин». И вот из того, как он ко мне отнесся, как он сказал: «Обождите, пожалуйста», видно было, что даже здесь, на Охтенском заводе, где он находился на особых условиях, он счел прямо-таки за ничто быть знакомым в то время с революционером-рабочим. Он и не подумал, что это может отозваться как-нибудь на нем впоследствии.

Здесь он показал себя цельным человеком, и эта цельность и составляла то, что назвал Глеб Максимилианович красотой. Именно он был в том красив, что всегда был собой. Вот эта внутренняя красота, постоянство и положительность, она проявилась у Р.Э. в столкновениях интересов рабочих и руководящих лиц, и здесь он был цельным и требовал этой цельности и от рабочих, требовал этой самой красоты.

Я припоминаю, как здесь уже говорили об этом, что Р.Э. был веселым собеседником. Действительно, нам трудно было встретить Р.Э. в таком состоянии, чтобы он был задумчив. Он был всегда весел и, действительно, особенно высоко держал голову. И несмотря на то, что он высоко держал голову и занимал высокое положение, он говорил, очевидно, с рабочим так же как говорил с любым инженером по какому-нибудь высокому вопросу. И если со стороны рабочего велся дельный разговор, то, очевидно, он ставил на одну и ту же доску как высокоценного инженера, так и этого незначительного рабочего. Это было видно по его отношению при решении многих недоразумений. Он делился своими впечатлениями по поводу рабочих с Красиным. Я был с Л.Б. Красиным особенно близок, и Красин мне это передавал.

Р.Э. умел всегда подметить здоровую струю, здоровое начало, может быть, единственно правильное начало, которое касалось, прежде всего, дела техники. Тут-то он и был на своем месте, и именно тем можно объяснить, что, несмотря на то, что Р.Э. не был мямлей, не был что называется слюнтяем, а был требовательным к рабочим, тем не менее, у нас, в Баку (здесь я не работал с ним) к Р.Э. все рабочие относились одинаково хорошо, все – положительно. Были у нас, конечно, в то время и красные рабочие, они, действительно, не только уважали, они именно любили Р.Э. В этом отношении с ним конкурировал, пожалуй, только Л.Б. Красин, который тоже был неумолимо требователен и такой же общей любовью пользовался среди рабочих.

Вот такие личности как Роберт Эдуардович, они всегда, во всякое время, при всяких условиях умели найти этот подход к рабочим. И нужно было видеть тот успех и ту любовь, которыми он пользовался.

Некоторые из инженеров думали, что к рабочему нужен какой-то особый подход. Нет, к рабочему не нужно особого подхода, нужен только деловой подход. Если деловой подход будет, то все инженеры будут пользоваться не уважением, а такой же любовью, как и Р.Э. Я это особенно хочу подчеркнуть, что именно на таком крупном человеке, на таком крупном технике можно видеть примеры его отношения к рабочим, которые проходили перед моими глазами.

Теперь, здесь говорили, что Р.Э. почему-то ушел от революции, его охватила романтика техники. Я не знаю, я не инженер, слесарь только, но у меня есть техническая жилка. Хотя как техник я безграмотен, но как слесарь немножко техническую грамоту знаю. Вот у меня был такой случай в жизни.

Как-то мне было поручено обследовать станок. Я разбираюсь, копаюсь в нем, подходит ко мне мой товарищ, близкий по Петербургу: «Брось, не наше это дело». – «Как не наше дело, да на этом станке можно то-то и то-то сделать быстрее, чем руками». – «Это не в наших интересах». Вот среди рабочих такой взгляд существовал. Я как раз этим грехом не страдал и тут же дал надлежащий отпор, и думаю, что все рабочие должны одинаково ценить как техников, так и организаторов в другой области, в данном случае в области революционной, партийной.

Я считаю, что польза, которую принес Р.Э. нашему Рабоче-Крестьянскому Государству, что эта польза столь же высока или даже больше, чем работа многих наших недостаточно умелых революционеров. Конечно, если мы возьмем Владимира Ильича, конечно, нужно сказать, что он хорошо сделал, что пошел в революцию. Но весьма возможно, что придется сказать по отношению к Р.Э., что он хорошо сделал, что пошел в технику. Здесь он нашел самого себя и показал во всей своей красоте, во всей своей колоссальности.

Многие, в особенности инженеры, знают, что он из себя представлял не только для России, но даже и для Зап. Европы. И здесь я склонен думать, исходя из этих соображений, что он в то время интересовался марксизмом, что революции он не был чужд уже, работая в Баку. Одно только было требование: пусть они будут революционеры, но лишь бы разумно действовали, а это требование разумности, даже в старое буржуазное время, есть, конечно, требование необходимое.

И вот поэтому я думаю, что выбирая путь между революцией и техникой, Р.Э. выбрал путь техники, очевидно, потому, что он считал для себя в этой области значительно сильнее, а по части полезности считал эту область столь же полезной, столь же необходимой, как и революционная подготовка рабочих масс, и это действительно нужно, действительно полезно.

Как Роберт Эдуардович вел себя во время работы на буржуазию в старое дореволюционное время и как он вел себя в настоящее время, когда работал уже на Рабоче-Крестьянское государство? Я думаю, что не ошибусь, если скажу: вел он себя так, как должен себя вести здравомыслящий техник, и, оставаясь именно только техником, но настоящим, цельным, искренним техником, всякий инженер может быть уверен, что он принесет пользу, и рабочие в конце концов его поймут, и показателем этого опять-таки может служить Р.Э.

В последнее время он был аполитичен, революцией не занимался, но вся его работа – это была колоссальнейшая, величайшая помощь революции. Точно так же и всякий инженер, если он будет настоящим техником, если он будет искренно работать, он может надеяться, что рабочие, как бы они ни были несознательны, они его поймут и так же оценят, как оценили рабочие Роберта Эдуардовича Классона.

Речь Коммерческого Директора Правления МОГЭС Н.П. АДРИАНОВА

Товарищи, в течение последних 3½ лет мне было вручено непосредственное управление родным детищем Роберта Эдуардовича – электрической станцией «Электропередача». Р.Э. продолжал оставаться верховным руководителем «Электропередачи», имея от Правления МОГЭС специальный мандат по наблюдению за ее работой. В силу этих обстоятельств мне пришлось в течение этих 3½ лет иметь постоянные деловые взаимоотношения с Р.Э.

Я не буду совершенно касаться роли Р.Э. в деле постройки и организации этой первой районной станции в России. Об этом много сказано лицами, работавшими с Р.Э. значительно раньше и дольше, чем пришлось работать мне.

Я бы хотел отметить в работе Р.Э. специальный талант, свойственный именно крупному организатору: способность выбирать те моменты в работе, которые требуют непосредственного его вмешательства, выделять вопросы, по которым следует ему лично или поднимать тревогу или иной раз подвергнуть длительной обработке и предоставлять целый ряд вопросов исключительно инициативе и решению местных рядовых работников. Это отличительное свойство выбирать то, что нуждается в руководстве, от того, что налажено и уже может идти своим путем, свойственно только крупным организаторам.

За последние годы Р.Э. совершенно определенно считал, что дело непосредственно электростанционного хозяйства есть такая область, созданная, как мы знаем, всей предыдущей работой Р.Э., в которой уже выработался достаточный кадр опытных технических работников, и потому на «Электропередаче» он все свое внимание устремлял специально в ту область, где много приходилось строить совершенно заново, именно в работу по торфодобыче. В течение этих последних лет в основном все свое внимание при еженедельных посещениях «Электропередачи» Р.Э. обращал главным образом на работу по торфодобыче. Каждому из нас, кто знает, что топливо составляет около $\frac{3}{4}$ в стоимости выработки энергии, понятно, почему именно область торфодобычи нуждалась в специальном руководстве, в новых идеях. Здесь – в технических способах работы – был чудовищный консерватизм, очень свойственный именно этой области труда, и его надо было всячески изживать, вырабатывая и организуя новые методы работы.

Надо было видеть как, особенно во время торфяного сезона, Роберт Эдуардович, человек уже пожилой, носивший тяжелый недуг в своем организме и безусловно знавший о нем, с раннего утра до позднего вечера рыскал по болотам, не уходя с них ни на минуту, и работал там, как в пору работать только здоровому молодому человеку.

Здесь отмечалось основное свойство характера Р.Э. уже не как техника, а как человека: это постоянное соответствие всех его устремлений тому основному, что было заложено в него от природы. Особую красоту личности Р.Э. все отмечали в том, что он всегда действовал так, как подсказывало его внутреннее чутье, всегда был самим собой. Мне хотелось отметить одну деталь, которая добавляет, на мой взгляд, еще один небольшой штрих к характеристике Р.Э. как человека. Мне представляется, что красота личности человека неотделима от любви его к природе. Эта любовь особенно редко наблюдается у техников, крупных работников промышленности, каким был Р.Э. Даже бедная природа торфяного болота находила в лице Р.Э. поразительного ценителя: к ней он всегда относился с особенною любовью.

Я не буду говорить больше о последнем любимом детище Р.Э. – о торфяном хозяйстве, о той лебединой песне, которую ему пришлось спеть в этой области техники. Я хочу остановиться на отношении Р.Э. к тем неудачам, которые постигали в работе как всех его сотрудников, так и его самого. Мы имеем часто аварии в эксплуатационной работе и неудачи в новых начинаниях. Роберт Эдуардович всегда подходил к этим неудачам поразительно спокойно. Обычно в моменты всяких аварий мы наблюдаем чрезвычайную нервность, даже склонность иногда в первый же момент искать кого-то виновного.

Р.Э. в моменты аварий никогда виновного не искал и, переживши сам колоссальное количество неудач, иногда стихийного порядка, иногда объясняемых собственной ошибкой, был всегда чрезвычайно снисходителен к тем неудачам, которые происходили по бессознательной ошибке того или другого работника. Но, конечно, только в том случае Р.Э. подходил к ошибкам снисходительно, когда видел, что они допущены человеком работающим, а не бездельником. Это поразительное отношение к неудачам, постигавшим работников, могло выработаться только у того, кто, наряду с колоссальными достижениями в своей жизни, наряду с большими успехами, которые здесь отмечались, пережил сам целый ряд предварительных неудач.

По-моему, основная черта характера Р.Э., которая сразу всем бросалась в глаза, это неизменная, поразительная бодрость духа. И если когда в моменты неудач и приходилось слышать от Р.Э. как будто ноты отчаяния, обычно когда, в силу целого ряда затруднений материального характера, свойственных нашему времени, тормозились его начинания, всегда опережавшие те материальные возможности, которые могла дать ему жизнь, то никогда мы не видели, чтобы эти ноты отчаяния в какой бы то ни было мере отражались в его действиях, чтобы когда-нибудь у Р.Э. опускались руки.

Я хотел бы кончить свое краткое слово на сегодняшнем траурном заседании призывом ко всем сотрудникам Р.Э., что лучшим, неувядаемым венком на его могилу будет наше стремление всегда в работе сохранять тот дух бодрости, постоянного действия, который отличал Р.Э. Во всем нашем громадном рабочем аппарате пусть этот дух бодрости, неизменный и в удачах, и неудачах, так необходимый для успеха работы, всегда носит имя Роберта Эдуардовича Классона!

Речь [представителя Шатурской электростанции] тов. [И.И.] ЗАЙКОВСКОГО

Товарищи, мне пришлось с Р.Э. Классоном встретиться в 1897 году, когда он только что появился в Москве на Георгиевской станции, когда он был молодым еще инженером. Те инженеры, которые раньше были у нас, совершенно были другого типа и другое отношение имели к рабочему классу. Этот инженер – молодой, бодрый, здоровый, видный телом и душой, первый начал подходить к рабочим и первый начал спрашивать, как рабочий класс живет: сколько получаешь, как живешь, что делаешь? Интересовался всем. В то время мне было только 19 лет – еще мальчуган, деревенский парень, и мне эта личность показалась такой светлой, такой хорошей, что часто идя по Москве, смотрю в лицо каждому человеку и все не подберу такого как Роб. Эд.

В то время я, конечно, был еще совершенно не развит, был еще молодым человеком. Мне пришлось прослужить с ним немного, я ушел на военную службу с этой станции и, когда я пришел по окончании службы*, я задумал опять обратиться к Роб. Эд. Я уехал в Баку, и первое, что меня поразило, когда я приехал на вокзал, меня судьба столкнула с ним – тут же встретил его. Вижу – бодрый, веселый, с тростью в руках. Подхожу к нему, говорю: «Здравствуйте». Посмотрел – не узнал, я назвал себя. – «Зачем приехали?» Я говорю: «Работать». – «Что же, к нам?» – «Если возьмете, к Вам».

Я уехал на Балаханы, явился к Н.И. Языкову, который меня и поставил [на работу]. В это время началось мое близкое знакомство с Р.Э. Классоном. В это время уже начались политические кружки, и в 1903 году к такому кружку примкнул и я. Вот здесь сближение Р.Э. Классона со мной, а через меня и с рабочим классом, стало ближе. Как оказывается теперь, он великолепно знал Маркса, сам участвовал в кружках. В то время было это непонятно, но рабочий постоянно чутьем чувствует, что он рабочему близок и что он за человек. Когда начались забастовки в 1904 году, особенно в 1905 г., когда начали ходить к нему с требованиями, он рабочих удовлетворял.

В 1905 году, когда прокатилась волна революции, то он как марксист не мог видеть марксистов, которые не знали Маркса. И тут он, несмотря на то, что был инженер, крупная величина, пошел нам навстречу, сам предлагал: «Возьмите себе какого-нибудь человека, который знал бы Маркса, возьмите человека, который учил бы Вас, чтобы Вы не были таковыми захудалыми марксистами, а чтобы на самом деле были марксисты, с которыми хорошо вести дело. С умным человеком хорошо и дело вести!»

* По-видимому, уже на Раушскую станцию, поскольку малосильная и малоэкономичная Георгиевская станция на постоянном токе была закрыта в ноябре 1898-го.

Он шел навстречу, давая людям места только для того, чтобы учились те, которые хотели учиться. Он пережил от нашего движения массу неприятностей. Во-первых, мы шли с требованиями к нему, и подчас наши требования были неразумны, но мы в то время не смотрели на это и, все-таки, требовали: «Ты – представитель капитала, а мы рабочие, мы получаем мало, и ты нам дай. Больше ничего не знаем».

В этой области он так же нажил себе много врагов. С одной стороны, банки, которые вкладывали в предприятия деньги, нажимали на него, а с другой стороны, бакинские промышленники так же нажимали, потому что в его предприятиях рабочие жили гораздо лучше, чем жили в других местах. А известно, когда одно предприятие дает лучше жить рабочим, то другие предприятия нажимают, потому что чувствуют, что и им надо дать это.

С другой стороны, царское правительство так же на него нажимало. Так и прозвали нас: «Классоновское гнездо революционеров». Это было гнездо, из которого разлетелись птенцы по всей России и разнесли то, чему они учились у Р.Э. Классона. К тому же Р.Э. Классон постоянно привлекал таких служащих к себе, тоже марксистов, которые так же учили нас. Или это совпадение или на самом деле Р.Э. Классон подбирал таких лиц, которые помогали рабочему классу разбираться во всех вопросах, которые в то время волновали не только бакинцев, но и рабочих всей России, а может быть, и всего мира.

Однажды, когда были присланы из Центрального Управления немецкие представители, чтобы сменить Р.Э. Классона, тут рабочие, конечно, усугубили положение. Конечно, рабочие хотели помочь, но помощь рабочих иногда выливается в такое русло, что они вместо помощи делают только хуже. Приезжают эти немецкие представители, а рабочие «Электрической Силы» бастуют. Те хотят в город ехать, а рабочие говорят – «лошадей не дадим». В ночь бегут все немцы с «Электрической Силы», не только те, которые приехали. Положение получилось такое, что якобы мы тем самым Р.Э. Классону еще хуже сделали, потому что те же банкиры стали смотреть хуже, чем прежде.

Однажды в разговоре со мной он сказал: «Вот вы требуете, а когда немцы ушли, мое положение еще хуже стало. Ты вот получаешь 80 руб. [в месяц] и везде получишь, а я получаю 12 000 [в год], и если мне на 80 руб. поступить, то положение будет незавидное. Если эти банки обрушатся на меня, то как раз мне и придется пострадать!»

Р.Э. Классон о себе не заботился, а всегда стремился делать для революционеров все, что только мог. И вот я, когда он уезжал из Баку, прощаясь с Р.Э. Классоном, задал ему вопрос: «Уезжаете, Роберт Эдуардович? Но вот по приезду, если к Вам поступить?» Он говорит: «Надоели вы мне, бакинцы, я вас не возьму!». Вот в 1908 году приезжаю в Москву, захожу в это Правление к Роб. Эд. повидаться с ним. Он сам задает вопрос: «Ну что, тебе в Баку не надоело?» – «Но те слова, которые Вы сказали... Разве я могу мечтать?» – «Ну, приходите завтра, будет Вам место». И здесь, сколько ему ни надоедали, он шел навстречу. По его словам, лучше иметь интеллигентных людей, лучше рабочий пусть [будет] интеллигент, с ним гораздо легче иметь дело, чем с тем, которому толкуешь и никак не втолкуешь. Роб. Эдуардович, благодаря этому, помог рабочему классу и революции, которая совершилась в России.

Другая черта Р.Э. Классона, чрезвычайно ценная: он никогда не любил, чтобы ему врили, и если кто сказал на другого, [то] он никогда не слушал. Это черта цельного человека. К тому же он был таким, что если кто что-нибудь испортил, то скажи прямо, даже если это дорого стоит – об этом ни слова. – «Кто, – говорит, – ничего не делает, тот не ошибается. Если же ты соврал, конечно, тут другая картина». Это цельный, красивый человек, который красиво прожил жизнь, принес пользу для человечества, особенно для нас практиков, которые у него учились. В этом отношении он сделал все, что только мог.

Заканчивая все это, скажу, что Р.Э. Классон – такая личность, которую трудно встретить.

Речь тов. КУЗЬМОВСКОГО

Товарищи, мне просто невольно хочется сказать несколько слов по отношению инженера Классона. Я не буду говорить о нем, как о человеке и как о технике, потому что я его не знаю, и здесь было много сказано об этом. Я хочу сказать только о его значении (думаю, что я не преувеличу), о мировом значении для рабочего класса. Его имя гремело во время революции и за границей. Раскаты этого грома даже докатились до такой отдаленной страны, как Австралия. По некоторым обстоятельствам мне пришлось там жить и работать, и когда я там жил, там гремело имя инженера Классона.

Он сыграл крупную политическую роль своей техникой, большую политическую роль, чем другой политик. Он сыграл роль в том, что он в самое критическое время не оставил Россию, как техник и как строитель, в чем именно Россия и нуждалась. Я думаю, что он, такой высоконравственный человек, даже удержал некоторый кадр хороших техников около себя, которые не влились в тот грязный поток эмиграции, бегства из России. Буржуазная пресса и заграничные контрреволюционные страны говорили о том, что в России сейчас с большевиками интеллигентному человеку невозможно работать, что все техники и ученые уехали из России, что там полные невежды, варвары и т.п.

Так вот такие люди, как Классон, этот эмигрантский поток превращали в мелкий мутный ручеек. Все представители как буржуазии, так и рабочего класса, которые побывали в России, они не могли умолчать о его значении, о его деятельности, именно в самое трудное время. Ко мне самому много рабочих и много даже представителей техники обращались с вопросами: «Правда ли это?» Я, конечно, Классона не знал, так как я уехал давно из России, и человек я маленький, рабочий, но всегда говорили, что в России с большевиками работают и интеллигенты, и большевики на самом деле не есть такие варвары, как буржуазная пресса их рисует.

В особенности впоследствии, когда больше и больше в России стали появляться заграничные делегации, его имя разнеслось везде, и он был известен. Рабочие всегда с радостью читали в газетах и технических журналах его имя и говорили, что хорошо-бы и у нас были такие люди, когда придет революция. В то время, когда большинство представителей буржуазного класса просто не могли понять, что такой великий человек, как Классон, работает за какой-то пятак в России, где голод и нужда, не получая за это ничего, когда он мог бы в любой стране, в Европе или Америке, найти себе работу, которая, по их мнению, хорошо бы оплачивалась.

Я хочу в заключение сказать, что следовало бы как Правлению МОГЭС, так и нашим общественным организациям сделать широкое пояснение о его значении и о всей его работе. Это сыграет крупную роль для объединения рабочего класса и заставит многих буржуазных техников убедиться в том, что разговоры, будто бы интеллигентный человек в России при большевизме не пользовался никакой ценностью, неправильны.

Речь Председателя ЭКОСО* РСФСР тов. А.М. ЛЕЖАВА в заседании Президиума Госплана РСФСР 12/II, посвященная памяти Р.Э. КЛАССОНА

Товарищи, я прерву наше заседание, чтобы сказать несколько слов памяти скоропостижно скончавшегося вчера во время заседания [в] ВСНХ крупнейшего научного работника в области электротехники инженера-технолога Роберта Эдуардовича КЛАССОНА, посвятившего всю свою жизнь делу электрификации России. Нет сколько-нибудь крупного начинания в этой области, с которым не было бы связано имя этого человека.

* ЭКОСО – Экономическое Сопровождение.

После Октябрьской революции Р.Э. КЛАССОН не только не покинул советского государства, но со свойственным ему острым чутьем он почувствовал, что все его заветные мечты в области техники в этих новых условиях получат наибольший расцвет и самый широкий размах. В то время как многие из его коллег своим мелким мещанским умом не могли постигнуть величия происходивших исторических событий и бежали от наступившей перемены, Р.Э. КЛАССОН остался здесь и начал работать с удвоенными силами и энергией в самых тяжелых условиях.

Будучи вообще умным и интересным собеседником, он рассказывал всегда с легкой иронией и усмешечкой о тех лишениях, которые ему приходилось переносить и о тех специфических условиях, которые тогда имели место и которые большинством людей из его круга переживались весьма трагически. Он так легко об этом рассказывал, что видно было, что он убежден в том, что все это скоро пройдет и скоро наступит расцвет всех наших сил, когда его заветные мечты найдут себе применение.

Личные качества этого человека были обаятельны. Я с ним познакомился, кажется, в 1914 году, точно не помню, у Г.М. КРЖИЖАНОВСКОГО, на «Электропередаче». Там я увидел Р.Э. КЛАССОНА. После этого уже в советский период с Р.Э. КЛАССОНОМ мне приходилось более или менее часто сталкиваться и должен сказать, что человек этот был необычайно тонких душевных качеств и этически чрезвычайно чуткий. Характерно то, что к нему, как мне приходилось слышать, всегда хорошо относились рабочие даже в моменты чрезвычайно острого настроения рабочих в период Октябрьской революции, и в этот период у Р.Э. КЛАССОНА никаких осложнений с рабочими не было.

Нужно вспомнить, что Р.Э. КЛАССОН до своего увлечения техническими идеалами, будучи еще студентом-технологом, участвовал в студенческих кружках и принимал участие в социал-демократической работе. Газеты отмечают его близость с Владимиром Ильичом ЛЕНИНЫМ, с Н.К. КРУПСКОЙ и всем кружком, куда входили также два брата КРАСИНЫ и КРЖИЖАНОВСКИЙ, при чем разница в возрасте у них была небольшая. С тех пор у Владимира Ильича ЛЕНИНА остались наилучшие воспоминания о Р.Э. КЛАССОНЕ, он говаривал в 1919-20 годах, что Р.Э. КЛАССОН не наш, но этот человек чрезвычайно ценный, который будет работать в наших условиях и окажет огромные услуги возрождению нашего хозяйства.

Это говорил В.И., и как только впервые у нас открылись возможности, он сейчас же призвал Р.Э. КЛАССОНА и всячески поддерживал его в работе над проблемой гидравлического способа добычи торфа и его механического обезвоживания. Владимир Ильич возлагал на него большие надежды и жестоко пробирал тех, которые, скептически относясь к осуществлению идей Р.Э. КЛАССОНА, мешали его работе.

Прошу почтить его память вставанием.

Телеграммы и письма, поступившие по поводу кончины Р.Э. КЛАССОНА

Правлению МОГЭС, Главэлектро

Потрясен внезапной смертью Роберта Эдуардовича КЛАССОН, первоклассного инженера, имя которого будет записано в великой книге Советского строительства.

12 февраля 1926 г.

Л. ТРОЦКИЙ

МОГЭС Ловину Москва

Из Парижа

Передайте товарищам – рабочим и служащим МОГЭС'а мое горестное соболезнование по поводу кончины Роберта Эдуардовича КЛАССОНА, первого русского электротехника, учителя нескольких поколений практиков, неутомимого искателя все новых путей подъема совершенствования станционного хозяйства и строительства. История электрификации России занесет славное имя КЛАССОНА на свои страницы.

КРАСИН

Москва МОГЭС Ловину

Из Ростова Дон

Поражен смертью КЛАССОНА. В его лице теряем исключительно талантливого образованного преданного делу работника. В момент подъема промышленности и электрификации потеря незаменима. Прошу выразить соболезнование Правлению, а также семье покойного.

Предкрайисполкома БОГДАНОВ

МОГЭС Москва

Из Берлина

Торгпредство в Германии с глубоким прискорбием узнало об утрате Союзом старого соратника Владимира Ильича, крупнейшего русского инженера и изобретателя Роберта Эдуардовича КЛАССОНА, умершего вчера на своем посту во время работы. Советский Союз в лице Роберта Эдуардовича КЛАССОНА потерял одного из ценнейших работников нового строительства, который своей безкорыстной честностью, прямоотой характера и преданностью дела останется вечным примером.

БЕГГЕ

Семье Инженера Классон

Москва Садовники 11

Из Ленинграда

С глубоким прискорбием члены Ленинградского Отделения ЦЭС узнали горестную весть о смерти Роберта Эдуардовича. Тяжело терять старого товарища. Тяжело сознавать, что уходит исключительный инженер, талантливый организатор и человек со смелым полетом мысли и сильной волей. Товарищи Роберта Эдуардовича по ЛОЦЭС вместе с Вами скорбят о незаменимой потере.

Председатель ЛОЦЭС Профессор ШАТЕЛЕН

М.О.Г.Э.С.

Государственный Экспериментальный Электротехнический Институт, глубоко огорченный преждевременной кончиной выдающегося русского электротехника Р.Э. КЛАССОН, выражает Правлению и всем сотрудникам МОГЭС'а свое искреннее соболезнование.

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА

Заведующий Общим Отделом

Здесь. Правлению МОГЭС

Удручены внезапной кончиной крупнейшего работника электрификации Роберта Эдуардовича КЛАССОНА. Скорбим вместе с Вами.

ЭЛЕКТРОБАНК. Предправления МАРГУЛИС

Москва Садовники 11

Евгении Николаевне Классон

Совет Общества Русских Электротехников выражает свое глубокое сожаление понесенной Вами потере.

Президиум Общества Шпильрейн

Москва Садовники 11

Евгении Николаевне Классон

Ленинград

Узнав о преждевременной кончине Роберта Эдуардовича Классона, одного из выдающихся воспитанников Технологического Института имени Ленинградского Совета, Правление последнего просит семью покойного принять глубокое соболезнование в постигшем ее несчастье.

Ректор Веллер

Москва МОГЭС

Из Ленинграда

Строительство электростанции Красный Октябрь выражает свое соболезнование по поводу кончины незабвенного Роберта Эдуардовича.

ВЕРЕЩАГИН ШАПИРО СПЕРАНСКИЙ

Москва МОГЭС Кирпичникову

Из Балахны

Строительство Нижегородской Райэлектростанции выражает горячее соболезнование в утрате незабвенного Роберта Эдуардовича КЛАССОН. Тяжесть утраты особенно ощущается строительством, так как в своих работах оно идет путями, изысканными покойным.

Главинженер СТУПИН

Москва МОГЭС

Из Ленинграда

Кондопожское строительство глубоко скорбит о безвременной кончине крупнейшего русского электротехника Роберта Эдуардовича КЛАССОН.

Главный Инженер ВЕРЕЩАГИН

Москва МОГЭС

Из Ярославля

Правление Ляпинского Строительства по случаю смерти Роберта Эдуардовича КЛАССОН просит передать семье покойного глубокое участие в постигшем горе.

ГОРЛЕВСКИЙ

Правление МОГЭС Москва

Из Берлина

Внезапная кончина Роберта Эдуардовича вырывает из Ваших рядов бесценного преданного делу гениального инженера, человека кристальной чистоты, идеальной честности и преданности. Мы имели счастье пользоваться вниманием и хорошим отношением покойного. Вместе с Вами скорбим об его потере.

КРЕВЕР ФЕНЬКЭВИ

Екатерине Робертовне Классон

Садовники Москва

Из Парижа

Горячо оплакиваем дорогого незабвенного Роберта Эдуардовича. Привет всей Вашей семье.

КРАСИНЫ БРУСНЕВ

Москва МОГЭС

Прошу передать мое искреннее соболезнование семье и бывшим сослуживцам о безвременной кончине незабвенного Роберта Эдуардовича.

Главный Инженер Лензолота И. ВЕЧЕСЛОВ

Правлению МОГЭС Москва

Из Берлина

Глубоко потрясенные неожиданной кончиной Вашего Члена Правления Инженера Классон, выражаем Вам наше искреннее сочувствие в тяжелой потере, понесенной Вашим Правлением и всей русской электротехникой.

Заводы СИМЕНС

Правлению МОГЭС Москва

Из Берлина

Мы оплакиваем вместе с Вами безвременную кончину Вашего директора Роберта Эдуардовича Классон, который как инженер и как человек был одинаково выдающимся, и в истории электрификации России он будет жить дальше.

Всеобщая Компания Электричества
Отделение для России

Правлению МОГЭС Москва

Из Берлина

Выражаем наше самое искреннее сочувствие в тяжелой потере, понесенной Объединением Московских Электростанций и всей русской электротехникой со смертью Вашего Директора Роберта Эдуардовича Классон.

Брун-Бовери

Правлению МОГЭС

Москва

Континентальное О-во Железной Торговли Керн и Ко и представленные им Витковицкие предприятия и Брюннские заводы выражают Правлению МОГЭС'а глубокое соболезнование по поводу утраты, которую понес МОГЭС и весь СССР в связи со смертью Роберта Эдуардовича Классон, огромное значение которого для электрификации Советской Республики ему хорошо известно.

Континентальное О-во железной торговли КЕРН и Ко

Правлению МОГЭС

Из Балахны

Сотрудники Чернораменского Хозяйства выражают глубокое сожаление по тяжелой утрате для Гидроторфа в лице скончавшегося Роберта Эдуардовича Классон.

Правлению МОГЭС

Редакция газеты «Волховской Труженик», обслуживающей кроме крестьянства Волховского уезда Ленинградской губернии так-же и Волховстрой, берет на себя смелость выразить Вам соболезнование по поводу смерти Роберта Эдуардовича Классон от лица всех своих читателей.

Технический Редактор ГАРИН

Правление Моск. Объедин.
Госуд. Электрич. Станций «МОГЭС»
Из Черного Озера Шатурская ГЭС

Мы, инженеры и техники Шатурской Г.Э.С. им. В.И. Ульянова-Ленина, глубоко скорбим, удрученные внезапной кончиной Р.Э. КЛАССОН, старейшего инженера строителя электрических станций, славного учителя нескольких поколений инженеров. Особенно тяжела эта утрата для нашей станции, которая неизменно пользовалась его вниманием и постоянной поддержкой. Последние минуты его жизни связаны с именем Шатуры. Выражаем свое глубокое соболезнование семье почившего, МОГЭС'у и всем знавшим и работавшим с Робертом Эдуардовичем. Светлая память и авторитет на долгие годы останутся в сердцах русских инженеров.

Коллектив инженеров и техников
Ш.Г.Э.С. им В.И. Ульянова-Ленина

Из Каширы

От имени И.Т.С. и от себя лично выражаю глубокое соболезнование по поводу безвременной кончины талантливого электротехника Роберт Эдуардовича Классон.

Председатель И.Т.С. ВЕТЧИНКИН

Из Каширы

Каширская Г.Э.С. глубоко соболезнует и разделяет Вашу скорбь о смерти выдающегося Вашего сотрудника и талантливого строителя инж. Роберта Эдуардовича Классон.

Председатель Местрайкома МИШИН

Классон Садовники 11 Москва

(Перевод)

Из Лодзи

Выражаем глубочайшее участие любимой семье и друзьям, вспоминая с любовью о дорогом безвременно почившем друге Роберте Классон.

Семья Ульман*

Г-же Классон Садовники 11 Москва

(Перевод)

Из Берлина

Глубоко потрясенные известием о кончине Вашего супруга нашего высокопочитаемого и верного сотоварища выражаем Вам и Вашей семье наше сердечное сочувствие.

Брейль Брюниг

Кирпичникову Садовники 11 Москва

Из Альборга

Печальное известие меня глубоко потрясло. Прошу выразить мое глубочайшее сочувствие г-же Классон и детям.

Зауэр

Садовники 11 Кате Классон Москва

Из Берлина

Глубоко потрясены Вашим горем.

Антонина Старкова Глеб Татя

* Эта и другие телеграммы от бывших коллег Р.Э. Классона, ставших эмигрантами, в публикацию 1926 года не попали. Приведены по текстам, хранящимся вместе с изданием «Памяти Р.Э. Классона» в семье Гардениных. – Примеч. М.И. Классона

Москва Садовники
Евгении Николаевне Классон
Из Ленинграда

Узнали о кончине дорогого Роберта Эдуардовича с глубокой грустью. Скорбим об ужасной потере. Просим Вас и семью принять наше самое сердечное соболезнование.

Хахулины

Москва Раушская наб.
Семье Классон
Из Иваново-Вознесенска

Пораженные неожиданностью тяжелой потери глубоко скорбим и разделяем с Вами неутешное горе. Старые товарищи его МАТИСЕН БОРЖМАН

МОГЭС Ловину Москва
Из Берлина

Просим распорядиться возложить на гроб Роберта Эдуардовича венок от преданных друзей Кревера и Фенькэви.

ПЕЧАТЬ О РОБЕРТЕ ЭДУАРДОВИЧЕ КЛАССОНЕ

Газета «Правда» от 12/II-1926 г., №35

Вчера на заседании в ВСНХ от разрыва сердца умер крупнейший работник в области электротехники инженер-технолог Роберт Эдуардович Классон.

Р.Э. больше 30 лет работал в области электротехники. Вся история развития электротехники сильных токов, строительства крупнейших электрических станций связана с его жизнью. Первая в России установка трехфазного тока на Охтенских пороховых заводах была осуществлена Р.Э. Он является строителем крупнейших электрических станций России: 1-ой московской электростанции, двух бакинских электростанций. В 1912 г. им построена станция «Электропередача», где впервые было применено высокое напряжение в 30 000 и 70 000 вольт. Выстроенная ныне Шатурская электрическая станция является также осуществлением идеи, задуманной Р.Э. еще в 1915 г., когда он сам лично выбрал для нее место.

Кроме этого, Р.Э. дал стране новый способ добычи торфа – гидроторф, вследствие чего СССР в области добычи торфа является страной, идущей впереди всех остальных промышленных стран.

Последние свои годы Р.Э. в связи с вопросом о механизации занялся также и вопросом об искусственном обезвоживании торфа. По его идее был построен на «Электропередаче» первый опытный завод по обезвоживанию. В деле осуществления гидроторфа и постройки завода в значительной степени способствовал В.И. Ленин, который все время интересовался работами Р.Э. в этой области и следил за ними.

В лице Р.Э. мы теряем человека, обладавшего крупнейшим умом и исключительным техническим чутьем, живо интересовавшегося и откликавшегося до последних своих дней на все технические вопросы. Он всегда стремился лучшие идеи европейских технических умов претворять в жизнь в той широкой отрасли народного хозяйства – крупных электрических станциях, где так блестяще развернулась и прошла вся его деятельность.

Р.Э. был не только учителем в области техники, но и в области общественности.

В студенческие годы он вместе с будущими крупнейшими вождями нашей революции, а именно с В.И. Лениным, Н.К. Крупской и другими, работал в первом марксистском кружке.

В последующие годы во время царизма Р.Э. поддерживал активных революционных работников и давал им возможность работать в подведомственных ему предприятиях, чем неоднократно навлек на себя ряд крупных неприятностей как со стороны представителей капитала, так и представителей царской власти.

Отношения Р.Э. к рабочим отличались необычайной теплотой и чуткостью. Результатом таких взаимоотношений явилось то чувство искреннего уважения рабочих масс к Роберту Эдуардовичу, которое красной нитью проходило до конца его жизни во весь революционный период.

Р.Э. скончался на 58-м году, полный сил и энергии, с большим запасом еще неосуществленных идей и планов.

Утрата громадна и незаменима.

ПРАВЛЕНИЕ МОГЭС

[Известия ЦИК Союза С.С.Р., 12 февраля 1926 г.*

Р.Э. КЛАССОН

Умер Роберт Эдуардович Классон. Роберт Эдуардович был техником с головы до ног, и вся деятельность его была озарена неослабевающим устремлением вперед: он на своей дороге шел в ногу с движением революции, и недаром его так ценил и поддерживал в работе тов. Ленин.

В студенческие годы Роберт Эдуардович вместе с В.И. Лениным, Н.К. Крупской и др. работал в первом марксистском кружке.

Едва лишь сойдя со школьной скамьи в петербургском технологическом институте (1891 год) Роберт Эдуардович твердо избрал себе совершенно новую еще тогда для России дорогу более мощных электросиловых установок и после кратковременного усовершенствования за границей явился одним из первых пионеров электрификации, идейным и фактическим вождем в этой отрасли техники.

Им построены все главнейшие русские электрические станции: в Баку, Москве, «Электропередача», под его же руководством построена и самая старая ленинградская станция.

Выстроенная ныне Шатурская электрическая станция является так же осуществлением идеи, задуманной Робертом Эдуардовичем еще в 1915 г., когда он сам лично выбрал для нее место, на котором она в настоящее время и построена.

Именно Классон является творцом идеи электросиловых установок на торфу – идеи, весь блеск которой далеко еще не исчерпан наличными достижениями.

Ему же принадлежит честь открытия похода за завоевание новой торфяной техники, и им совершены здесь поистине боевые подвиги, потребовавшие изумительной энергии, настойчивости и умения.

Отношения Р.Э. к рабочим отличались необычайной теплотой и чуткостью.

Р.Э. скончался на 58-м году полный сил и энергии, с большим запасом неосуществленных идей и планов.

Прощай, товарищ! Молодые пойдут по твоему пути!

Г. Красин]

Торгово-Промышленная Газета от 12/II-1926 г., №35

КОНЧИНА Р.Э. КЛАССОНА

Вчера, 11 февраля, на заседании в ВСНХ от разрыва сердца умер крупнейший работник в области электротехники инженер-технолог Роберт Эдуардович Классон.

* Публикация в сборник МОГЭС не попала.

Роберт Эдуардович больше 30-ти лет работал в области электротехники. Вся история развития электротехники сильных токов, строительства крупнейших электрических станций связана с его жизнью. Первая в России установка трехфазного тока на Охтенских пороховых заводах была осуществлена Робертом Эдуардовичем.

Он является строителем крупнейших электрических станций России: в 1896-97 г. им была построена 1-ая Московская электрическая станция; в 1900-1901 г. он построил две Бакинских электрических станции, где впервые в России было применено высокое напряжение в 20 000 вольт; в 1912 г. им построена станция «Электропередача», где так же впервые было применено высокое напряжение в 30 000 и 70 000 вольт. Выстроенная ныне Шатурская электрическая станция является так же осуществлением идеи, задуманной Робертом Эдуардовичем еще в 1915 г., когда он сам лично выбрал для нее место, на котором она в настоящее время и построена.

Будучи директором первой торфяной районной электрической станции «Электропередача» Роберт Эдуардович вплотную столкнулся с недостатками обычного способа добычи торфа и в 1914 г. поставил перед собой задачу о механизации выработки торфа. Упорной работой в течение 10-ти лет Роберт Эдуардович блестяще осуществил поставленную задачу и дал стране новый способ добычи торфа – Гидроторф, вследствие чего СССР в области добычи торфа является страной, идущей впереди всех остальных промышленных стран.

Последние свои годы Роберт Эдуардович, в связи с вопросом о механизации, занялся также и вопросом об искусственном обезвоживании торфа. По его идее был построен на «Электропередаче» опытный завод по обезвоживанию торфа. Внезапная смерть не дала возможности довести до конца поставленную им задачу. В деле осуществления Гидроторфа и постройки завода ему в значительной степени способствовал Владимир Ильич Ленин, который все время интересовался и следил за работами Роберта Эдуардовича в этой области и очень высоко ставил Роберта Эдуардовича как человека и как технического работника.

Роберт Эдуардович, являясь крупнейшим электротехником СССР, почти без перерыва в течение 30-ти лет был директором 1-ой Московской электрической станции, а с момента образования Правления МОГЭС – неизменным членом Правления МОГЭС.

В лице Роберта Эдуардовича мы теряем человека, обладавшего крупнейшим умом и исключительным техническим чутьем, как в пределах СССР, так и в Западной Европе и Америке, живо интересовавшегося и откликавшегося до последних своих дней на все технические вопросы.

В студенческие годы он вместе с будущими крупнейшими вождями нашей революции, а именно с В.И. Лениным, Н.К. Крупской и другими, работал в первом марксистском кружке. Обладая необычайно чуткой и отзывчивой душой, он особенно болезненно реагировал на все, мешающее плодотворной работе, что, конечно, не могло не отразиться на быстром развитии недуга, которым он страдал в течение многих лет (грудная жаба).

Роберт Эдуардович скончался на 58-м году, полный сил и энергии, с большим запасом еще неосуществленных идей и планов.

В лице Р.Э. Классона редакция «Торг.-Пром. Газ.» потеряла очень авторитетного и ценного сотрудника.

Ряд статей покойного по различным вопросам был помещен на страницах нашей газеты. Тов. Классон первый выступил в «Т.-Пр. Г.» с детальной критикой Днепростроя. Ини-

циатива Р.Э. Классона вызвала обращение тов. Троцкого ко всем хозяйственникам с призывом к дальнейшему освещению вопроса о Днепрострое.

Помещенные в нашей газете статьи проф. Александрова, Николаи, Бернштейна-Когана, инж. Эйсмана, М. Ломова, Могилко, Гулыго, наконец, дискуссия в Деловом клубе – явились откликом на почин тов. Классона.

После своей поездки за границу тов. Классон поместил в «Торг.-Пром. Газете» статью о массовом производстве, практически ставящую вопрос о принципах реорганизации промышленности в целях понижения себестоимости продукции.

Газета «Правда» от 13/II-1926 г., №36

ПАМЯТИ Р.Э. КЛАССОНА

В лице Р.Э. Классона мы потеряли одного из крупнейших и наиболее опытных наших техников. Но сказать так, это сказать слишком мало. Р.Э. Классон принадлежал всем своим существом к тому поколению [18]90-х годов, с которым так тесно связаны громадные сдвиги нашей общественности, реализуемые в наше бурное время. От первого марксистского кружка, от личного знакомства с Плехановым и «Группой Освобождения Труда» до Красной Москвы нынешних дней, за все эти длинные годы неугомонное сердце этого человека билось с горячечной энергией, неустанно форсируя и напрягая его недюжинные силы. От прямого участия в политике он быстро отошел – в нем слишком преобладала громадная жажда непосредственного положительного творчества. Это был, прежде всего, пламенный рыцарь техники и тех ее величавых возможностей, которые связаны с новейшими достижениями в области энергетики.

Электрические станции Ленинграда, Москвы, Баку и первая районная электрическая станция «Электропередача» всегда будут чтить в лице Классона своего основоположника. Энциклопедически образованный, знающий все европейские языки, Роберт Эдуардович Классон все время шел рука об руку с последними достижениями мировой техники, проявляя великолепное чутье и страстный вкус к новаторству. Нужно было видеть Р.Э. Классона в моменты осуществления таких находок техники, которые приходились ему по вкусу. С бурной энергией устремлялся он тогда в сторону реализации своих идей, беспощадно сокрушая все препятствия. В таких случаях он действовал как истинный революционер, не боялся ошибок и шел на крайний риск для торжества излюбленной идеи.

Его работы по усовершенствованию техники торфодобычания навсегда останутся в памяти у тех, кто имел возможность наблюдать его в этом «торфяном действии». Вспоминаю, как многократно мы с ним доходили до полного истощения сил в наших «походах» по бесконечным торфяным болотам «Электропередачи». Сколько здесь было ошибок, затрат лишней энергии, но как ничтожны все эти ошибки по сравнению с положительными завоеваниями, прямым результатом его романтически-отважного торфяного новаторства! В настоящее время крылом так называемого метода гидроторфа мы далеко опередили наших западных учителей, и этим мы больше всего обязаны Р.Э. Классону. А сколько горечи пришлось пережить этому человеку на путях проведения в жизнь гидроторфа...

Первая районная станция на торфу – «Электропередача». Среди глухих торфяников, в лесных чащобах был построен целый город, и стала неустанно работать из года в год многотысячная армия трудящихся, работать с совершенно новыми приемами, великолепно поддерживая за свои 75 верст работу всей московской промышленности. Без преувеличения можно сказать, что именно эта станция спасла Красную Москву в годы громадного топливного кризиса от повального погашения и окончательной приостановки механических приводов на ее главнейших фабриках и заводах. А как трудно было отстаивать тому же Классону в кабинетах берлинских заправил необходимые ассигнования для этого первого в России опыта в предвоенных условиях. Нужна была именно его пламенная энергия,

его не знающая ограничений романтическая вера в конечное торжество технических достижений, чтобы провести это трудное дело.

Но с Р.Э. Классоном ушел от нас не только крупный техник-строитель и романтический рыцарь великой техники XX века. Ушел благородный, по всему своему душевному складу, человек. Западник в лучшем смысле этого слова, прекрасный товарищ и непревзойденный по своему остроумию собеседник. Блестящая, тонкая, разносторонне красивая натура. Вот уж поистине был человек, своим личным образом свидетельствовавший, как важно, как полезно для всей общественности, чтобы побольше было людей с таким неутомимо горячим сердцем. Умер еще не старым человеком. Умер красиво, на посту, после речи, по обыкновению, страстной, уверенной, убежденной. Готова ли красная смена?

Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ

У гроба скончавшегося Р.Э. Классона организовано почетное дежурство. Вчера, с 2-х часов дня, к гробу с телом умершего был открыт доступ. В квартире перебивали товарищи по работе, много рабочих с электрических станций и подстанций.

Получено много телеграмм с выражением соболезнования. Тов. Л.Д. Троцкий в своей телеграмме говорит: «Потрясен внезапной смертью Р.Э. Классона, первоклассного инженера, имя которого будет занесено в великую книгу советского строительства». Имеются телеграммы из-за границы.

14 февраля в клубе МОГЭС состоится заседание, посвященное памяти Р.Э. Классона. На этом же заседании намечено обсудить вопрос о форме увековечения памяти умершего. Похороны состоятся на кладбище Новодевичьего монастыря.

Рабочая Газета от 14/II-1926 г., №37

ИНЖЕНЕР КЛАССОН*

Мы твердо решили осуществлять электрификацию СССР. Для этого дела потребуются самые крупные работники, имеющие крупную теоретическую подготовку, богатую практику в строительстве и в административном руководстве мощными электростанциями. Таких людей у нас мало. И смерть похитила у нас лучшего из лучших – инженера Роберта Эдуардовича Классона.

Вот он умер от разрыва сердца на заседании в ВСНХ по топливу. И к великому огорчению, мы не только потеряли незаменимого практика-электрификатора, но даже мало кто знает размер нашей утраты. Многие ли рабочие, многие ли партийцы знали имя инженера Классона? Увы, немногие. Он был человеком величайшей скромности, сдержанности и благородства в лучшем смысле этого слова. И, может быть, поэтому о его заслугах перед страной так мало говорилось и еще меньше писалось.

Я не достаточно компетентен, чтобы дать полную оценку работы покойного инженера Классона. Но некоторые факты должны стать известными каждому грамотному рабочему. Самые крупные электрические станции, какие только есть в нашей стране, построены под руководством инж. Классона. Московская станция, бакинская, «Электропередача» (Богородск) и др. Первая гигантская станция, работающая на торфяном топливе и передающая энергию на большое расстояние, построена инж. Классоном. Самая мысль о постройке Шатурской станции и выбор для нее места принадлежит инж. Классону (еще в 1915 г.).

Инженер Классон проложил новые пути в добывании торфа. Об этом надо сказать несколько подробнее. В нашей стране торфяного топлива неисчерпаемые запасы. Но добыча торфа всегда имела лишь самые скромные размеры. Торфяное дело – сезонное дело. Всего каких-нибудь 70 дней в году позволяет нам климат добывать и сушить торф. В

* Эта статья попала затем в авторский сборник очерков: Л. Сосновский. Дела и люди. Кн. 3. Люди нашего времени, М, 1927. – Примеч. М.И. Классона

остальное время года добыча приостанавливается. Работа на торфяных болотах – каторжно-трудная и мало производительная. Много ли может сделать человек с лопатой?

Инженер Классон в сотрудничестве с инж. Кирпичниковым блестяще разрешил обе задачи. Его способом – гидравлическим – добыча торфа возможна чуть не круглый год. Его способом устраняется варварский труд, надрывающий силы рабочего, обрекавший его на хронические болезни. Долгие годы упорнейшим трудом искал инж. Классон разрешения этой задачи. Он перепробовал всякие пути, пока остановился окончательно на Гидроторфе.

Сначала лабораторным способом, потом пробными неуклюжими установками и, наконец, в количестве миллионов пудов в год стал давать топливо новый гидравлический способ добычи торфа. Вокруг изобретения Классона закипела борьба. Староверы, скептики и рутинеры вооружились против Гидроторфа. На защиту Гидроторфа поднялся самый сильный защитник – Владимир Ильич Ленин.

– Непременно познакомьтесь с инженером Классоном и возьмитесь защищать Гидроторф, – сказал мне однажды Владимир Ильич. – Приходите завтра в Кремль смотреть киноленту, показывающую работу Гидроторфа. Я познакомлю вас с Классоном. Это – **настоящий человек**.

На завтра мы смотрели поразившую всех нас фильму, а через день мы получили повестку на заседание Совнаркома, где и председателем, и докладчиком о Гидроторфе был сам В.И. И после этого несколько раз напоминал он мне о необходимости защищать Гидроторф, как величайшее завоевание техники, раскрепощающее труд и дающее дешевое обильное топливо для районных электростанций. В.И. требовал от меня составления наиболее популярнейшей брошюры для народа с объяснением важности изобретения Классона. К сожалению, так и не удалось мне написать такую брошюру.

После того я имел удовольствие познакомиться и не раз беседовать с Робертом Эдуардовичем Классоном. Могу сказать, что ни к одному беспартийному специалисту я никогда не испытывал такого уважения, такого почтения. Вернее сказать, в нем я видел не просто специалиста, обладающего большими техническими знаниями. Нет, я в нем видел и глубоко уважал большого **революционера** техники. Именно революционера, пролагающего новые пути, имеющего большой размах строителя, широкий кругозор и закалку общественного деятеля.

Ведь только сейчас стало широко известно, что Р.Э. Классон принимал вместе с В.И. Лениным участие в революционных кружках Петербурга, когда Ленин делал только первые шаги. Классон имел большое и серьезное образование. Не прошло бесследно общение с Лениным и Плехановым.

Я видел Классона в его директорском кабинете, на электростанции, в самые тяжелые годы революции – в 1920 году. Топлива не было, хлеба не было. Промышленность и транспорт замирали. Если бы хоть на один день остановилась электрическая станция, управляемая Классоном, замер бы телеграф, телефон, замолкла бы и радиостанция. Последствия легко себе представить.

Классон внешне неизменно спокойный, сдержанный говорил, однако, с какой-то материнской болью о своем любимом детище – электростанции. Ему больно было смотреть, как опускается работа построенной им станции, такого великолепного механизма. Он с болью говорил мне, что от голода и истощения персонал станции прямо таки не в состоянии стоять у котлов и следить за их работой с такой бдительностью, какая требуется. Он говорил, что и ему трудно требовать повышения внимания у людей, добросовестность которых он испытал за многие годы совместной работы и которые просто физически не могут дать большей работы.

А между тем – случись какой-нибудь взрыв, какая-нибудь катастрофа – ведь это будет ужасным ударом революции! Классон болел душой, видя понижение трудовой дисциплины, но он никогда не брюзжал на рабочих, не жаловался.

Если он на что жаловался, если чем возмущался, так это бумажным потоком, разливом бюрократизма, мешавшим работе. У меня до сих пор хранятся составленные им справки: сколько сил отнимали у него хождения по мытарствам при составлении и утверждении смет, заполнение бесчисленных анкет, переписка по поводу приобретения какой-нибудь метелки для подметания двора.

Классон был революционером труда, истинно творческим человеком. Не случайна его преждевременная кончина **именно от разрыва сердца**. Он слишком больно переживал годы приостановки строительства, годы нарушения нормального хода работ. Он преодолевал всевозможнейшие препятствия в своей творческой работе. Человек менее крупного калибра, пожалуй, бросил бы работу до лучших дней, видя с разных сторон недоброжелательство, вопреки твердой поддержке Ильича. Классон не мог бросить работу. Он был **строитель** в самом высоком значении этого слова.

Как больно потерять такого замечательного работника-электрификатора именно сейчас, когда его творческому размаху начинала соответствовать обстановка грандиозного строительства. Если бы рабочие знали, как тяжела эта утрата, какого преданного соратника мы все потеряли!

Классону не нужно памятников. Построенные им станции, изобретенные им машины для гидроторфа, несущие нам свет, тепло и силу из торфяных болот без применения изнурительного, погубительного труда торфяников-рабочих – вот несравненный памятник творческой личности замечательного инженера-товарища. С глубочайшей скорбью, с искренним уважением к памяти покойного склоним головы над его преждевременной могилой.

Л. СОСНОВСКИЙ

«Правда» от 14/II-1926 г., №37

СТРАНА ТРУДЯЩИХСЯ НЕ ЗАБУДЕТ ЕГО НИКОГДА

«Если бы вопрос о том, чему равно дважды два, затрагивал личные интересы группы людей, то он, вероятно, до сих пор не был бы решен единогласно».

Этот эпиграф написан покойным инженером Робертом Эдуардовичем Классоном на одной из самых замечательных книг нашей эпохи. Книга называется «Гидроторф». В ней он со своими сподвижниками подводит итоги годам своего труда-подвига, одного из многих трудов-подвигов его яркой жизни.

Значение электрификации для коммунизма достаточно осознано нашей страной. Значение для дела электрификации покойного Роберта Эдуардовича, самого выдающегося строителя нашей электрификации, положившего начало новому облику нашей страны, общепризнано. Оно было оценено т. Лениным, всей нашей страной и далеко за ее пределами. Его имя, портреты, бюсты и, может быть, памятники в свое время украсят построенные им наши крупнейшие электростанции, начиная с 1-ой московской. Ушел из жизни один из самых выдающихся мировых инженеров-электротехников.

У его открытого гроба в этих беглых, дрожащих строках я пишу не об этом. Это лучше меня сделают другие. Я хочу отметить то, что было мне ближе, в чем покойный Роберт Эдуардович наиболее ярко отразил нашу эпоху и что Владимир Ильич оценил в нем особенно высоко. Я пишу только о Гидроторфе.

Приведенный мною эпиграф вполне соответствует тому, в каких условиях Гидроторф создавался. В следующем за этим эпиграфом предисловии, подписанным им и инженером Кирпичниковым, он говорит: «Эпиграф, взятый нами для книги, может показаться странным. Описывается история технического совершенствования торфодобыывания и замена ручного труда механическим». Но он не странен. Убедить всех в том, что дважды два четыре было всегда самой трудной задачей.

Покойный Роберт Эдуардович один из первых понял, что дело электрификации нашей страны, зависящее в первую очередь от дешевого, легко добываемого топлива, связано теснейшим образом с нашими лежащими на поверхности неисчерпаемыми, все возрастающими торфяными богатствами.

Добыча торфа производится в сезон горячего лета и продолжается 40-70 дней в году. Эти дни торфяные болота кишат людьми. Нет работы трудней, нет работы мучительней. Рабочих торфяников всегда не хватает. Смотреть на них жутко. Немногих дней работы достаточно, чтобы вызвать ужасающие последствия: колтун в волосах, язвы на разъеденных болотом ногах, лица, опухшие от целой тучи разного летающего гнуса, ревматическая ломота во всех суставах. Тело горит и быстро истощается от болотной лихорадки, руки немеют от переброшенных лопатой многих тысяч пудов. Обессиленные ноги гнутся, упираясь в лопату. Эту лопату нет возможности в достаточной мере заменить механической, потому что болото все полно пней – от сгнивших в продолжение тысячелетий деревьев. Их корнями сплетено все болото. Каждый пень необходимо окапывать, и сотни людей стонут старую русскую песню «Дубинушку», ухают, надрываясь, и тянут из болота далеко разветвленные пни.

Роберт Эдуардович и его сподвижники заменили эту картину другой. Мощная струя воды, которую может направить без малейшего напряжения подросток, размывает болото. Жидкий торф, или гидроторф, выкачивается особым насосом и разливается тонким слоем по подготовленному полю. Вода уходит в землю. Торф быстро сохнет и потом механически режется и складывается. Пни сами собой всплывают в жидкой массе гидроторфа и потом вылавливаются и извлекаются из болота электрическим легким краном.

Путь великого человека, заменившего первую описанную форму человеческого труда второй, весь состоит из упорного труда над непрерывным коллективным совершенствованием необходимых для Гидроторфа машин и доведением их до совершенства. Это изобретение не является одной из тех счастливых мыслей, осуществление которых происходит уже само собой. Кроме таких мыслей оно состоит из огромных трудностей технического выполнения и из преодоления тяжелых условий периода революционной борьбы на фронтах, когда приходилось делать целые машины ручным способом, делать их из дерева, потому что не было железа. Оно состоит из еще более тяжелого преодоления не только хулы и издевательств, но и прямого противодействия людей, которым чужды и непонятны новые идеи и новые приемы.

В деле добычи торфа Роберт Эдуардович проложил новые мировые пути. Это было его самым любимым делом. В это дело он вложил всю свою энергию и все свое дарование, в этом деле ему пришлось вынести все, что выпадает на долю всякому новатору, и именно этот почетное место в истории труда и трудящихся останется за ним в истории нашей эпохи.

Один вечер 20-го года навсегда остался ярким в моей памяти. Владимир Ильич хотел посмотреть Гидроторф, но никак не мог найти время, чтобы съездить на «Электропередачу», и работа по добыче, снятая на киноленту, была ему показана в Кремле.

В Круглом зале, в котором в тот период происходили наши партийные съезды и впечатлевалась история эпохи, собрались приглашенные, по желанию Владимира Ильича, выдающиеся специалисты, активные партийные товарищи, известные ученые и литераторы. На экране проходил новый способ добычи торфа, новая форма труда. В зале присутствовали и враги, не понявшие, что оценка человеческой жизни копейками умирает, что это вещи, сравнимые только для буржуазии. Все разговаривали, все перебрасывались замечаниями, почти все выражали свой восторг. В одной группе Максим Горький говорил о том, что ничего более интересного он не видел.

Роберт Эдуардович и Владимир Ильич стояли рядом и смотрели на полотно. В этот вечер оба были, несомненно, счастливы в самом простом смысле этого слова. Об этом говорили их лица. Оба они закладывали фундамент нового мира, и всем вокруг них в это тяжелое героическое время было ясно, что мы наш, мы новый мир построим.

Освещение лиц кинематографическим светом, картина старого и нового торфодобычания, рабочий-торфяник на экране и рабочий у власти, стоящие рядом, слившиеся в один аккорд активного единодушия Роберт Эдуардович и Владимир Ильич, а вокруг них лучшие люди эпохи, одухотворенные первой жадой хозяйственного строительства, но еще не снявшие рваные боевые шинели, эта картина заслуживает того, чтобы художник этого великого периода нашей революции запечатлел ее на полотне и навсегда украсил таким полотном стены Круглого зала.

Одно поручение Владимира Ильича я окончательно выполняю этой статьей только сейчас у его гроба. Когда мы в тот вечер спускались с лестницы, он сказал мне: «Помогайте ему, чем сможете».

Роберт Эдуардович больше ни в чьей помощи не нуждается. Смерть застала его на посту. Он умер, как жил. Но живет дело Владимира Ильича, и живут его заветы. Осталось подписанное Владимиром Ильичом постановление Совета Труда и Оборона, обязующее довести дело Гидроторфа до конца. Это один из его заветов нам всем.

Покойный Роберт Эдуардович оставил нам свои живые работы. Завод по обезвоживанию гидроторфа, который должен заменить сушку солнцем, еще не закончен. В его светлой голове зрели планы добычи торфа в продолжение всего года и изготовления вместо брикетов торфяной пыли, которая по своим свойствам может в некоторых отношениях сравниться с бензином. Он бы еще многое сделал, преодолевая препятствия и добывая средства на опыты, из которых удаются лишь немногие, все окупающие.

Наша задача чтить его память, чтя дело его жизни. Мы можем и мы должны довести его дело до конца.

Покойному Роберту Эдуардовичу выпало на долю великое счастье. Он жил и творил в стране, завоеванной трудящимися у буржуазии, в прекрасную эпоху, когда перед инженером открывается невиданный простор для творчества, открываются невиданные никогда и нигде дали, открывается прокладываемая для новой техники, уже не укладываемой в габарит буржуазного строя, новая дорога к соответствующей новой технике, новой хозяйственной форме – коммунизму. Покойный Роберт Эдуардович навсегда останется в нашей памяти, как сподвижник Владимира Ильича, как творец, как новатор, как близкий и дорогой рабочему классу наш товарищ и друг.

Я. ШАТУНОВСКИЙ

ПАМЯТИ Р.Э. КЛАССОНА

Сегодня хоронят Роберта Эдуардовича Классона... Из рядов борцов за промышленный и технический прогресс Советского Союза вырвана крупнейшая, невознаградимая жертва. В лице Р.Э. Классона сошел с жизненной сцены деятель чрезвычайно редкого еще в наших условиях типа и масштаба: подлинный строитель, не знавший иного пафоса, кроме пафоса созидания и рабочих будней, техник широкого творческого горизонта. Жизненный актив Р.Э. Классона громаден, его дело жизни поистине монументально. Такие памятники, как ряд построенных им мощнейших электростанций СССР, наилучшим образом увековечивают его память.

Характерно для личности и творческого закала Р.Э. Классона, что в годы революционных бурь, разрушительной стихии его созидательный инстинкт не только не угас, но еще более развернулся. Р.Э. Классон был одним из самых активных борцов с хозяйственной разрухой периода гражданской войны. Его имя тесно связано с борьбой с самым жестоким врагом революции, воевавшим против нее с неменьшим успехом, чем голод, – топливным кризисом. Отчасти, эта борьба определила то дело, которому отдал Р.Э. Классон последние годы своей жизни и в котором особенно плодотворно развернулась его творческая мысль, – область так назыв. Гидроторфа.

В самом начале его жизненного пути судьба столкнула Р.Э. Классона с ленинским кружком, к которому он близко стоял и собрания которого происходили у него на квартире. Затем Р.Э. Классон, увлеченный положительной творческой работой, несколько отошел от политики. Линии их разошлись, но ненадолго, и вновь пересеклись на путях Октябрьской революции. Когда ленинским кружком стала вся революционная Россия, Р.Э. Классон, один из первых среди технической интеллигенции, понес ей свои знания и творческую энергию.

В своей служебной автобиографии, хранящейся в делах МОГЭС, Р.Э. Классон, этот один из первых строителей электрификации России, с отличающей его скромностью писал: «Занимаю самое подходящее для себя место». Пожалуй, это так. Это был настоящий человек на настоящем месте.

ПОХОРОНЫ Р.Э. КЛАССОНА

Сегодня, в 10 час. утра, состоится вынос тела скончавшегося 11 февраля Р.Э. Классона. Покойный будет похоронен на кладбище Ново-Девичьего монастыря.

За последние 2 дня у гроба Р.Э. Классона перебивало много сослуживцев покойного, отдельных работников в области электрификации, рабочих электростанций и др. У гроба был организован почетный караул.

МОГЭС получено большое число телеграмм с выражением соболезнования из различных районов СССР от научно-технических и профессиональных организаций, советских учреждений, электростроительств и отдельных лиц, а также из-за границы.

От Л.Д. Троцкого получена следующая телеграмма: «Потрясен внезапной смертью Роберта Эдуардовича Классон, первоклассного инженера, имя которого будет записано в великой книге Советского строительства».

Л.Б. Красиным прислана на имя Правления МОГЭС телеграмма следующего содержания: «Передайте товарищам – рабочим и служащим МОГЭС'а мое горестное соболезнование по поводу кончины Роберта Эдуардовича Классона, первого русского электротехника, учителя нескольких поколений практиков, неутомимого искателя все новых путей подъема и совершенствования станционного хозяйства и строительства. История электрификации России занесет славное имя Классона на свои страницы».

Сегодня вечером в клубе МОГЭС состоится траурное заседание, посвященное памяти покойного. Создана комиссия по увековечению памяти Р.Э. Классона.

«Экономическая Жизнь» от 16/II-1926 г., №38

ПОХОРОНЫ Р.Э. КЛАССОНА

В воскресенье, 14 февраля, на кладбище Новодевичьего монастыря состоялись похороны Р.Э. Классона.

При выносе тела из квартиры покойного присутствовали представители Госплана и ВСНХ (Г.М. Кржижановский и И.И. Радченко), работники Главэлектро, МОГЭС, московских электростанций, а также рабочие организации и члены ВАИ* с траурными стягами. Траурная процессия направилась на кладбище через Красную площадь, где около мавзолея В.И. Ленина была сделана краткая остановка. Перед мавзолеем были склонены знамена и стяги, оркестр исполнил похоронный марш.

Похоронная процессия растянулась более, чем на версту.

На кладбище, у свежей могилы, были произнесены речи, посвященные памяти покойного. Говорившие характеризовали основные черты выдающейся личности Р.Э. Классона – его неутомимую энергию, организационный талант, отзывчивость и товарищеское отношение к своим сотрудникам – рабочим и служащим.

С прочувствованной речью выступил рабочий Шатурской электростанции, который сталкивался с Р.Э. еще в годы царизма. Р.Э. Классон в те годы весьма сочувственно относился к революционерам и, как директор крупнейших электростанций, имел возможность устраивать многих из них на службу. Прочувствованную речь произнес ближайший сотрудник Р.Э. по работе в МОГЭС, инж. В.И. Яновицкий.

От имени Главэлектро говорил инж. Кукель-Краевский. Проф. М.К. Поливанов, выступавший от имени ассоциации инженеров, говорил, что ВАИ в ближайшем времени устроит заседание, посвященное памяти Р.Э. Далее следуют речи друзей и сослуживцев покойного.

Собравшиеся долго не расходились с кладбища.

--oo0oo--

ТРАУРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ Р.Э. КЛАССОНА

В тот же день вечером в клубе МОГЭС состоялось траурное заседание памяти Р.Э. Классона.

Собравшиеся почтили память покойного вставанием, после чего представитель МОГЭС К.П. Ловин выступил с речью, в которой подчеркнул ту тяжелую утрату, которую понесла наша электрификация и в частности МОГЭС в лице Р.Э. Классона. Тов. Ловин огласил ряд телеграмм, полученных от различных организаций СССР и из-за границы по поводу кончины Р.Э. Как советские организации, так и ряд заграничных учреждений и фирм, выражая семье покойного и МОГЭС свое соболезнование, указывают, что со смертью Р.Э. Классона русская электротехника понесла невоснаградимую потерю. Была оглашена также переписка между В.И. Лениным и покойным, из которой видно, что В.И. Ленин придавал огромное значение работам Классона как в области электрификации, так и в области рационализации торфодобычи.

Затем с кратким словом, посвященным памяти Классона, выступила Н.К. Крупская, поделившаяся своими воспоминаниями о давних годах знакомства с покойным.

* ВАИ – Всероссийская Ассоциация Инженеров.

Г.М. Кржижановский, характеризую личность покойного Р.Э. Классона, отметил, между прочим, что Р.Э. Классона отличала наряду с кипучей энергией огромная вера в будущее электрификации. Свою горячую убежденность Р.Э. умел передать другим. Характерно отметить, что заграничные фирмы, которые с крайней осторожностью относились к многим проектам сооружения районных электростанций, под влиянием Р.Э. Классона иногда пересматривали свои решения. Так, например, проект постройки «Электропередачи» – первой районной торфяной станции в России, к которому заграничные электротехнические фирмы сначала относились с некоторым скептицизмом, был затем осуществлен в значительной доле за счет заграничного кредита.

Далее следуют две убогие публикации газеты «Волховской труженик»

DEUTSCHE ALLGEMEINE ZEITUNG (14 März 1926)
RUSSLANDS BEDEUTENDSTER ELEKTROTECHNIKER
Zum Tode von R.E. Klasson

Im vergangenen Monat ist mitten in der Arbeit der hervorragendste Elektro-Ingenieur der Union Sozialistischer Sowjetrepubliken, Direktor Robert Klasson, im die 58 Lebensjahre durch Herzschlag verstorben.

Klasson war nicht nur in Russland, sondern auch im Auslande eine der angesehensten technischen Persönlichkeiten, und seine technischen und wissenschaftlichen Arbeiten haben internationale Bedeutung. Noch als junger Ingenieur hat Klasson als Sekretär von Lendley bei der Organisation der ersten elektrotechnischen Ausstellung in Frankfurt a.M. im Jahre 1890 mitgewirkt. Seitdem widmete er sich vollständig der Entwicklung der Elektrotechnik in Russland, und er war der Erbauer der größten und bis heute bedeutendsten Elektrizitätswerke Russlands.

Klasson hat die erste Drehstromanlage in Russland in der Fabrik Ochtenska errichtet. Im Jahre 1896/97 hat er das große Elektrizitätswerk in Moskau (Gesellschaft für Licht und Kraft vom Jahre 1886) erbaut. Dieses Elektrizitätswerk ist bis heute die Hauptstütze der Elektrizitätsversorgung Moskaus und hat eine Maschinenleistung von 66 000 Kilowatt. Im Jahre 1900/01 hat er die zwei Bakuer Elektrizitätswerke erbaut, wo er als erster die Hochspannung von den 20 000 Volt in Russland eingeführt hat.

Im Jahre 1912 erbaute Klasson das bis zum letzten Jahre größte Torfkraftwerk der Welt in Bogorodsk. Dieses Werk hat heute eine Maschinenleistung von 36 000 Kilowatt und verwendet als Brennstoff ausschließlich Torf. Hier wurden erstmals in Russland die Spannungen von 30 000 und 70 000 Volt angewandt. Nach dem Hydrotorfverfahren Klassons wird auch in Deutschland auf dem Schwane Bürger Moor Torf gewonnen. Die nächstliegenden Pläne, deren Verwirklichung der Tod leider verhinderte, lagen darin, dass die Abwärme der Torfüberlandzentrale für die Torfentwässerungszwecke vollständig ausgenutzt werden sollte, wodurch diese Art Überlandzentralen eine in der Wärmewirtschaft bis jetzt noch unerreichte Wirtschaftlichkeit des Dampfturbinenbetriebes erlangen sollte.

Klasson hat außer seinen umfangreichen technischen Arbeiten auch eine entscheidende Rolle gespielt in den allgemeinen Elektrizitäts- und Brennstoffwirtschaftsfragen Russlands. Er war derjenige, der im Jahre 1915 das Projekt der heute bereits bestehenden und modernsten Überlandzentrale Schatura erdacht hatte.

In Robert Klasson verliert die Sowjetrepublik ihren bedeutendsten Elektrotechniker, einen der begabtesten und erfolgreichsten Erfinder, der durch seine unermüdlichen Arbeiten und wirtschaftliches Wirken als Mensch und Ingenieur für Russland und die übrige Welt schwer ersetzlich ist.

DEUTSCHE ALLGEMEINE ZEITUNG (17 März 1926)

Am 11 Februar ist der bedeutende, auch in Deutschland sehr angesehene russische Ingenieur Dir. Dipl. Ing. Robert Klasson gestorben. Er hat seit den neunziger Jahren die größten Elektrizitätswerke Russlands geschaffen, u.a. Moskau, Baku, Schatura. Seine Hauptarbeit in den letzten Jahrzehnten lag indessen auf dem Gebiete der Torfverwertung für den Betrieb von Wärmekraftwerken. In dem bedeutenden Torfkraftwerk Bogorodsk wurde zum erstenmal das von ihm unter der Bezeichnung „Hydrotorf“ ausgebildete Verfahren angewandt, bei dem der Torf mittel Abspritzens gewonnen und der Torfbrei durch Rohrleitungen auf die Trockenfelder gepumpt wird. Klasson hat hierüber ausführlich in der VDI-Zeitschrift Heft 23 vom 7 Juni 1924 berichtet. Zuletzt arbeitete Klasson an der Vervollkommnung der Verfahren zur raschen mechanischen Torfentwässerung und Herstellung von Torfpresslingen sowie an der Verbesserung der Abwärmeausnutzung von Torfkraftwerken für das Entwässerungsverfahren. Es soll ihm gelungen sein, schon in 1½ Stunden aus dem frischen Torfbrei in ununterbrochenem Arbeitsvorgang Torfpresslinge herzustellen.

K.M.

ВОСПОМИНАНИЯ О Р.Э. КЛАССОНЕ

[Журнал «Электричество», №4, 1926 г. – «Инженер Р.Э. Классон»*]

ПАМЯТИ КЛАССОНА

Скончался Роберт Эдуардович Классон. Наш Союз теряет в нем одного из наиболее блестящих и способных инженеров, первого по стажу русского электротехника, бесменного в течение 35-ти лет организатора, строителя и руководителя крупнейших, бывших образцовыми при постройке и остающихся таковыми еще и по сей час, центральных электрических станций. В этой последней области Классон не имел у нас себе равных, да я не думаю, чтобы и за границей у него было много соперников.

Мы плохо знаем наших замечательных деятелей, особенно когда сами они не ищут популярности, мало склонны к открытым выступлениям и не слишком часто выступают в литературе. В силу этого и Классон, известный, конечно, всякому мало-мальски грамотному советскому электротехнику и пользовавшийся большим авторитетом за границей, особенно в Германии, остается еще неизвестным широким массам, тем самым, которые сейчас все более и более берут на себя руководство как государственной машиной, так и хозяйственной жизнью страны.

А между тем, именно трудящиеся массы Союза должны знать жизненный путь людей, которые, подобно Классону, сумели выбиться до самых вершин современного научного и технического знания и в практической работе осуществили высший опыт не только нашей, но и западно-европейской и американской техники.

Окончательное укрепление Советского Государства и победа, в борьбе за осуществление полного социализма-коммунизма, зависит главнейшим и первейшим образом от того, сумеет ли рабочий класс Советского Союза, взявший в свои руки управление Государством и ведущий за собой крестьянство, сможет ли он в сравнительно короткий срок перестроить и вновь организовать такую мощную, такую совершенную промышленность и с индустриализацией наибольшего числа отраслей промышленной работы, при которой наш советский рабочий, а поскольку дело пойдет и о механизации земледелия, и наш советский крестьянин, сможет производить промышленные изделия, машины, инструменты и сельхозпродукты с издержками и затратами производства не большими, а меньшими, чем рабочий Западной Европы.

* С небольшой, позднейшей правкой И.Р. Классона на полях журнала «Электричество».

Естественных богатств наша страна имеет достаточно. Что касается рабочей силы, то наше промышленное развитие не зависит, как в первое время развитие Северо-Американских Штатов, от притока рабочей силы извне, от иммиграции. Рабочего населения мы имеем сколько угодно, и приток его в города и промышленные центры у нас обеспечен на десятилетия вперед. Мы имеем громадное преимущество над Европой и Америкой в том, что вместо разрозненного частного, основанного на взаимной борьбе и конкуренции, хозяйства мы имеем государственное плановое хозяйство, допускающее построение всей промышленности, транспорта, финансов, торговли по единому стройному плану, исключающему ту растрату сил и народных богатств, которая характеризует капиталистический строй.

В этих условиях главное и самое главное, чего нам не достает, это – знания, выучка, точность в работе и то непреклонное упорство в достижении поставленных целей, которые мы должны привить у себя в С.С.С.Р. всем, начиная от ученика школы или ученика на фабрике и заводе и кончая руководителем цеха, руководителем предприятия, руководителем целой отрасли промышленности.

Таким именно деятелем практическим, соединявшим величайшее упорство в достижении цели, высшую степень умения и знания своего ремесла с самым широким научным образованием и постоянной способностью следить за всеми усовершенствованиями своей родной специальности, таким именно человеком был Классон и таким он остался до последнего удара своего надорванного сердца. На одного Классона дореволюционной эпохи мы должны вырастить, воспитать, выучить много, много тысяч наших красных инженеров, техников и, чтобы быть такими, они должны внимательно знакомиться и изучать жизнь и работу таких блестящих одиночек, какими в нашей жизни, к сожалению, являются еще Классоны. Красные директора, их курсы, клубы, конференции должны поставить своей особой задачей систематическое изучение жизни и работы, проделанной такими нашими инженерами и техниками – администраторами, каким был почивший Классон, и извлечь из их опыта максимум для нашей дальнейшей строительной работы.

С 23-х летнего возраста, окончив Петербургский Технологический Институт, посвящает себя Классон избранной специальности – паровому хозяйству и электротехнике. Интересно отметить, что в годы студенчества Классон был марксистом и стоял даже в прямой связи с теми кружками, к которым присоединился впоследствии Владимир Ильич для того, чтобы образовать из них знаменитый «Союз Борьбы за освобождение рабочего класса». Классон был с тех пор лично знаком с Лениным, и персональная связь не прерывалась почти до смерти Владимира Ильича, который советовался иногда с Классоном по вопросам электрификации и торфяного дела. Классон, впрочем, [почти] сразу по окончании института отошел от всякой политики, и никакие наши попытки привлечения его к нашей работе не достигли цели: он целиком ушел в свою технику, отчасти, может быть, потому что он не доверял своим силам для работы в другой области.

Наша Высшая школа в те времена еще не была готова для преподавания электротехники, и Классону не разрешили сдавать инженерский проект по электротехнике. По окончании Института он получил приглашение техническим секретарем к известному тогда франкфуртскому инженеру Линдлею (построившему впоследствии знаменитый Самурский водопровод в Баку). Стоит упомянуть об этом, потому что в то время, в 1891 году, впервые в Европе и даже во всем мире, на электротехнической выставке во Франкфурте на Майне электротехником Доливо-Добровольским и тем же самым Линдлеем, стоявшим во главе предприятия, была устроена первая передача электрической энергии на значительное расстояние при посредстве трехфазного тока. Классон проделал всю эту работу, как монтер и инженер, и она заложила фундамент его теоретическим и практическим познаниям по электротехнике и паровому хозяйству.

Пребывание за границей поставило Классона в контакт с техническими, промышленными и финансовыми кругами Германии, и в середине девяностых годов мы видим его в Москве и Ленинграде в качестве директора электрического предприятия, которому тогда принадлежали лишь небольшие и устаревшие электрические станции постоянного тока, но которое, по инициативе и по плану Классона, приступило к постройке большой электрической станции, ныне [принадлежащей] МОГЭС, и другой – на Обводном Канале в Ленинграде. Понятие «большой», конечно, относительно: тогда паровые машины в 750-1 000 лошадиных сил казались нам уже гигантами, теперь для Шатуры заказывают машину в 50 000 лш. сил. «Высокое» напряжение московской и петербургской станций было принято в 2 000 вольт, теперешняя передача Шатура-Москва – 110 000 вольт.

История и развитие электрических станций, ныне МОГЭС в Москве, а в значительной степени и петербургской станции связаны с инициативой и работой Классона. Неумоимо изучая все новости парового и электрического хозяйства, следя по первоисточникам за работой всех крупнейших станций Европы и Америки, Классон был первым, чтобы применить самую совершенную систему, поставить последнюю модель той или иной машины. Параллельно, конечно, шло развитие сети, пропаганда нового еще тогда способа передачи энергии и даже освещения, борьба с большими административными и полицейскими трудностями, которые в то время ставились всякому электрическому начинанию.

К концу девяностых годов станции Москвы и Петербурга стали все меньше и меньше интересовать Классона. Он жаловался, что тут уже нет ничего принципиально нового, и, видимо, искал себе новой крупной отрасли работы. К 1900 году таковая была найдена в деле электрификации бакинских нефтяных промыслов. Я не знаю, был ли Классон единственным инициатором этого предприятия, но я знаю, что без его энергии, без того идейного жара, с которым он принялся за пропаганду и разработку этого предприятия, оно еще много и много лет не получило бы осуществления.

Дело в том, что в те времена коммерческая выгода замены пара электричеством в бакинском районе, в особенности при низких ценах на нефть, была более чем сомнительна. Но Классон умел действовать заразительно даже на банкирские деловые круги. Раз его захватывала какая-нибудь идея, коммерческая прибыль для него была всегда на втором плане, и это было, может быть, одним из самых больших его недостатков как инженера. Как бы то ни было, в 1900 году было образовано Акционерное О-во «Электрическая сила», директором которого был назначен Классон и которое немедленно приступило к постройке тех двух электрических станций, в Белом Городе и на Баиловом мысу, которые сейчас принадлежат Азнефти и от которых питается электрической энергией весь район Азнефти и гор. Баку с окрестностями.

К 1905-06 году постройка Бакинской станции, в общем и целом, заканчивается. Главнейшая борьба за электрическую энергию была проведена, и Классона опять потянуло на новую стройку, на новые станции и работы. Он вернулся в Москву, и здесь, по его указаниям, была значительно расширена и перестроена теперешняя станция[, принадлежащая] МОГЭС, повышено напряжение, установлены турбины большой мощности с соответствующими котлами и мощными нефтяными топками.

Однако расширение Московской станции не давало достаточно пищи вечно ищущему уму и кипучей инициативе инженера-практика, который недели не мог сидеть без того, чтобы не думать о какой-нибудь новой и еще более крупной задаче. Внимание Классона начало все более и более склоняться к проблеме использования торфа, как топлива для больших районных электрических станций. Само по себе использование торфа было известно на московских текстильных фабриках уже три десятка лет, и даже имелась торфяная электрическая станция в Орехове-Зуеве, работающая исключительно на торфу.

Но это были все карликовые предприятия, и не об этом думал Классон, когда он устремлял свой взор на большое нефтяное болото близ Богородска в 80-ти верстах от Москвы, где высится и работает сейчас 30 000 сильная станция «Электропередача».

Коммерческая рентабельность торфяной районной станции была, пожалуй, не меньше под знаком вопроса в 1911-12 году чем Бакинская «Электрическая сила» в 1900 г., но такова была сила и убедительность в классоновской пропаганде. Он ухитрился привезти из Берлина немецких капиталистов на залитое в то время еще водой и кишевшее мириадами комаров торфяное болото и на этом самом болоте убедил главных немецко-акционеров в необходимости дать несколько миллионов на постройку «Электропередачи». Впоследствии этим немцам пришлось несколько увеличить число вложенных в это предприятие миллионов: аппетит приходит с едой. С постройкой «Электропередачи» Россия получила наиболее крупную торфяную станцию в мире, а Классон получил здесь широкое поле не только для установки соответствующих котлов, торфяных топок, образцовых турбин и т.д., но и для широких наблюдений над линией высокого напряжения, перенапряжениями, громоотводами и т.д. Быть может, еще важнее было то, что Классону пришлось здесь вплотную подойти к нашей коренной советской, на тысячелетия для нас важной и в значительной степени загадочной и таинственной проблеме торфа.

Классон относился к торфу почти как к некоему сверхъестественному существу, со свойствами которого очень мало знакома и наша, и заграничная техника. Нечего робеть, и Классон у себя на «Электропередаче» и на Московской станции заводит специальные торфяные лаборатории, а при частых посещениях Богородска он, со своей неизменной тросточкой, часами просиживает над торфяными карьерами и канавами, наблюдая, как торф вынимается из земли, как он смешивается с водой, как он течет, как он обволакивает корни погибших и многие тысячелетия похороненных в нем деревьев*.

Проблема торфа состоит из нескольких крупных частей. Первое – это механизация самой добычи. Покуда торф извлекается из карьеров лопатами рязанских или егорьевских мужиков, не может быть речи об «электрификации России на торфу», а между тем по справедливости надо ставить эту задачу практически, ибо запасов торфа мы имеем на тысячелетия. Классон и поставил своей первой задачей механизировать добычу торфа и на место физического усилия человека, прикрепленного к лопате, поставить механическую и электрическую, послушную воле человека силу.

Вторая труднейшая задача торфяной проблемы есть сушка, обезвоживание торфа. До сих пор она производится на вольном воздухе, и потому торфяная кампания продолжается всего около 90 дней в году. Между тем, если бы сделать процесс сушки искусственным, то можно было бы добывать торф в течение 365 дней в году. Вот почему тайна обезвоживания торфа завладевает умом Классона, и часто можно было опасаться за него, видя, с каким громадным мозговым напряжением он занимается всеми этими вопросами.

Что касается механизации добычи торфа, то Классону удалось почти на 100% разрешить эту задачу изобретением ряда остроумнейших машин, соединенных в систему, которые работают сейчас у нас в С.С.С.Р. и отчасти в Германии под именем «Гидроторфа». Надо сказать, что в этом деле Классон имел могущественного союзника, каковым был никто иной, как сам Владимир Ильич.

В области обезвоживания и сушки торфа сделан ряд ценнейших лабораторных и практических наблюдений, и в последнее время с установленными в Богородске машинами Классон уже достиг и в этой области значительных результатов. Внезапная смерть кладет конец работе этого великого и живого ума и этой неисчерпаемой воли и упорства в достижении раз поставленной себе цели.

* Р.Э. на болото с тростью не ходил. – Помета И.Р. Классона на полях журнала «Электричество»

Эту последнюю черту Классона я особенно хотел бы отметить в этой короткой заметке, навеянной горестным известием о его кончине.

Именно нам, при нашей славянской расхлябанности, при нашей склонности довольствоваться, утешаться и подчас самолюбоваться хорошими словами и намерениями, за которыми, к сожалению, слишком быстро наступает разочарование, охлаждение к делу и потеря к нему интереса, нам, в особенности, надо внимательно учиться и переваривать тот громадный и поучительный опыт, который мы имеем в классическом деле классоновской жизни, в борьбе его за Гидроторф. Прежде всего со стороны самой материи.

Для опыта с торфом было всего 90 дней в году, и я, как сейчас, вижу Классона, изъеденного комарами на болоте*, на канавах и карьерах, испытывающего какую-нибудь особую форму решетки для торфа или способа разлива его по болоту или способ формовки торфяных кирпичей. Дальше были громадные затруднения с машинами, с их изготовлением частью за границей, частью в Москве, трудностями перевозки, монтажа и пр. Наконец, затруднения денежного свойства, достаточно значительные как при немецких банкирах, так и при советском режиме, несмотря на неослабную поддержку Ильича. Из года в год в течение, я думаю, 7-8 лет каждый год, отвоевывая шаг за шагом как тайны самой природы и все ближе и ближе подходя к душе торфа, так и преодолевая целый ряд других трудностей, постепенно шаг за шагом, не падая духом от неудач и не обращая большого внимания на насмешки скептиков и недоброжелателей, шел Классон к своей цели и, что касается Гидроторфа, он до нее дошел.

Мы будем верить, что советские инженеры и техники разрешат с еще большим успехом и другую, еще более важную часть проблемы торфа, обезвоживание и его искусственную сушку, над которыми думал и которым посвящал последние свои думы и силы Роберт Эдуардович Классон.

Прощай, дорогой друг. Пусть твой духовный образ борца за высшие достижения техники и за немедленное техническое их приложение к жизни будет путеводным факелом для тех молодых когорт советских инженеров и техников, которые теперь как раз готовятся к вступлению на практическую арену восстановления нашего народного хозяйства на смену нашему поколению!

Л. КРАСИН

[Журнал «Торфяное дело» №2, 1926]

ПАМЯТИ Р.Э. КЛАССОНА

14-го Февраля мы похоронили Роберта Эдуардовича Классона – самого яркого из нашей плеяды инженеров-электриков и учителя нескольких поколений их. Это был не узкий специалист-электрик и не только техник-строитель. Он был ярким сторонником осуществления механизации во всех процессах труда людского, был поэтом железа и стали в применении их как вообще в промышленности, так, особенно, в торфяном деле.

Художественно красивая натура Классона органически не выносила вида человека-торфяника, как приписка к машине, прикованного к ней в своей нечеловечески тяжелой работе, и последние четырнадцать лет своей жизни он посвятил поискам и изобретению способа добычи торфа, делающего человека не рабом, а господином машины. Способа – исключаящего необходимость применения физически изнурительной ручной работы человека. И он нашел его в гидравлическом способе: в удачном сочетании энергии воды и электричества, в использовании ее при добыче торфа с минимальной затратой энергии человека. Новый смелый поворот сделан, новые пути указаны, необходимо довести это дело до конца, до полного завершения, на что потребуется еще не мало коллективного труда и творчества.

* Quatsch (вздор) – помета И.Р. Классона на полях журнала «Электричество»

Торфяная техника у нас дело еще совсем молодое, механизация в нем почти отсутствует, и первое место здесь – в усовершенствовании техники, в изыскании новых путей – принадлежит Р.Э. Классону. Советская власть помогла ему в этом, она дала ему возможность в широком, не только опытном масштабе, осуществлять свои идеи.

И этот пламенный торфист, поэт своего дела, стремительно и дерзко шедший вперед, преодолевая все, часто казавшиеся непреодолимыми материальные препятствия на своем пути – был человеком дела прежде всего, а не восторженно красивых слов. Он был чрезвычайно стойким и упорным в деле Ленинской электрификации страны, и это дело он тесно и неразрывно связывал с развитием у нас торфодобычи. Он был глубоко убежден, что у нас, при особенностях наших природных условий, широкая электрификация возможна лишь на базе местного торфяного топлива, в чем в свое время всемерно поддерживал его Владимир Ильич. Превращать торф в электрическую энергию, которой вместе с тем пользоваться для добычи торфяного топлива, эта работа всецело захватила в последние годы Роберта Эдуардовича. На своем посту электрификатора на торфу он стоял с первого дня советской власти до последнего дня своей жизни. На этом посту его постигла и смерть: он умер на заседании Топплана ВСНХ, где выступал как защитник торфяного дела.

Будучи европейски образованным инженером, Классон непрерывно совершенствовал себя, следя за технической литературой всех стран. Своими богатыми познаниями, своей блестящей технической мыслью и широким опытом он щедро делился со всеми интересующимися техникой, не считая их за частную свою собственность. Мелкое себялюбие и самолюбие были органически чужды его красивой кристально чистой натуре. Зависть, по собственному его признанию, его мучила лишь на охоте. А охотником он был страстным.

Смерть Роберта Эдуардовича Классона оставила громадный пробел в рядах строителей новой жизни. Наша семья – торфяницкая лишилась одного из лучших своих друзей, одного из неутомимых работников по торфу. Утрата эта велика, обидна и невознаградима. Если наши товарищи по работе – торфяники не знают еще об утрате, то пусть эти несколько строк скажут им, что неумолимая смерть преждевременно вырвала из нашей среды лучшего друга и яркого защитника торфяника от непосильно тяжелого ручного труда. Жизнь эта ушла на то, чтобы заставить машины заменить или облегчить этот труд.

Всем нам старым его соратникам надо, смыкаясь теснее, продолжить развитие этого дела. Надо сугубо сберечь оставшихся в живых старых преданных специалистов и внимательно и усиленно работать над созданием новых – во исполнение Ленинского завета электрификации страны, как одного из путей к социализму. И.И. РАДЧЕНКО

[Журнал «Торфяное дело» №2, 1926*]

ИНЖЕНЕР-ТЕХНОЛОГ РОБЕРТ ЭДУАРДОВИЧ КЛАССОН

Одиннадцатого февраля в 3 ч. 30 мин. дня навсегда ушел от нас инженер Роберт Эдуардович Классон.

Этот тяжелый удар до глубины души потряс знавших его, а знали его тысячи людей, начиная с рабочих масс электрических станций и огромной армии рабочих торфяников и кончая старыми, опытными инженерами; знали его хорошо и за границей.

Но особенно тяжелым был этот удар для его ближайших сотрудников, еще накануне и даже в день смерти видевших его здоровым, веселым, полным желанием работать, совершенствовать технику, учить и учиться. Ничто не предвещало рокового конца. Но жестокий недуг давно уже подтачивал здоровье Р.Э., и только его сильный дух поддерживал слабеющее тело, да присущий ему вечный порыв к знанию, прогрессу, культуре заставлял пылать ярким огнем догоравший уже факел жизни.

* Сия публикация в сборник МОГЭС не попала.

Роберт Эдуардович сжигал себя на костре искательства нещадно, порою казалось безрассудно. Начав искать в юные годы, он искал всю жизнь и за минуту до смерти он ищет выхода из надвинувшегося топливного кризиса.

Роберт Эдуардович родился в Киеве 31 января [ст. стиля] 1868 года в семье врача, работавшего при Киевском университете. Восемью лет он поступил в 1-ю Киевскую гимназию, которую окончил в 1886 году. Осенью того же года он поступил по конкурсу в Петербургский Технологический Институт.

Молодым студентом он ищет знаний и жадно впитывает преподававшиеся в Институте науки. Но среди этих занятий перед ним встает проклятый вопрос: где причина человеческой неправды, рабства одних и господства других, нищеты массы и тупой сытости немногих. Кипучая натура заставляет искать ответа на этот вопрос, и молодой Классон отдается изучению экономических наук. Позднее он нашел предпосылку к решению этого проклятого вопроса в победе над материальной природой путем развития техники, которая требовала новых могучих источников энергии, требовала постройки мощных электрических централей.

Окончив Институт в 1891 году со степенью инженера-технолога, Р.Э. едет искать необходимых знаний за границу и там изучает электротехнику, которую не проходили тогда в Технологическом Институте. Необходимые знания приобретены, и молодой инженер весь отдается строительству станций. В 1893 году он строит станцию на Охте с первой в России передачей трехфазного тока. В 1897 году он переходит в Общество 1886 года и строит первую в России большую электроцентраль – Московскую электрическую станцию, заведующим которой остается до 1900 года, а затем едет в Баку, где строит так же первые в России две районные электрические станции, ведет их эксплуатацию, впервые применяет в России высокое напряжение в 20 000 вольт, электрифицирует промыслы, побеждая рутину и косность промышленности. В 1905 году тяжелый конфликт: Р.Э. не мог принять на себя полицейских функций, как того требовали хозяева и, обремененный уже семьей, был уволен.

Этого увольнения давно уже поджидало Общество 1886 года, которому нужен был директор для Московской станции, требовавшей дальнейшего расширения. В 1906 году Р.Э. переезжает в Москву, работает в прекрасных материальных условиях, и все же его мятущийся дух не успокаивается и находит новый, требующий ответа, вопрос: как использовать огромные запасы энергии, сокрытой в безграничных торфяниках России. И среди болот технически отсталой России в 1912-1913 году возникает первая в мире мощная районная электрическая станция на торфяном топливе. Надо перенестись в то время, когда никто не знал, как организовать огромное торфяное хозяйство и, главное, как непрерывно сжигать миллионы пудов торфа под котлами станции, чтобы понять всю смелость такого предприятия и оценить огромный полет технической мысли Классона.

Несколько лет спустя Р.Э. задумывает также постройку районной станции на Шатуре и сам выбирает для нее место.

Станция «Электропередача» построена и пущена в ход; ученики и сотрудники умело ведут дело, а пылкий ум Р.Э. находит успокоение в поисках способа механизации добычи торфа. Брошена ручная лопата – этот вековечный угнетатель русского мужика, перепробованы все механические лопаты, каждый раз ломавшиеся на пронизанном крепкими пнями русском болоте, а горизонт добычи торфа остается туманным. Этот туман вдруг прорезывает яркая мысль Р.Э. применить водяную струю высокого давления для экскавации торфа, и опять в технически отсталой России рождается новый способ механизированной добычи торфа – «гидроторф».

Тяжкая хозяйственная разруха в первые годы революции, отсутствие самых необходимых материалов, почти полная бездеятельность механических заводов, апатия работников, тысячи мелких и крупных препятствия могли сломить какую угодно железную волю, но только не волю Классона. Роберт Эдуардович зовет немногих старых соратников, заражает волей к новым достижениям, берет новых сотрудников, почти студентов, увлекает их своей идеей, строит деревянные краны и в таких совершенно неприемлемых условиях, можно сказать, в деревянный период нашей индустрии и при помощи деревянных конструкций выращивает свое детище в железного великана – современный промышленный Гидроторф, давший уже свыше 500 000 тонн торфяного топлива.

Казалось бы, достаточно для одного человека; пора бы и отдохнуть и дать покой истерзанному сердцу; врачи требуют этого покоя, указывая на необходимость беречь остаток сил, но Р.Э. глух ко всему. Он с грустью видит, что его железный великан покорно склоняет свою голову перед морозом. И Р.Э. захватывает новая идея – освободить гидроторф от этой зависимости. Привлекаются новые работники, намечаются новые пути, и, наконец, строится завод для искусственного обезвоживания гидроторфа. Завод готов, наступает новый период кипучей работы. Опыты и опыты, выяснение ошибок, исправление промахов, переделки, новые конструкции и т.д. и т.д.

Наконец, после упорных трудов, глубоких раздумий, бессонных ночей, завод начинает работать как целое; еще немного усилий, и завод работает часами непрерывно, превращая сырую торфяную массу в брикет или порошок в течение полутора часов. Осталось только на основании огромного опыта перестроить несколько завод и в подтверждение теоретических расчетов на деле доказать экономическую выгодность искусственного обезвоживания торфяного топлива.

И вот в этот-то момент Р.Э. [навсегда] оставляет свое детище и тесную семью своих сотрудников, сплоченных преданностью делу своего обаятельного вождя. У всякого, знавшего работу Р.Э., но не знавшего его близко, невольно возникает вопрос: как он мог находить специалистов, на недостаток которых жалуются решительно все, об отсутствии которых громко говорит пресса? Как он мог удержать подобранных специалистов, при тяжелых материальных условиях побуждать их к работе, упорной и крайне ответственной? Найти ответ на эти вопросы может только тот, кому выпало счастье работать; им дано знать, что Роберт Эдуардович всю свою жизнь был кристально чист в моральном отношении, чужд какой бы то ни было зависти; что он охотно делился со своими сотрудниками своими богатыми знаниями и опытом и заражал их своим воодушевлением.

Пусть это воодушевление поддерживается в сердцах его сотрудников светлой памятью о покойном и поможет завершить начатое им дело.

Проф. Г.Л. Стадников и инж.-техн. В.Д. Кирпичников]

[Журнал «Искра» №3, март 1926 г.*

Р.Э. КЛАССОН

11 февраля в заседании одной из комиссий ВСНХ скончался от разрыва сердца вождь русского инженерства, крупнейший работник в области электротехники, инженер-технолог Роберт Эдуардович Классон.

История жизни и работы покойного – это история русской электротехники. Все ее крупные технические события прошли с участием или по непосредственной инициативе Р.Э. Классона.

* Сия публикация в сборник МОГЭС не вошла.

Инженерская работа его началась с участия в одном из важнейших технических событий XIX века – устройстве первой в мире электропередачи высокого напряжения между Лауффенской гидроэлектрической станцией и городом Франкфуртом в Германии в 1886 г. Эта работа и определила дальнейшее направление его деятельности.

Им построена первая в России электрическая станция трехфазного тока на Охтенских пороховых заводах, построена тогда, когда везде в России, да и за границей, умели обращаться только с постоянным током. В 1896 году им построена Московская электрическая станция.

В 1901 году он организовал электроснабжение Бакинского района, построив 2 электрические станции, энергия которых впервые в России передавалась на расстояние в десятки километров под напряжением в 20 000 вольт.

Но основной заслугой Р.Э. Классона является постройка в 80 км от Москвы первой районной электрической станции на торфу «Электропередача». Это было в 1912 году. Хотя в это время не существовало еще самого слова «электрификация», но именно тогда была создана первая ячейка электрификации – районная станция на местном топливе, передающая ток под высоким напряжением – 70 000 вольт.

Р.Э. Классон принимал живое участие в работе по электрификации СССР, отдавая этому делу свой огромный технический опыт. Им, между прочим, лично было выбрано место для постройки недавно открытой Шатурской станции, идея которой была разработана им еще в 1915 г.

Читателям «Искры» не приходится говорить об огромном значении торфяного топлива в хозяйстве Советского Союза. Р.Э. Классоном создан гидравлический способ добывания торфа, полностью его механизующий и избавляющий от каторжного труда десятки тысяч торфяников. Благодаря его работе в области торфодобычи СССР стоит впереди самых промышленных стран.

В лице Роберта Эдуардовича Классона СССР потерял человека, обладающего крупнейшим техническим умом. Люди с таким инженерским гением, какой был у Р.Э. Классона, и за границей насчитываются лишь единицами.

Р.Э. не был узким специалистом. Это был широкообразованный человек, интересовавшийся всеми вопросами культурной и общественной жизни.

В студенческие годы он вместе с будущими крупнейшими вождями нашей революции, а именно с В.И. Лениным, Н.К. Крупской и другими, работал в первом марксистском кружке и участвовал в революционных организациях 1880-х годов. С Октябрьской революции Р.Э. сразу же входит в гущу советского строительства. Его чуткое и заботливое отношение ко всем, кто соприкасался с ним в работе, создали ему общее уважение.

Покойный сотрудничал во многих газетах и журналах, в том числе и в «Искре», где была помещена его статья о гидроторфе.]

[журнал «Огонек» №14, 4 апреля 1926 г.*

Очерк «ИНЖЕНЕР КЛАССОН» (с иллюстрациями по гидроторфу)

Умер один из самых выдающихся инженеров электротехников в мире. Умер самый выдающийся в мире инженер по добыче торфа. Умер один из величайших новаторов нашей эпохи.

* Сия публикация в сборник МОГЭС не вошла.

Его знали и глубоко ценили и в СССР, и за границей. Он был близок с целым рядом наших ответственных товарищей. «Вот настоящий человек», – говорил о нем тов. Ленин. Рабочие Московской Городской Электрической Станции близко знали его, очень ценили и горячо его оплакивали. Но широким рабочим массам нашего Союза он был мало известен, а они должны о нем знать.

Мы уже подходим, но еще не подошли к тому времени, когда выдающиеся инженеры, агроному и квалифицированные рабочие должны, по мнению наших выдающихся товарищей, пользоваться такой же известностью, какой пользуются у нас политические деятели, старые революционеры, талантливые ораторы.

Инженер Классон окончил Петербургский Технологический Институт и почти сразу выдвинулся как специалист по тепловому хозяйству электрических станций. Глубокие тонкие знания он накапливал с годами, но дух новаторства он проявил с первых дней своей практической работы. Он начал с работы заводского рабочего на европейских заводах. Еще совсем молодым человеком он сделался близким сотрудником германского инженера Линдлея, тоже великого новатора, впоследствии гениально построившего одно из самых замечательных в мире сооружений – Бакинский водопровод. Впервые в мире при участии Классона Линдлеем была построена во Франкфурте станция для передачи электрической энергии при помощи трехфазного тока. Сейчас переменный ток получил мировое распространение.

Самостоятельным строителем новой и для того времени грандиозной станции Классон выступил в Баку, и с тех пор в продолжении 30 лет он непрерывно строил. После Баку он построил 1-ую Московскую электростанцию, построил затем Ленинградскую и, наконец, самую большую в мире электростанцию на торфу – Электропередачу на торфяном болоте около Богородска. Он непрерывно и неустанно участвовал до последнего дня жизни во всем практическом проведении электрификации нашего Союза. Именно как электротехник и электрификатор он пришел к необходимости дешевой механической торфодобычи, и 15 лет упорной работы привели его к гениальному решению задачи о торфодобытии путем Гидроторфа.

Классон умер в ВСНХ во время заседания, в расцвете сил, неожиданно для своих друзей, учеников и сотрудников. Умер, как жил, на посту.

Классон был членом первых революционных марксистских кружков в России. Тов. Крупская в своих воспоминаниях о своем знакомстве с тов. Лениным задолго до смерти Классона пишет о нем:

«Увидела я Владимира Ильича на Охте у инженера Классона, одного из видных питерских марксистов, с которым я года два перед тем была в марксистском кружке. Решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином». «Приезжий волжанин, сделавшийся вождем мирового пролетариата, навсегда с тех пор проникся уважением к этому инженеру и, став у власти, всегда оказывал ему содействие.

В Баку этот исключительно ценный для дела инженер, строитель станции и ее директор, был после революции 1905 г. уволен за неблагонадежность. Один из рабочих, взволнованно и горячо выступавший у его могилы, рассказал такой случай. Директор станции Классон в годы безумного террора самодержавия позвал его к себе и сказал ему: «У вас образовался марксистский кружок, но с вами занимается плохой марксист, возьмите настоящего, я его определю на службу кем хотите – рабочим, конторщиком, инженером, и пусть он с вами работает». Плохие марксисты – будущие меньшевики были не в его духе. Классон рано сблизился с хорошими марксистами – будущими большевиками, но не занялся революцией.

Почему Классон отошел от революции? Каким образом он к ней пришел, оставаясь только беспартийным инженером? Его многие мотивы неизвестны, но они и не существенны. Мы попытаемся дать на это общий ответ, относящийся ко всем Классонам нашей величайшей эпохи.

Гениальная система марксизма выявила, каким образом пролетариат становится могильщиком буржуазии. В процессе развития хозяйственных форм буржуазия в периоде созидательном вынуждена содействовать созданию пролетариата, она вынуждена собрать массы рабочих в одно место, перевести их целиком и полностью на зарплату, и постепенно привести каждого рабочего к убеждению, что он никогда не сделается хозяином и что его свобода бросить хозяина заставляет его все же работать, так как он должен пойти к другому хозяину, и он неминуемо приходит к сознанию того, что он и его товарищи по работе – класс рабочих, пролетариат, находящийся в рабстве у класса хозяев - буржуазии, и что дело освобождения рабочего класса есть дело самих рабочих. Буржуазия, вынужденная поднимать квалификацию рабочих, поднимает при этом против своей воли и их сознательность, их солидарность, их революционность, она сама создает себе могильщика.

Стремление обосноваться не на ручном труде, а на дешевом и безропотном труде машины сделало инженера основным орудием в руках буржуазии.

Техника, как и рабочий класс, так же в своем развитии перерастает анархические буржуазные формы производства, которые то неожиданно и бессистемно требуют высшей техники, то душат новое изобретение, покупая его для того, чтобы его спрятать или дискредитировать. Перерастая буржуазный строй, новая техника неизбежно подходит к необходимости социалистических форм, как более соответствующих новой технике.

Классон немало натерпелся от священного права частной собственности. Нужно было убедить заскорузлых иностранных акционеров, денежных тузов в выгоду купить в чужой стране непроходимое болото, кишашее комарами, и строить там первую в мире станцию на неизведанном новом топливе – торфу. Но вся его воля и вся его энергия не могла пробить толщи сопротивления и жадности помещиков и кулаков – владельцев земли, на которой нужно было поставить столбы для проводки тока.

Город Богородск требовал себе за это всю станцию через 5 лет. Даже Москва того времени не допускала к себе ток от Электропередачи, требуя за землю под столбы больше, чем стоило все оборудование станции. Классон с величайшей настойчивостью и величайшей смелостью обошел лесами Богородск, непримиримых отдельных собственников и подвел ток к Москве контрабандой. Война заставила в виде нужды в топливе пустить этот ток в Москву, и только революция приняла его не как конкурента, а как друга. Он ответил ей тем, что в годы разрухи, когда не было ни угля, ни дров, и все топки везде потухли, он день и ночь посылал из Электропередачи ток и его живой силой питал Москву и революцию.

Во время наводнения 1908 года Московская станция была затоплена. Нужны были героические меры для спасения станции после взрыва пола. Все работали сменяясь. Классон оставался 36 часов на посту бессменно, находясь в самых опасных местах. Лесной пожар 1912 года угрожал уничтожением и строительству станции, и лесу, и торфодобыче. Презирая опасность, не боясь сгореть или задохнуться, он своими руками боролся с огненной стихией, и свое создание отстоял. Этот пожар на всю жизнь ярко запечатлелся в его памяти, и он всегда, говоря о Гидроторфе, указывал на то, что его основа – мощная струя воды – потушит любой пожар. Молодым когортам советских инженеров есть чему поучиться у инженера Классона.

Долгое время великое его значение из наших руководителей понимал только тов. Ленин. Сейчас это понимают уже многие. Это поняли и честно с Гидроторфом связались даже его противники, как, например, тов. Радченко, сейчас ему горячо содействующий.

Торф – это самые большие запасы топлива Центрального и Северного района. Мы имеем торфяные болота уже под самой Москвой. Они занимают в центральной полосе 16,5 миллионов десятин и в северной тундре 8,5 миллионов десятин, которые по отдаленности и малодоступности можно не принимать во внимание, в Сибири они еще совсем не обследованы. На торфяниках Центрального района мы можем считать на десятину 20 000 куб. метров сырой массы торфа, что составляет 2 500 тонн сухого топлива на десятину, а всего около 40 миллиардов тонн.

Переводя это топливо на уголь в 7 000 [кило]калорий[/кг], мы получаем больше 20 миллиардов тонн эквивалентного торфу углетоплива. Европейская Россия в последний год перед войной на всю промышленность употребила такого топлива 5 миллионов тонн и, таким образом, если бы мы все виды топлива заменили торфом, теперешних запасов хватило бы на 300 лет.

Только для того, чтобы не заболачивать нашу страну все больше и больше, нам нужно было бы увеличить добычу торфа в 55 раз.

Мы имеем болотистую местность, покрытую мхом, травой и низкорослым мелким лесом, который погибает раньше, чем вырастает. Под этим покровом лежит слой торфа в 2-3 метра толщиной, часто достигающий 6 метров.

Классон не только понял роль торфа для электрификации и неизбежность механизации этой добычи, но и сумел освободить торфяника от этого каторжного ручного труда. Добыча торфа возможна ввиду необходимости сушить его солнцем не больше 40-70 дней в году, но и этого времени достаточно, чтобы вызвать ужасающие последствия в виде лихорадок, ревматизмов, колтунов, разъеденных болотом язв и т.д. Рабочий перебрасывает в день ручной лопатой 20 тонн.

Классон вместе с своим учеником, помощником и товарищем по работе инженером Кирпичниковым всю торфодобычу совершенно революционизировал. Имея своей целью получить сухой торф, изобретатели гидроторфа отказались от ручной и даже механической лопаты и не побоялись заменить ее водяной струей высокого давления и сделать торф совсем жидким.

Струя воды размывает его, вырывает его из переплета пней и обращает в гидроторф. Пни, плавающие в этой жидкой массе, вылавливаются и выгребаются особыми кранами. Жидкая масса, заключающая в себе 95% воды, легко подымается из карьера особыми насосами – торфососами – по специальным трубам, которые нет даже надобности свинчивать, так как торфяная масса быстро залепливает какие угодно отверстия. Эта жидкая масса легко и дешево транспортируется куда угодно. Обезвоживание производится путем разливания этой массы тонким слоем по специально подготовленному полю, где вода быстро впитывается в землю и испаряется в воздух.

Будущее торфодобычи это – комбинированное предприятие, дающее одновременно топливо, электрический ток и химические продукты, использующее жидкую торфяную массу для обращения ее либо в порошок, который горит, как нефть, либо в кокс с выработкой газа для газовых турбин, работающих для генераторов электрического тока – для электрификации. При этом жидкие отгоны дают богатейшие продукты. Из торфа можно добывать спирт. Эта электроэнергетическая, топливная и химическая будущность торфа мыслима лишь после того, как он растворен в воде, обращен в гидроторф, т.к. это делает его доступным химическому воздействию.

Эта будущность не является фантазией, все это уже проверено, но еще нуждается в создании установок заводского масштаба. Все это требует опыта, упорного труда, больших технических знаний, духа новаторства, смелости, революционной действенности и марксистского ясного мирозерцания. Требуется того, чем обладал и чем был велик инженер Классон.

Я. Шатуновский]

МОСКОВСКИЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ И Р.Э. КЛАССОН (воспоминания В.А. БРЕННЕРА)

Я поступил на службу на Московскую электрическую станцию в начале 1898 г., когда мне было всего 19 лет. Здание Московской станции только что было выстроено. На станции находилось всего две паровые машины. Во главе всего – и строительства, и всей эксплуатационной части стоял Роберт Эдуардович Классон, молодой еще совершенно человек 28-30 лет.

Моя встреча с ним тотчас же по моем поступлении на службу произвела на меня чрезвычайно сильное впечатление. Еще юноша без определенного политического мировоззрения, я первый раз именно от Роберта Эдуардовича услышал, что в России сильная реакция и с этим надо всемерно бороться. Его всюду можно было встретить на станции и в самом Правлении, необыкновенно энергичного, постоянно в движении, с необыкновенным остроумием или, как мы в то время называли, «Классоновскими словечками». И он стал для нас, служащих станции, а служащими большей частью была исключительно зеленая молодежь, общим любимцем.

На станции каждый год стали устанавливать по одной паровой машине мощностью в 1 200 лш. сил, но через 2-3 года у нас распространился слух, что Роберт Эдуардович уезжает, так как получает новое назначение в Баку. Несмотря на все очень лестные с материальной стороны предложения, которые ему делались Правлением бывш. О-ва 1886 г., он от них отказался, что очень характерно для Роберта Эдуардовича, и уехал в Баку, где для него открывались широкие перспективы в смысле постройки новой станции с новыми машинами и невиданной еще в то время линией передачи на 20 000 вольт. Расставание с ним было очень трогательно.

Снова к нам, в нашу семью, Роберт Эдуардович возвращается через 6 лет, в сентябре 1906 года. После возвращения в Москву мы видим его с самого раннего утра сидящим в своем кабинете за чертежной доской, где он проектирует новую станцию с установкой по тому времени крупнейших турбогенераторов мощностью каждый по 5 000 л.с. В сентябре м-це он начал проектировать, а в ноябре следующего года станция была выстроена и пущена в работу.

В 1908-1909 годах Роберт Эдуардович всецело поглощен работами на Московской станции – постройкой новой котельной с новыми котлами, проектированием кабельной сети, уже с новым напряжением 6 000 вольт, вместо бывшего до этого времени [напряжения] 2 000 вольт. Когда расширение Московской станции как по экономическим, так и по географическим условиям стало невозможным, Роберт Эдуардович разработал проект постройки районной станции на местном топливе, для чего он лично отыскал болото в Богородском уезде, в центре Московского промышленного района, где и была им построена первая в России районная станция «Электропередача».

Что торф служит топливом для значительной части текстильных фабрик Московского района, конечно, всем было хорошо известно, но что на торфяном болоте можно построить мощную электростанцию с торфодобычей с этих же болот, это для всех нас было полным откровением. Не имея ранее дела с торфом, Роберт Эдуардович садится за книги, посвященные торфяному хозяйству, для чего он дает мне лично поручение скупить все, что только имелось на [книжном] рынке по этому вопросу.

Дает также, тотчас же, распоряжение за границу выслать все печатные материалы, имеющие отношение к торфодобыче и работе электрических станций на торфяном или более или менее к нему подходящем топливе. Он немедленно разыскивает сам и приглашает на службу лиц, наиболее знакомых с торфяным хозяйством (И.И. Радченко, Е.С. Меншиков и др.)^{*}.

Сметы на станцию были составлены в 6 миллионов рублей, истрачено же на самую постройку ее было свыше 12 миллионов рублей. Такой «перерасход» доставил Роберту Эдуардовичу немало тяжелых переживаний при разговорах с нашими «хозяевами», немецкими и швейцарскими банками, но, конечно, никакой перерасход не мог удержать Роберта Эдуардовича от осуществления его идеи, раз он признавал эту идею правильной. Он рассуждал вполне естественно, что пусть первый опыт будет дорогим, пусть будет станция не совсем правильно выстроенной, но идея, положенная в основу постройки районной станции, вполне целесообразна, и от осуществления такой идеи его нельзя было ничем удержать.

Мало кто из нас в 1912-13 году думал, что именно «Электропередаче», детищу Роберта Эдуардовича, предстоит такая почтенная роль – спасти Красную Москву в 1918-20 гг. от полной остановки хозяйственной жизни. К чему это могло бы привести, не трудно догадаться, если иметь в виду, что Московская электростанция едва-едва работала на дровах за отсутствием нефтяного топлива, а вся энергия и для населения, и главным образом, для фабрик и заводов, работавших в то время всецело на оборону, вырабатывалась станцией «Электропередача».

Мне лично первый раз удалось побывать на «Электропередаче» в начале марта 1912 года. Добравшись до Богородска^{**} по железной дороге, мы наняли извозчика, доехали до 71-ой версты, там пересели на крестьянские дровни и какими-то едва проходимыми тропами приехали на то место, где стоит нынешняя станция «Электропередача». Кругом ни души. Стоит большая полотняная палатка, а в палатке сидят за самоваром Роберт Эдуардович и Иван Иванович Радченко. Впечатление – как будто на Северном полюсе среди самоедов.

На мой вопрос: «Неужели Вы думаете здесь строить станцию, и когда же, по Вашему мнению, она будет готова?», Роберт Эдуардович, улыбаясь, ответил: «Мы тут несколько дней тому назад спугнули большое стадо лосей» (что показывает, насколько это было дикое и необитаемое место). Но, говорит Роберт Эдуардович, к осени будущего года, то есть через год с небольшим, мы должны будем не только выстроить саму станцию, но и дать ток на соседние фабрики и в Москву.

Такие условия были поставлены ему банками, и он считал вполне возможным закончить постройку в такой срок. Мне тут же, в палатке, он дает поручение разработать договор с торфяными артелями, так как в мае [1912 г.] уже необходимо будет приступить к добыче торфа. Конечно, каждому из нас теперь это кажется легко и понятно, но, повторяю, для работников 1911-12 г. все технические выражения, такие, как будто бы, обычные, как «торфяной карьер», «количество торфяных кирпичей» и т.п., были какими-то жупелами. Но мы были постоянно заражаемы энергией и любознательностью Роберта Эдуардовича и прилагали все усилия выполнить даваемые им поручения, как бы они ни казались нам трудными и несбыточными.

Уже через два-три месяца почва настолько обсохла, что Роберт Эдуардович приступил к постройке шоссе с 71-ой версты [Нижегородского шоссе] к станции. Через месяц на этом шоссе появилась вагонетка, на вагонетке установили самодельный вагон, и связь «Электропередачи» с культурным миром была налажена.

^{*} Возможно, что здесь ошибка памяти – в частности, И.И. Радченко был счетоводом по образованию.

^{**} Ныне Ногинск.

Роберт Эдуардович проявил в это время, т.е. за время постройки «Электропередачи» нечеловеческую энергию и станцию в мае 1913 г. не только выстроил, но и дал с нее ток [на торфоразработки], а к началу следующего года была осуществлена передача энергии и в Москву путем устройства линии высоковольтной передачи на 70 000 вольт, первой в России такого высокого напряжения*.

Не так много ему приходилось трепать свои нервы на постройку самой станции, так как его гениальному уму было все ясно и понятно, как на преодоление всякого рода бесчисленных трений, которые сопутствовали осуществлению, казалось бы, благой и высококультурной задачи, каковой явилась постройка мощной электростанции. Препятствия чинились, можно сказать, со всех сторон – и со стороны бывшей Губернской Управы, и со стороны Московской Городской Думы, которые по своей закоснелости не могли понять всей важности сооружаемого предприятия. Непонятны были такие препятствия и для более культурной буржуазии Запада, и Роберту Эдуардовичу очень тяжело было вести всякие объяснения с заграничными банками на этой почве.

Начавшаяся капиталистическая война в значительной степени задержала постройку станции «Электропередача» и осуществление всех проектов Роберта Эдуардовича, широко задуманных.

Октябрь 1917 года. Московская станция работает не останавливаясь ни на одну минуту, выполняя все директивы Центрального Комитета, а во главе станции стоит Роберт Эдуардович. Не будучи партийным работником, он прекрасно чувствовал, на чьей стороне правда дела, и своим примером очень благотворно действовал на окружающую среду. Он глубоко осуждал ту часть интеллигенции, которая бросила работу и саботировала, указывал на большую ее ошибку и на то, что она впоследствии глубоко в этом раскается. Роберту Эдуардовичу в расцвете сил, с его авторитетом в Зап. Европе ничего бы не стоило, конечно, бросить работу на станции и уехать за границу, где ему были бы обеспечены несравненно лучшие материальные условия, но он, будучи глубоко русским человеком по духу, никогда об этом не думал.

Наступили тяжелые годы. Для Московской станции не было топлива, не было продовольствия для рабочих. Роберт Эдуардович со свойственной ему энергией и инициативой принимал все меры, чтобы как-нибудь удержать от разорения Московскую электростанцию. В своих письмах к Владимиру Ильичу и в центральные партийные органы он указывал, что ценой каких бы то ни было усилий надо удержать Московскую электростанцию от разрухи, ибо общая разруха должна скоро кончиться, начнется восстановительный период, а это будет возможно только тогда, если в порядке будут Московские электростанции.

Когда у всех у нас были в помыслах вопросы о «картошке» и «жирах», Роберт Эдуардович постоянно нам говорил, что он о чем угодно может с нами беседовать, только не о картошке, и в то же время он писал длиннейшие доклады в те или иные центральные органы, настоятельно требуя, чтобы работники Московской электростанции были обеспечены продовольствием. И мы видим, что Московская электростанция сохранила в полном порядке весь свой внешний облик, всю свою мощность и всю организацию исключительно благодаря личности Роберта Эдуардовича.

* Это было чисто техническое, пробное подсоединение к кабельной сети напряжением 6 киловольт Раушской станции, через Измайловскую трансформаторную подстанцию и Металлический завод Гужонов (при большевиках – «Серп и молот»). В 1915-м последний завод, а заодно и других московских потребителей, энергетики уже стали, по-тихому, подпитывать от «Электропередачи». См. очерк «Опять в Первопрестольной» и Приложение «Материалы по электроэнергетике».

Как только в стране восстановились нормальные условия и вопросы о «картошке» отошли на задний план, Роберт Эдуардович полон опять самых широких замыслов, всецело поглощен вопросами о механизации добычи торфа, принимает активнейшее участие в переоборудовании «Электропередачи», участвует во всевозможных комиссиях по постройке Шатурской электростанции, разрабатывает проекты электростанций в Нижнем и Ярославле, не выпуская из своих рук общего руководства Московской электростанцией. Ибо он вполне правильно рассуждал, что песня Московской станции далеко еще не спета и она должна сослужить еще большую службу и Москве, и московской промышленности.

Богато и разносторонне образованный Роберт Эдуардович мог вести беседы на любые темы за исключением, конечно, чисто бытовых, не говоря уже о своем «коньке» – электропромышленности, где он обладал чисто энциклопедическими познаниями. Он мог рассказать о любом европейском городе, музее. Во время революции он много писал, главным образом, в экономической прессе по вопросам, связанным с электростроительством, с хозяйством электростанций. Статьи эти всегда отличались большим знанием, были блестящи по своей форме и дышали всегда большим остроумием.

В дореволюционное время, как это ни странно покажется, Роберт Эдуардович писал много фельетонов на злободневные темы, опять-таки имевшие отношение к электрическим станциям. Фельетоны эти были написаны таким литературным языком и были так захватывающе интересны, что редакторы дореволюционных буржуазных газет, шутя конечно, предлагали ему отказаться от места директора-распорядителя на Московской станции и заняться журналистикой. Роберт Эдуардович был большой знаток политической экономии и социологии. Особенно он гордился своим знанием марксизма. Когда я, помню, оканчивал Коммерческий Институт, ныне Институт им. Карла Маркса, по экономическому отделению, то он задавал мне целый ряд задач по марксизму, которые я далеко не всегда решал верно.

Нет достаточно сильных слов, чтобы начертить образ Роберта Эдуардовича как личности, как сотоварища и как человека. Одно только мне хочется отметить, что во всех вопросах за всю мою с ним 28-летнюю работу, когда шла речь о каком-либо вспомоществовании тому или иному бедному студенту, тому или иному нуждающемуся, ни к кому другому из администрации не следовало обращаться как только к Роберту Эдуардовичу. Роберта Эдуардовича постоянно засыпали письмами и прошениями о помощи всевозможные лица, и редко когда он отказывал. Всегда любезный, веселый и остроумный, к нему всегда обращались служащие, и редко кто уходил им не удовлетворенный или не успокоенный.

Вот почему, когда он делал упрек или замечание по поводу того или иного поступка или правильно не выполненного распоряжения, было так всегда нам больно, ибо не выполнить его волю или выслушать упрек являлось для нас самым тяжелым наказанием. Мы всегда ставили Роберта Эдуардовича как пример светлой личности и идеального человека, которому мы должны стремиться во всем подражать.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Р.Э. КЛАССОНА

(воспоминания Н.И. ЯЗЫКОВА)

С Робертом Эдуардовичем я познакомился в Петербургском Технологическом Институте в 1889 г., работая с ним вместе в механических мастерских Института. После окончания курса Роберт Эдуардович уехал за границу и вернулся в Россию в 1893 г., и с этих пор я с ним работал без перерыва до дня его смерти 11-го февраля 1926 года.

По приезде Роберта Эдуардовича из-за границы, где он работал на первой в Европе 3-х фазной установке переменного тока высокого напряжения, под руководством известного инженера Линдлея, по передаче электрической энергии между Франкфуртом на Майне и Лауфеном, он вскоре же поступил на Охтенские Пороховые Заводы, в Ново-Эфирный Отдел.

Поступил Роберт Эдуардович на службу, как ни странно, не электротехником, а химиком, я в то время уже служил там, и мы встретились как старые знакомые. Россия в то время не имела и не могла иметь таких знающих электротехников, но, в силу обстоятельств, пришлось Роберту Эдуардовичу заняться химией, к которой он никакой склонности не имел. Большую часть времени суточного дежурства Роберт Эдуардович проводил в машинном отделении, и мы с ним проделывали массу опытов, к которым он был особенно склонен. Осмотревшись на заводе, Роберт Эдуардович решил, что здесь ему делать нечего, и если бы не случай, то Охтенские заводы больше не увидели бы Роберта Эдуардовича.

С поступлением Роберта Эдуардовича на завод как-то сразу ощутилась светлая струя, влившаяся в окостеневшее сообщество. И как только, через два-три месяца, он занял место главного электротехника на заводе^{*}, сразу же сказалась богато одаренная натура Роберта Эдуардовича, способная разбудить, оживить и заинтересовать всех тем, чем он жил. Роберт Эдуардович прочитал несколько докладов в Общественном Собрании при заводе, сопровождая их опытами с Рентгеном^{**}, токами Тесла высокой частоты и напряжения, и публика стала ломиться в Общественное Собрание, которое из себя до сих пор представляло только место для выпивки офицерства.

Нужно было видеть, каким орлом носился Р.Э. на своем велосипеде «Адлер», вечно спеша побывать везде, на громадной площади завода. Вскоре и я перешел в Электротехнический Отдел помощником Роберта Эдуардовича. Как только Роберт Эдуардович осмотрелся на новом месте, он начал проводить свою заветную мечту: применить трехфазный ток для передачи энергии на расстояние и заменить громоздкую, неудобную и невыгодную канатную передачу электромоторами трехфазного тока^{***}.

Канатные передачи в то время были единственным способом передачи [мощности] в отдаленные места пороховых мастерских, отстоявших от котельных и машинных помещений на 1-2 версты и более, и, конечно, мысль – отказаться от всей этой неудобной и очень дорогой старины встретила сочувствие, так как моторы можно было ставить рядом, в изолированных помещениях.

В этом случае помогла Р.Э. его неукротимая воля и рвавшаяся наружу энергия. Он путем целого ряда докладов с цифрами в руках и с еще большим количеством их в голове, в конце концов, убедил всех в своей правоте, и вопрос пошел в верхи. Немало крови испортил Р.Э., доказывая и там все выгоды новой установки. Никто не верил, т.к. никто ничего подобного не видел. Пришлось проделать несколько опытов в маленьком масштабе, чтобы публика, если не головой, то руками, убедилась бы, что здесь не мистификация, а действительность. Наконец, и здесь убедить удалось, и Роберт Эдуардович получил разрешение заказать два генератора трехфазного тока, мощностью 300 и 400 л.с., напряжением 2 200 вольт.

* В.Н. Чиколев, по-видимому, решил перепоручить Р.Э. Классону свои обязанности электротехника на Охтенских пороховых заводах, продолжая служить в Главном артиллерийском управлении. Формально он уволился с завода лишь в 1895-м.

** Т.е. с рентгеновскими лучами.

*** На тот момент – от паровых машин, и одновременно оживить бездействовавшие гидротурбины.

Роберт Эдуардович никогда не был полным, а тут с этими хлопотами еще похудел. Видя всюду недоверие к его делу и мучаясь медленностью проведения в жизнь всех его начинаний, он, и после полученного разрешения, не давал покоя всем чиновникам в Артиллерийском ведомстве, опасаясь задержки благодаря их халатности. Я уверен, что многие чиновники были спокойны при его появлении в Управлении.

Наконец он нашел для себя защитника в лице Начальника Управления генерала Альтфатера, который одним росчерком пера положил предел всем опасениям*. Но известно, что жизнь делают не Альтфатеры, а мелкие сошки, сидящие за трехногим столом. И вот, заручившись согласием Начальника Управления, Роберт Эдуардович начал выбивать пух из этих чиновников, и, несмотря на его настойчивость, все-таки дело заказа протаскалось около трех месяцев. Как-то приезжает Роберт Эдуардович сияющий, входит в контору, держа высоко шляпу над головой, и сообщает, что вчера он получил письмо из Швейцарии от [завода] Эрликона с подтверждением принятого заказа. Сколько послал еще писем Р.Э. Эрликону, не знаю, но нам было известно, что представитель Эрликона – Цейтшель неоднократно справлялся, не горит ли завод, что такая спешка.

В основу разрешения на устройство новой станции было введено условие заказа только электрической части, а двигатели применяй только те, что есть. И вот Р.Э., желая окончательно убедить в дешевизне его устройства, решил применить в качестве двигателей старые допотопные водяные турбины Жерара и Жонваля в 300-400 л.с., которые были установлены, кажется в [18]60-х годах. Другого выбора не было, и Р.Э. был счастлив тем, что его мечта претворяется в жизнь.

И вот здесь-то Р.Э. показал себя в натуральную величину, и если кто раньше сомневался в нем, то в данное время поверил в его творческую силу и неиссякаемый запас энергии. Он был всюду: и в воде, и в грязи, и подвешенный на веревке качался, обследуя стенки водяной трубы, в которую вставляли после весь двигательный механизм. В часы перерыва с захватывающим интересом мы слушали о том, что он видел и чему научился за границей и что можно ввести у нас при искреннем желании успеха тому делу, которому служим.

Дело подвигалось вперед, Роберт Эдуардович торжествовал, но настоящее торжество было впереди, когда начали подвозить машины. Вот тут-то Роберт Эдуардович совершенно не знал усталости. Мало того, что он целые дни проводил в турбинном доме**, но даже после окончания службы, слетав на велосипеде домой на Охту (4 версты) пообедать, вновь прилетал на работу, издали подавая сигнал, что он едет.

Неутомимость его была поразительна: он не знал отдыха не только на службе, но и дома. По вечерам он много работал над переводами английских артиллерийских журналов для Артиллерийского Управления, прирабатывая этим к своему не очень крупному жалованию (97 рубл. 33½ к.) добавочные средства. Впоследствии Р.Э. стал получать 137 рубл. 33½ коп. Когда Р.Э. собрался уходить с завода в О-во 1886 г., то начальство очень его отговаривало, обещало прибавку жалования и производство в чин, причем указывало что, не в пример прочим, он получит 150 рубл. в месяц, вместо 137 рубл. 33½ коп.

* Михаил Георгиевич Альтфатер (1840-1918), лютеранского вероисповедования. Окончил Михайловское артиллерийское училище, а затем Михайловскую артиллерийскую академию, в 1889-м произведен в генерал-майоры. В 1892-м был назначен *помощником начальника* Главного артиллерийского управления. Возможно, что два лютеранина прекрасно поняли друг друга: именно в мирской, созидательной деятельности человек должен искать пути спасения и служения Богу. Правда, Р.Э. Классон какое-то время «поклонялся» и «божку» Карлу Марксу.

** На р. Охте, где давно были установлены старые водяные турбины Жирара и Жонваля, которые постепенно заменялись паровыми машинами, и Р.Э. Классон решил вдохнуть в эти турбины вторую жизнь.

Монтаж генераторов, воздушной линии, установка моторов производились таким быстрым темпом, столь не привычным для нас в то время, что этот темп был наименован Классоновским. На заводах в то время была самая глубокая рутина и неповоротливость, и Роберту Эдуардовичу было не мало борьбы с Начальниками Отделов, упорно не верившими в его начинания. Они создавали всяческие затруднения вплоть до недопуска к монтажу в их мастерских, но страстность и убедительность речей Р.Э., наконец, сломили их упорство, и вскоре все было установлено.

Наступил день пуска, выбран был праздник, когда некоторые мастерские завода стояли. Что переживал в это время Р.Э., понять нетрудно: малейшая неудача грозила большими осложнениями на завтра, т.к. канатные передачи были сняты. Но к счастью Р.Э. и всех его единомышленников, все пошло хорошо и на другой день моторы заменили уже часть паровых машин. Р.Э. с 4 часов утра был уже на заводе, и мы с ним летали на велосипедах от одного мотора к другому, осматривая, ощупывая и обнюхивая их. Р.Э. радовался как ребенок, да и нельзя было не радоваться.

Эта установка 3-х фазного тока 2100 вольт, 50 периодов, была первая в России. Нужно было иметь много смелости и знания, чтобы решиться пустить эту установку в работу, не имея за спиной ни одного авторитета, который мог бы, в случае неудачи, помочь. Но все препятствия были одолены исключительно энергией и знаниями Роберта Эдуардовича Классона. В первый момент пуска генераторов параллельно ясно было, что они не пойдут: один холостой, другой с нагрузкой. Тогда пошли на изобретательность и решили сделать водяной реостат с угольными анодами, который работал погружением угольных контактов в воду. Задача была решена, и все пошло без особых затруднений.

Честь быть ближайшим помощником во всей этой установке выпала мне, и я с особым интересом вспоминаю все те мелочи, которые встречались на пути и преодолевались волей сделать все без посторонней помощи. На [пороховых] заводах были установлены моторы мощностью до 120 л.с., которые заменяли невероятно громоздкие паровые машины, и как-то не верилось, что все это – не выдумка, а быль. Независимо от того, что все моторы пошли в работу, не ограничились этим, а произвели вполне научную точную проверку мощности моторов, их коэфф. полезного действия, $\cos \phi$ и все прочие тонкости, которые были совершенно непонятны окружающим.

Роберт Эдуардович поспевал везде, и если я сидел за приборами, то он сам возился с тормозом Прони и наоборот. С ним приятно было работать, так как, чувствуя его доверие и не будучи заключенным в казенные рамки, у тебя являлась и инициатива, и непреодолимое желание пойти вперед, и уверенность в себе. При другой же обстановке, когда тебя со всех сторон опекают и рамки сужены до минимума, всякая инициатива и уверенность заглушаются. Р.Э. сам все это хорошо знал, сам все это на себе испытал, а потому давал работать тому, кому доверял.

После этой установки в Петербурге появился некто инженер Ратнер, приехавший из-за границы и предлагавший от Бельгийской Компании постройку станции однофазного переменного тока*. Р.Э. это известие прямо-таки поразило, и он на нескольких совещаниях протестовал и доказывал нецелесообразность такой установки и проводил систему трехфазного тока. А так как доводы той и другой стороны были достаточно сильны, то назначено было публичное заседание в Адмиралтействе, на котором будет принято окончательное решение. Собрание было очень многолюдное.

* Речь, по-видимому, идет о «Бельгийском анонимном обществе электрического освещения» (с корнями от немецкой фирмы «Шматцер и Гуэ»), все же построившем свою станцию в Петербурге на набережной Фонтанки.

Р.Э. захватил с собой меня и явился туда в таком всеоружии, с такими убедительными данными, показав полную свою осведомленность в том, что делается уже за границей, подкрепляя свои доводы мнениями таких авторитетов в то время как Доливо-Добровольский и Линдлей и прочие, следствием чего было то, что почти вся аудитория перешла на сторону Р.Э. Защита системы трехфазного тока в лице Р.Э. была так сильна и убедительна, что О-во 1886 г. сейчас же присоединилось к нему и безповоротно решило строить станции как в Москве, так и в Петербурге именно трехфазного тока.

Вскоре после такой блестящей победы Р.Э. был приглашен на службу в О-во 1886 г., где и занялся проектами новых станций. Но Р.Э. не был создан кабинетным инженером, он не мог долго сидеть в кабинете, его тянуло в жизнь. Его назначение было строить, создавать, брать от науки и техники все, что пригодно для жизни, и он уже начал тяготиться своей службой. Правление Общества быстро присмотрелось к нему, увидело, что это за человек и вскоре же командировало его на 1-ую строившуюся в Москве Центральную Электрическую Станцию О-ва 1886 года *.

В 1897 г. Роберт Эдуардович вступил в должность Старшего Техника О-ва при Управляющем Московским Отделением О-ва инженере Бессон. Я был помощником Старшего Техника по электрической части, и И.С. Стюф – помощником по механической части. Р.Э. сразу завоевал себе подобающее место среди окружающих иностранных инженеров и постепенно поднялся над ними на голову выше. К его мнению прислушивались и считались, и, несмотря на его молодость – 29-30 лет, он уже имел имя даже за границей.

При пуске станции в работу пришлось столкнуться с таким обстоятельством, что машины не могут работать одна с другой параллельно. За границей этого обстоятельства еще не знали. А потому [мы] к этому не приготовились и были поставлены в затруднительное положение, имея станцию в несколько машин. А именно две [паровые] машины по 500 л.с. и четыре – по 1000 л.с., которые не могли работать параллельно. Одна другую толкала, так что на приборах нельзя было сделать ни одного подсчета, т.к. стрелки приборов все время болтались от нуля до максимума. По предложению Р.Э. были временно сделаны на железных сердечниках от трансформаторов дроссельные катушки, которые по своей малой величине хотя и не давали полного успокоения, но все-таки появилась возможность работать параллельно при совпадении положения кривошипов всех машин. Это удавалось с трудом, т.к. нужно было улавливать кривошипы при 150 оборотах в минуту, подгонять вольтаж и фазы, а включать приходилось при 2 100 вольт 3-х полюсным открытым рубильником. О масляных выключателях никто еще не мечтал. Такая работа особенно вредно отзывалась на паропроводе, который ходил ходуном, то удлиняясь, то укорачиваясь на 70-80 миллиметров. После двух лет такой работы из-за границы пришли настоящие дроссельные катушки, которые дали возможность работать параллельно при любых условиях.

Ту массу улучшений, введенных Р.Э. Классоном на станции до отъезда в Баку, перечислить трудно, так как ничего от прежней установки не осталось, даже некоторые стены и крыши уже заменены. Благодаря исключительным качествам своей натуры и выдающимся способностям при феноменальной работоспособности Р.Э. быстро был оценен Главным Инженером-Строителем Брюнигом, человеком энергичным и прекрасным администратором. Р.Э. получил возможность проявить себя в полном блеске своих знаний и способностей. Отношения между Р.Э. и Брюнигом были самые дружественные, и Брюниг очень дорожил Р.Э. как человеком и как исключительным инженером, каких он еще не встречал, и отдавал ему всегда предпочтение перед всеми инженерами, приехавшими из-за границы.

* На Раушской набережной.

В 1900 г. в январе Р.Э. был приглашен на постройку новых больших Электрических Станций в Баку вновь образовавшимся Обществом «Электрическая Сила», которое субсидировалось, так же как и О-во 1886 г., немецким банком. В марте я, Стюф и еще несколько сотрудников, по приглашению Р.Э. через Правление, тоже выехали в Баку. И вот здесь-то в степи началась постройка первой, Белогородской Станции в апреле 1900 года. В ноябре этого же года станция уже была пущена в ход. Темп работы для Баку был небывалый. Нужно было выстроить не только станцию, но и жилые дома для 300-400 человек рабочих и служащих, причем семейные рабочие имели отдельные квартиры в 1-2 комнаты и кухню.

Всею постройкой руководил Р.Э., живя в семи верстах. Мне же пришлось, под его руководством, производить все постройки, без архитекторов, без инженеров, так как при этой постройке никого из инженеров еще не было. Вторая Станция, на Биби-Эйбате, несколько меньших размеров, производилась инженером Л.Б. Красиным, под руководством Р.Э. Классон.

Деятельность Р.Э. не остановилась на этом. Ему недостаточно было напряжения на воздушной линии 6 500 вольт, которое тоже было еще первое в России, он пошел дальше. Через три года он уже решил вести линию на 20 000 вольт, которая была выполнена собственными силами, без сдачи ее какой-либо фирме, так как на первых же линиях пришлось убедиться в больших недостатках постройки фирмы «Унион». Все 4 линии пришлось по очереди перебрать для того, чтобы они могли работать хорошо. Работать в Баку было делом нелегким, но заразительная работоспособность Р.Э. увлекала и не давала стоять на месте. Все, что было нового за границей, все у нас пробовалось, многое приходилось отбрасывать, так как по роду работы и местным условиям оказывалось непригодным, так напр. громоотводы всех видов и размеров и прочее.

Р.Э. раза по два в год ездил за границу и всегда привозил и заказывал все, что было нового в области электротехники. Благодаря этому мы не отставали от за границы. В 1904 году на Белогородской станции были установлены две первых паровых турбины мощностью по 4 000 квт завода Ф. Този в Леньяно. Существовавшие паровые [поршневые] машины по 1 000 л.с. того же завода типа Зульцера, хотя и были очень хороши, но уже не удовлетворяли спроса на энергию. В 1904 году Белогородская станция в Баку уже успела обогнать по мощности Московскую станцию.

Развитию Бакинской Станции «Белый Город» способствовал исключительно Р.Э., так как он сумел заинтересовать и убедить нефтепромышленников в целесообразности и выгоды применения электрической энергии для бурения и тартания вместо паровой. Нефтепромышленникам особенно импонировало то, что взамен кочегарок они смогут поставить еще несколько вышек и сократить персонал. На первых же порах встретилось затруднение в ремонте моторов, так как никаких мастерских для этого не существовало. Тогда Р.Э. устроил при станции большую ремонтную мастерскую, которая вполне обслуживала весь район.

Р.Э. неустанно следил за всей иностранной литературой и всегда был в курсе того, что происходит в Европе и Америке, но в то же время не гнушался и отечественными новинками. Так, в 1904 г. или 1905 г. появился на свет медный сетчатый костюм профессора [Киевского политехнического института] Артемьева. Р.Э. сейчас же его выписал и решил применить его, но [для начала] решил испробовать на себе.

Назначение костюма было таково: человек надевает его на себя и, благодаря медной оболочке большой поверхности, может безнаказанно касаться провода высокого напряжения, стоя на земле. Р.Э. одел костюм на себя, взялся одной рукой за провод, а мне поручил давать напряжение от отдельного трансформатора. Мое положение было не из приятных: а вдруг что-нибудь случится.

Но Р.Э. успокоил меня тем, что я буду поднимать напряжение с 500 вольт. Дошли до 1 000 в., Р.Э. кричит: «Еще давай». Даю 2 000 – 4 000 – 6 000 вольт, ему все мало, даю 20 000 вольт, кричит: «Еще». Даю 80 000 вольт, затем 100 000 вольт – смотрю, стоит живой и разговаривает. Ну, я больше не стал поднимать, и этим он удовлетворился. Затем [костюм] одел я, и он проделал то же самое. Все прошло благополучно. После этого Р.Э. продемонстрировал этот костюм перед группой приехавших инженеров.

Во всяких авариях или, как он называл, бенефисах, Р.Э. принимал самое близкое участие, не гнушаясь, какая работа выпадала на его долю. Этому человеку при его жизни нельзя было дать исчерпывающую оценку, и только после его смерти через долгое время он будет оценен по всем направлениям. Для дела Р.Э. в средствах не стеснялся: не дают по письму – съездит в Берлин, убедит, ну и дадут. Хотя он в банках и назывался – наш «Гольдфрессер», а все-таки деньги давали.

Под осень 1906 года приехал в Баку Брюниг и стал Р.Э. приглашать обратно в Москву, обещая ему массу интересной работы. Р.Э. по некоторым причинам очень быстро согласился и вот опять вернулся в Москву. В декабре месяце Р.Э. вызвал в Москву меня, и я очутился опять с ним.

В феврале месяце 1907 года началась работа по постройке 2-го машинного здания и 2-ой котельной, в которой мне пришлось принимать непосредственное участие, а в ноябре 2-ые машинное здание и котельная были пущены в ход. С момента начала земляной выемки до окончания монтажа прошло 8 месяцев, в такой срок можно было строить только с Классоном.

Вот краткое воспоминание о Р.Э. в течение 13 лет, представляющее только 1/100 того, что следовало бы о нем написать. Для каждого, проработавшего с Р.Э. несколько лет, потеря его уже велика: такой обаятельной личности человек встречается слишком редко. Для большинства он был именно таким человеком, для меня же его потеря особенно тяжела, так как я остался, к сожалению, один, который проработал с ним с первого дня его вступления в практическую жизнь. Но к счастью, есть еще много работников, которые проработали с Робертом Эдуардовичем по 25 лет и меньше и для дела сохраняют еще его заветы.

Мир праху твоему и вечная память, дорогой Роберт Эдуардович.

В моей памяти осталось навсегда имя дорогого директора Классона. Его находчивость и знание в области техники, а более всего мягкость сердца и чувствительность души. По отношению к рабочим он был незаменимым другом, он всегда старался помочь рабочему в его тяжелом положении, успокоить его. То, что осталось у меня в памяти, я сообщу.

Однажды Роберт Эдуардович, проходя по машинному залу со своим помощником, заметил, что рабочие в разных костюмах. На другой же день появился портной, снял мерку, и через несколько дней рабочим выдали костюмы. Рабочим выдавали жидкого мыла для рук по ½ фунта в месяц. Роберт Эдуардович и в этом нашел недостаток, и по его распоряжению всем рабочим стали выдавать душистого мыла. Да и многое еще хорошее можно сказать о нем.

В лице Роберта Эдуардовича рабочий класс потерял незаменимого друга. Я его знал с 1904 г. и кроме хорошего о нем ничего сказать не могу.

Рабочий Трамвайной Станции С. КАШИН

ВОСПОМИНАНИЯ О РОБЕРТЕ ЭДУАРДОВИЧЕ КЛАССОН

Я хорошо знал Р.Э. Классон. Еще тогда, в старое дореволюционное время, особо притягательная сила невольно влекла к этому человеку. Справедливый и строгий. Роберт Эдуардович не даст в обиду. Рабочие, предъявляя экономические требования, всегда находили в нем опору. Здесь чувствовался хороший хозяин, всегда начеку, не за страх, а за совесть проработавший свой век.

Да, это был спец, и вспоминая его, как талантливого инженера, невольно хочется напомнить тем, кто не в достаточной степени отдает должное людям знания и дела. Утрата велика. Умер Роберт Эдуардович, но память о нем не умрет.

Рабочий Трамвайной Станции И. ВИНОГРАДОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О Р.Э. КЛАССОН

Роберта Эдуардовича Классон я знаю не только как инженера и изобретателя, но и как любителя-агронома.

В 1915 г. я работал на «Белом Мху», пахарем на волах. В 10-х числах августа по старому стилю меня послали работать в этой отрасли на «Скворцы». Там был мелкий карьер, и этот карьер мне велели засеять рожью и часть – клевером. Отправляясь на паре волов с одним рабочим, захватив с собой борону и полотьник, очистив карьер от пней, начали сначала боронить, потом, засадив плугополотьник, начали рыхлить землю, затем опять пробороновали и засеяли вышеуказанными семенами. Все это мы проделали по распоряжению и инструкции Р.Э. Классон. Спустя месяца полтора мне пришлось работать на «Старых Скворцах», и я первым делом пошел посмотреть на ту заимку. И что же – озимое вошло сверх ожидания и если сравнить с крестьянской, то это озимое вошло неизмеримо лучше. Очень жаль, что это был только опыт. Весной все это пропало благодаря полой воды, после все замгло буквально. Все это Р.Э. Классон предвидел, но ему вероятно хотелось узнать, как богата земля после торфа теми веществами, которыми питаются растения.

МУДРОВ

ПАМЯТИ Р.Э. КЛАССОНА

Ты умер, Классон, на славном посту, ведя на борьбу миллионы. Ты умер, Классон, на могилу твою склоняли мы наше знамя. Годы за годами проходят вокруг, мы с умной большой головой, с тобою, Классон, шли в октябрьский бой, с тобой пришли мы к установлению. Ты долго, Классон, был путеводной звездой, выдумал хорошие машины. Заветы твои, наш вождь дорогой, в рабочей мы силе храним. Кто может измерить рабочую боль в минуту тяжелой утраты. Не слезы нам нужно лить перед тобой, нам нужна глубокая память. Ты умер, Классон, на славном посту. Народ о тебе зажурился. Рабочие массы сошлись все вокруг, о тебе все говорили. Нам жалко, Классон, тебя, дорогой. Являлся ты строителем завода, завод без тебя, мой дорогой, наверно придет весь в разруху. Заведующий наш неопытный, друг, он нас ничему не научит. Ты умер, Классон, на славном посту. Рабочая стойкая колонна и с нею грядущие, сохраним мы мысль твою и твердыню великого знания. Ты умер, Классон. Все рабочие ждали тебя, как отца своего, не мог ты к нам вернуться. Звонки все вокруг зашумели: Классона на свете уже нет. Рабочая масса вздохнула кругом: наверно его не увидим. Прощай, дорогой наш вождь, Классон, не забудем мы вечной заслуги и твои глубокие дела.

Рабочий завода МАДРУК
Г.Э.С. «Электропередача»
С.М. Носов

ПАМЯТИ Р.Э. КЛАССОНА

Еще одна тяжелая утрата. Страна теряет одного из талантливейших инженеров-строителей и как раз в той области, которая столь необходима для С.С.С.Р. Электрификация страны лишилась своего неутомимого работника. Умер один из наилучших электротехников, умер внезапно в разгар своей кипучей деятельности.

Работая 25 лет в предприятии МОГЭС, я свыше 10 лет работал непосредственно с Робертом Эдуардовичем в качестве стенографа и как раз в годы наибольшего развития его деятельности (с 1907 г. по 1918 г.). И потому считаю своим долгом сообщить то, что запечатлелось в моей памяти о той борьбе, которую вел Роберт Эдуардович для осуществления лучшего будущего. Он работал в той области строительства, которая является мостом к коммунизму.

В первый же год своей работы в Москве (в 1907 г.) Роберт Эдуардович приступил к переустройству оборудования Московской станции и кабельной сети, так станция в то время имела устаревшее оборудование, состоявшее из маломощных паровых машин, и сравнительно незначительные размеры кабельной сети. Но уже на второй год, кроме технических затруднений, Роберту Эдуардовичу пришлось бороться со стихийными силами природы.

Небывалое в Москве наводнение в 1908 г. затопило Московскую станцию. Станция представляла собой остров, окруженный со всех сторон водой, и добраться до нее можно было лишь в лодке. Наводнение разразилось как раз в первые дни праздников пасхи и грозило разрушением Московской станции. Конечно, никто не мог предусмотреть подобного наводнения, и не было никаких приспособлений для борьбы с разбушевавшейся стихией. Р.Э. мобилизовал все рабочие силы для откачки воды, отыскал в Москве ручные и паровые насосы. Пожарные паровые машины работали день и ночь, откачивая воду. Водой были залиты все помещения станции, вся обмотка генераторов была промочена, ее пришлось просушивать, а иногда и перематывать вновь. Работы продолжались день и ночь, и, только благодаря героическим усилиям Р.Э.* Московская станция была спасена и через неделю она могла вновь работать, и работала без всяких аварий в дальнейшем. Как выяснилось впоследствии, вода сильно повредила фундамент станции, и, если бы своевременно не были приняты меры, ее разрушение было бы неизбежно.

Тотчас же по окончании работ по ликвидации [последствий] наводнения Р.Э. образовал комиссию из ответственных работников для принятия необходимых мер защиты станции на случай будущих наводнений. Благодаря принятым мерам Московская станция была превращена в корабль с водонепроницаемыми перегородками.

В то время предприятие имело сравнительно небольшой основной капитал, и без привлечения новых средств расширить Московскую станцию было невозможно. Под влиянием представленных Р.Э. проектов расширительных работ, с указанием их целесообразности, правление предприятия возбудило ходатайство о выпуске новых акций. Р.Э. будировал общественное мнение Москвы и Петербурга, стараясь привлечь русский капитал (акции Общества 1886 г. котировались на московской и петербургской биржах). Но русские купцы, привыкшие к сверхприбылям, не пошли в сравнительно малоодоходное предприятие, как электростанция, дававшая от 3 до 6% дохода [годовых].

И невольно пришлось обратиться к иностранным капиталистам. За границей капиталисты не были избалованы сверхприбылями и считали достаточным прибыль в 6%, и, зная опыт и талантливость Р.Э., отпустили необходимые средства на расширение Московской станции с установкой новых котлов и современных турбогенераторов.

* И, добавим, всего персонала.

Расширение Московской станции пошло усиленным темпом, так как, благодаря экономичности новых турбин и котлов, себестоимость энергии позволяла сильно понизить тариф на нее и тем привлечь новый круг потребителей. Представилась возможность конкурировать с собственными заводскими электрическими станциями.

Одновременно шло расширение московской кабельной сети, переоборудование ее на 6 500 вольт с установкой новых трансформаторов. Производились постройки нового машинного и котельного зданий. Здесь мне хочется привести отзыв о Р.Э. проф. Рамзина. Однажды, дожидаясь Р.Э., проф. Рамзин сказал мне: «Удивительный у вас кудесник Р.Э., он строит кожух над старой котельной, не останавливая работу котлов». Как известно, Р.Э. старую котельную заключил в новые расширенные стены, а потом прежние стены разобрал.

Беспрерывно увеличивавшийся спрос на энергию, а также повышение цен на нефтяное топливо поставили в 1911-12 г. перед Р.Э. вопрос о постройке районной электрической станции на местном топливе. Вопрос о сжигании торфа в большом масштабе на мощных электрических станциях в то время был совершенно новым не только в России, но и за границей. Р.Э. пришлось уделить огромное внимание изучению вопроса о добыче и сжигании торфа, как по русской литературе и практической работе на подмосковных текстильных фабриках, так и по заграничным источникам.

После всестороннего изучения этого вопроса и предварительных опытов с торфом была намечена постройка районной электрической станции в центре текстильной промышленности Богородского уезда. Среди непроходимых работ была заложена будущая «Электропередача». Благодаря неутомимой энергии Р.Э., который непосредственно руководил работами на постройке, станция быстро росла и через полтора года, в 1913 г., станция была выстроена. На месте топких непроходимых болот зародился новый источник света и силы.

Вопрос о прокладке воздушных линий небывалого для того времени напряжения в 70 000 вольт, для соединения новой станции с Москвой, вызвал целый ряд затруднений не технического, а бюрократического характера, который был неизбежным спутником царского режима. Разрешать эти затруднения приходилось Р.Э., отвлекаясь от непосредственной технической работы. Они много принесли ему неприятностей, так как задерживали и удорожали стоимость прокладки высоковольтной линии на Москву.

Сословные Земство и Городская Дума ставили всевозможные препятствия, не разрешая прокладывать провода вдоль Владимирского шоссе, даже пересекать шоссе, требуя за это значительные суммы, а также права участия в эксплуатации станции. Управление железной дороги, через полотно которой приходилось прокладывать провода, образовывало комиссию за комиссией.

Чтобы достичь прокладки проводов в Москву, приходилось вести переговоры и заключать договора с отдельными частными лицами и крестьянскими обществами на право прохода через их земли, которые за это в свою очередь требовали непосильных затрат. Если взглянуть на карту, можно видеть, с какими изгибами пришлось проложить воздушную проводку для соединения «Электропередачи» с Москвой. Особенно большие были хлопоты и затруднения при прокладке проводов через так называемые удельные земли. Здесь пришлось заключать отдельный концессионный договор.

При входе в Москву пришлось вести борьбу с Московской Думой, всячески препятствовавшей работам О-ва 1886 г. Бесконечная переписка, огромное количество всевозможных комиссий по этому вопросу отодвигали завершение эксплуатации «Электропередачи» и сильно нервировали Р.Э.

Вопрос о добыче торфа чрезвычайно интересовал Р.Э. Он не мог мириться с теми тяжелыми условиями добычи торфа ручным способом, когда торфяники, стоя по пояс в воде, добывают торф. Р.Э. стал изыскивать способы механизации добычи торфа. Начиная с 1913 г. и до последних дней своей жизни Р.Э. совместно с В.Д. Кирпичниковым неуклонно производил опыты на гидравлическом торфе.

Результаты этих опытов оказались блестящими. В сезон 1925 г. на одной только «Электропередаче» гидравлическим способом добыто торфа свыше 9 милл. пудов против 5,6 милл. пудов торфа, добытого ручным способом. Уже одно это сравнение показывает, что гидравлический способ добычи торфа есть не химера, как некоторые считали его в первые годы опытов, а действительное освобождение от тяжелого, губительного для здоровья, физического труда. Гидравлический способ добычи торфа получил свое признание не только у нас в СССР, но и за границей.

Особенно тяжелые условия работы пришлось переживать Р.Э. в годы империалистической войны, когда сословно-буржуазная городская дума прилагала все усилия, чтобы захватить в свои руки Московскую станцию. Р.Э. энергично боролся, чтобы отстоять от бюрократического вмешательства городской думы, зная по опыту, что неумелое управление станцией неминуемо повлечет за собой полный развал хорошо налаженного хозяйства. Но царское правительство все же установило особое правление, во главе которого поставило бравого генерала. Но, к счастью для станции, этот генерал не вмешивался в техническую деятельность, предпочитая сидеть в Питере и скрепляя своей подписью подносимые ему бумаги.

В конце 1916 г., в период нехватки продуктов питания, Р.Э. образовал на Московской станции продовольственный комитет для снабжения работников продуктами по себестоимости. Я в то время был секретарем этого комитета и отлично помню о тех заботах, которые проявлял Р.Э. к этому делу. В период разрухи [во время гражданской войны] Р.Э. прилагал все усилия к тому, чтобы Московская станция работала непрерывно, для чего он переделал нефтяные топки (в виду отсутствия нефти) на дровяные, и станция работала безостановочно.

Р.Э., занятый строительством Московской станции и «Электропередачи», интересовался также и другими работами. Он в свое время разработал, совместно с инженером Поливановым, проект постройки электрической станции в Саратове и проект оборудования трамвая там же. Одновременно с работами по торфодобыче гидравлическим способом на «Электропередаче» Р.Э. организует и разрабатывает планы постройки станций на торфу на Шатурском болоте, в Иваново-Вознесенске, организовывает разработку торфа гидравлическим способом в Саратове и пр.

В период моей работы у Р.Э. мне, благодаря неразборчивости почерка Р.Э., приходилось вести не только служебную переписку, но и переписку частного характера. В этой переписке выявилось все благородство его характера. Он был буквально осаждаем разного рода просьбами о советах и содействии в том или ином вопросе. Не было случая, чтобы Р.Э. кому-либо отказывал в просьбе. Одним он советует продолжать образование, горячо рекомендуя знакомым профессорам, другим он дает те или иные советы. Словом, он всех старался удовлетворить, так или иначе исполнить просьбу.

Кипучая деятельность Р.Э. не имела пределов. Целью его жизни была работа, и умер он во время работы. Завидная смерть. Смерть героя труда. Спи спокойно, дорогой Роберт Эдуардович. Будь спокоен – не спят твои создания, мощные электрические станции, они день и ночь твердят нам о твоей горячей вере в торжество труда.

И. СОЛОВЬЕВ

ТОВАРИЩИ,

Мне, как низовому работнику, работающему с 1913 года, покойный Роберт Эдуардович был немало известен. Мне приходилось с Робертом Эдуардовичем встречаться с глазу на глаз. Я, будучи еще курьером, неоднократно убирал его служебный кабинет, и зачастую Роберт Эдуардович выходил на службу ранее установленного времени, тем самым заставляя нас за уборкой. И никогда он, покойный, не сделал ни одного замечания, что долго мы убираем.

Кроме того, я знаю целый ряд фактов, что многие из работников приходили к Р.Э. со своими нуждами и всегда встречали в лице Р.Э. самого отзывчивого товарища. И вот эта отзывчивость невольно как-то приковывала любовь к покойному Р.Э., и я больше чем уверен, что у многих товарищей, а может быть даже и у всех, сохранится память о Р.Э., как о товарище и друге по службе на долгие годы.

Ф. ТИХОНОВ

ТОВАРИЩИ,

Я не буду перечислять все его хорошие качества и заслуги перед рабочим классом станции и Республикой, они всем хорошо известны. Я только хочу сказать, что это был один из пионеров по электрификации Московского района и один из пионеров по умелому подходу к работникам по станции, которым приходилось с ним соприкасаться.

Затем я хотел бы внести предложение данному собранию об увековечении памяти покойного Роберта Эдуардовича. Как Вам известно, товарищи, Советская Власть позаботилась о старых политкаторжанах, о старых революционерах и устроила им общежитие, чтобы они могли на склоне своих лет провести остаток своей жизни в спокойной обстановке. Устройство такого же общежития для старых инвалидов труда МОГЭС'а, которые все свои силы и здоровье отдали предприятию, будет самым лучшим и прекрасным памятником покойного, который он вполне заслужил.

Машинист Машинного Подотдела Г. КОРАБЛЕВ

НЕЗАМЕНИМОГО ПОТЕРЯЛИ

11-го февраля провода принесли на «Электропередачу» печальную из печальных весть... Отец-воспитатель и основатель нашей станции Роберт Эдуардович Классон скончался... Скончался на славном посту – во время заседания в ВСНХ при разрешении вопроса, самого больного в данный момент вопроса о топливе.

Настоящая потеря, которую мы видим в смерти Р.Э. Классона, тяжела не только для нас, «Электропередатчинцев», но и для трудящихся всего СССР. Для «Электропередачи» Р.Э. Классон являлся действительно отцом, он ее основал, воспитал, лелеял, как нежный отец дитя лелеет. Он заботился о ней до последней минуты жизни, что доказывает то, что он, Роберт Эдуардович, в 3 часа звонил нашему Техническому Директору В.М. Гурычеву, справляясь о подаче торфа на станцию, а половина четвертого его уже не стало... Ему дорога была не одна созданная им электростанция, он заботился о всей электрификации СССР. Ведь Роберт Эдуардович является одним из первых ученых в России по электрификации, его труды высоко ценились В.И. Лениным.

Р.Э. Классон был не только ученый и инженер, он был и революционер, революционер техники в полном смысле. Для рабочих Р.Э. был другом и защитником от тяжелого непосильного труда. Он никогда не стеснялся грубых грязных торфяников, часто вступал с ними в беседы, заботился об их труде и материальном положении и, по мере возможности, он облегчал их тяжелое материальное положение. Р.Э., несмотря на свой возраст (около 60-ти лет), во время торфяного сезона, бывало, рано утром ходит по болоту с каким-нибудь десятником и среди торфяников прыгает через канавы.

Мне однажды пришлось ехать на болото с ним на ручной дрезине. Он не взял другого человека гнать дрезину, а взялся сам за ручку и также работал, не стесняясь своим высоким положением.

Р.Э. всю свою жизнь посвятил на облегчение труда рабочих, особенно торфяников, чему служит ярким доказательством гидравлическое производство торфа и основанный им завод «Мадрук», идею которого ему вполне осуществить не пришлось.

Будем надеяться, что его ученики, которых у него осталась целая армия, армия инженеров, dokonчат начатое им дело. А Роберту Эдуардовичу вечная память, славному преданному инженеру-революционеру. Трудящиеся СССР не забудут его заслуг перед человечеством.

И. ВАСИНОВ

ПАМЯТИ Р.Э. КЛАССОНА

Я поступил на «Электропередачу» 1-го августа 1912 года. С Р.Э. Классоном мне пришлось встретиться на второй или третий день моей службы на «Электропередаче». Я поступил кладовщиком в материальный склад, который в первое время находился на 71-ой версте, недалеко от шлагбаума.

Я сидел в складе и занимался один. Вдруг открывается дверь и входит покойный Р.Э., которого я еще лично не знал, но слышал о нем, что он стоит во главе предприятия. Вошел, вежливо поздоровался, спросил меня, что я за птица. Затем прошел по складу, все осмотрел и потом дал мне какое-то поручение к Ивану Ивановичу Радченко, не помню, что-то просил ему передать и назвал себя. И с тех пор я его узнал.

Впоследствии, в первое время постройки, мне часто приходилось встречаться с ним как на 71-ой версте, так и в других местах. В 1912 г., когда еще не было устроено шоссе от 71-ой версты до Озера, автомобили приходили из Москвы только до 71-ой версты, а от 71-ой версты до Озера проезжали по рельсам на небольшой конке. Кучером на этой конке был мальчик лет 15-ти, Федька, не помню его фамилии, бедовый парнишка, которого покойный любил и часто давал ему на чай. Обращение у покойного всегда было строго вежливое и корректное, движения быстрые и решительные. Любо было посмотреть, как он, бывало, носится по постройкам и по всей «Электропередаче» в своей неизменной крылатке* и шляпе и в каких-то необыкновенных сапогах. У нас на 71-ой версте был один десятник-латыш, которому трудно было выговаривать фамилию «Классон», и у него всегда выходило «Кальсон».

Во время постройки станции покойному много пришлось поработать. Ближайшими его сотрудниками по постройке станции были: Г.М. Кржижановский, Буссе, А.В. Винтер, В.В. Старков и И.И. Радченко. В период войны 1914-15 г. и потом после этого, когда он был занят опытами с гидроторфом, мне мало приходилось с ним встречаться. В последний раз мне пришлось поговорить с ним в сентябре 1925 года. Я шел по берегу Озера, а он шел мне навстречу, сначала посмотрел, потом остановил меня и сказал: «Ведь Вы старый работник, не правда ли?» Я ему ответил: «Как же, Роберт Эдуардович, я здесь работаю с 1912 года, и мы с Вами не один раз имели дело на 71-ой версте». Он ответил: «Я Вас хорошо помню», а затем расспросил о том, где я работаю и как живу, на что мне пришлось дать ему обстоятельный ответ. Это был наш последний разговор.

Как организатор постройки «Электропередачи» и руководитель Роберт Эдуардович много сделал для нашего края добра, именно этой самой постройкой. С самого начала стройки местные жители нашли себе работу, кто чего только хотел. Было много работы на лошадях по перевозке материалов, много требовалось чернорабочих.

* Крылатка – широкий плащ без рукавов (с прорезьями для рук), с длинной пелериной (накидкой), иногда двумя.

Жители нашего края (северный угол Богородского уезда), народ все больше фабричный, работать при постройке могли только в качестве рабочих, но некоторые впоследствии занялись и заделались квалифицированными рабочими: слесарями, кочегарами, машинистами и т.п., некоторые попали в служащие.

Особенно должны мы быть благодарны покойному Р.Э., построившему станцию, за годы голода и разрухи – 1917/18/19 гг., когда мы почти все, кто только хотел, устремились на «Электропередачу» и «Гидроторф», где имели работу и получали норму продовольствия не только на себя, но и на семейства работающих. Если бы не «Электропередача», то нам, жителям ближайших к «Электропередаче» деревень, пришлось бы очень плохо. И в этом отношении я должен сказать, что в это трудное время покойным спасен не один десяток людей от голодной смерти, и за это мы должны быть признательны основателям станции, во главе которых стоял покойный Роберт Эдуардович.

Мир твоему праху, неустанный труженик науки и техники, трудившийся до последнего часа жизни и умерший на своем посту. Твоя смерть для всей страны – великая и невозвратимая утрата.

С. ШИПОВ

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

11-го февраля 1926 года умер незабвенный Р.Э. Классон. Тяжело писать о нем, уже ушедшем так неожиданно от нас, мне, более полжизни проработавшему с ним, писать теперь, когда еще так свежа память об этом поистине великом человеке, когда еще так тяжела наша утрата и когда еще так свежа могила Р.Э. Классона.

В этот вечер нашей общей скорби и Москва-река как бы хотела выразить свою печаль, она покрылась густым седым туманом и надолго заволокла им всю Москву. Она знала Классона: он когда-то своим широким размахом подбирался к ней и хотел осушить ее дно, соорудив мощное [техническое] водоснабжение. 14-го февраля глухо и грустно раздавались звуки похоронного марша, печально и медленно шли люди по улицам Москвы. Это родные, друзья и всех рангов сотрудники в последний раз провожали его. Затихла музыка, замолкли речи, вырос могильный холм, и навсегда не стало Р.Э. Классона.

Но в памяти тех, кто знал его, кто работал с ним целый ряд лет, он останется жив. Мне, одному из его близких сотрудников, хочется поделиться своими воспоминаниями с теми, кто знал его и кому он был дорог. Когда теперь я вспоминаю о нем, передо мной пролетают картины далекого прошлого и прежде всего величавая, обаятельная, простая и в простоте своей поистине великая фигура Р.Э. Классона. И может быть не только колоссальный запас знаний и энергии, которыми обладал Роберт Эдуардович, а именно та обаятельность и простота в обращении большого с малым, тот такт, с которым он умел стирать грани между начальником и подчиненным, и привлекали к нему сердца тех, кто работал с ним.

Вся кипучая деятельность Роберта Эдуардовича протекала бурно, страстно, не зная преград со стороны каких бы то ни было обстоятельств, людей, природы для осуществления своих идей. Стоит только вспомнить, как происходило расширение первой Московской станции (тогда О-ва 1886 г.). Начиная с 1908 г. до 1914 года шли эти работы: над старым зданием воздвигалось новое и после того, когда оно заканчивалось, разбирались старые стены, выбрасывались нерентабельные сооружения и устанавливались по последнему слову техники новые.

Роберта Эдуардовича никогда не удовлетворяло то, что он делал в данную минуту. Его горячая натура инженера-новатора всегда искала нового поля деятельности. Не закончив одного, он своим широким размахом всю мощь энергии перебрасывал на другое. Таким именно образом сооружалась районная станция «Электропередача».

В самый разгар работ на первой Московской станции у Роберта Эдуардовича родилась идея постройки «Электропередачи» на местном топливе – торфе. Вся эта работа велась среди лесов, среди болот и, благодаря его неутомимости, к 14-му году на этих когда-то непроходимых дебрях выросла мощная электрическая районная станция и культурного вида поселок с железными и шоссейными дорогами, а теперь городок.

С постройкой этой станции у Роберта Эдуардовича появилась новая идея. Он, видя каторжную работу торфяников, всегда работающих в самых нечеловеческих условиях, приступил к механизации торфяных разработок и достиг хороших результатов, а позднее – к обезвоживанию торфа и, таким образом, у него не было времени, когда не было бы новых открытий и достижений. И вот теперь у этой, так преждевременно выросшей, могилы, мне, проработавшему с Робертом Эдуардовичем не один десяток лет, хочется поделиться моими личными яркими воспоминаниями о нем, оживить в памяти несколько из тех многих моих встреч с ним, которые ярче и выпуклее могут обрисовать его, как инженера, а главное, как человека.

Первое мое знакомство с Робертом Эдуардовичем Классон было в 1897 г., когда я впервые увидел его на старой электрической станции О-ва 1886 г. (Большая Дмитровка). Он своим разговором произвел на меня самое наилучшее впечатление. Мне казалось, что этот, симпатичный на мой взгляд, человек явился из какого-то другого мира. Шел разговор о верхнем платье: один из старых служак О-ва 1886 г. распахнул свое хорьковое пальто с бобровым воротником и, показывая его, сказал, что это пальто стоит 350 целковых. Роберт Эдуардович, услышав это, сделал гримасу, которую я видел в первый раз и которая, кстати сказать, осталась у него на всю жизнь, и с комическим смехом сказал, что пальто, которое на нем, стоит [все] 60 руб.: «я купил его в Швейцарии, как видите пальто очень хорошее». Собеседник в хорьковом пальто немного смутился, но Роберт Эдуардович сейчас же перешел на другой разговор, и этим момент был сглажен.

Как-то давно Роберт Эдуардович проходил со мной по котельной. Увидев группу отдыхающих потных и грязных рабочих, сидящих на полу, он подошел к ним, поговорил с ними и, обращаясь ко мне, спросил: «Сколько мы выдаем им в год рабочих костюмов*?» Я ответил, что две пары. Он одно мгновение подумал и сказал мне, что при такой работе двух пар мало и просил меня выдать третью пару, и с тех пор рабочие получали по три пары костюмов в год.

В 1907 году один из временных рабочих похитил на станции кусок медной трубы, весом около двух пудов, и поздно вечером провозил его на извозчике. Близ Ильинских ворот его задержал постовой городской и отправил в городской [полицейский] участок. На третий день после этого случая ко мне на станцию пришла жена рабочего и стала просить меня, чтобы я провел ее к директору. Я пошел с ней к Роберту Эдуардовичу. Мы встретили его в коридоре около его кабинета. Не успел я объяснить Роберту Эдуардовичу в чем дело, как эта женщина, обливаясь слезами, упала в ноги Роберту Эдуардовичу, что ему очень не понравилось, и он сказал ей: «Вот уж, голубушка, этих глупостей не делайте». При этом он наклонился, взял ее под руку и пообещал сделать все, что от него будет зависеть. Успокоенная женщина ушла. Скоро после этого из городского участка прислали извещение о том, что похищенное принадлежит станции, и станция должна направить своего представителя. Этим представителем был назначен я. Долго мне пришлось убеждать пристава в том, что эта труба не имеет никакой ценности и что рабочий должен быть освобожден. После этого из участка прислали бумагу, в которой нужно было удостоверить, что О-во 1886 г. ничего не имеет против освобождения рабочего. Резолюцию на этой бумаге была сделана Робертом Эдуардовичем. Рабочий был освобожден.

* По-современному, спецовок.

Приятно было смотреть на красивые поступки Роберта Эдуардовича. Хотелось подражать ему, но для этого, чтобы делать так, как он делал, нужно было быть с такой же чуткой, отзывчивой душой.

В 1909 году мне нужно было поехать в Германию для лечения. Роберт Эдуардович дал мне несколько рекомендательных писем, чтобы я мог там осмотреть электрические станции и заводы. Причем посоветовал обязательно побывать на электростанции во Франкфурте на Майне, так как эта станция совсем новая, поэтому она представляет большой интерес. Когда я осматривал одну из станций в Берлине, то инженер, сопровождавший меня, после того, как узнал, что я с Московской электрической станции, с немецкой корректностью мне сказал: «Я охотно покажу Вам нашу станцию, но должен Вам сказать, что не Вам нужно смотреть у нас, а нам – у Вас, так как ваш директор Классон не упускает ни одной новинки и устанавливает все лучшее у себя». Таким его знали за границей.

В ночь на 1-ое января 1910 года, по неосторожности одного из рабочих, в подвал котельной была напущена в громадном количестве нефть. Это было весьма неприятное дело, и мне очень не хотелось доводить о нем до сведения Роберта Эдуардовича, чтобы не огорчать его, но сказать ему я был обязан. Поэтому я позвонил ему по телефону на квартиру, хотя было раннее утро. Он сейчас же пришел, поздравил всех нас с новым годом. Я провел его в подвал и показал на новые нефтяные источники. Увидев это, он сделал свою обычную гримасу. Я объяснил, как это произошло. Он сказал на это: «Ну что же делать, Иван Вячеславович, кто ничего не делает, у того ничего не случается». И потом, не боясь, что испортит свой костюм, принялся вместе с нами откачивать нефть, говоря при этом: «Вот так новый год!» Вот в такой обстановке пришлось нам провести первый день нового года. 1-го января 1911 года Роберт Эдуардович вспомнил этот случай и иронически спросил меня: «Как мы будем встречать 11-ый год?»

Стояло морозное утро. Это было в 1912 году. Светило яркое солнце, когда я встретил Роберта Эдуардовича около котельной, из которой я только что вышел. После обычного приветствия он спросил меня, отчего я так плохо выгляжу. На мой ответ, что мне нездоровится, очевидно, от переутомления, он сказал: «Вам, батенька, нужно поехать недельки на две на «Электропередачу», Вы там отдохнете и немного освежитесь. Там Вам дадут лыжи, и Вы можете побегать на них». Я пробовал протестовать, но он настоял на своем, и я уехал.

Если при работах кто-нибудь рисковал упасть, обжечься [паром] и проч., то Роберт Эдуардович в таких случаях говорил нам: «Зачем рисковать и вводить меня в расход на покупку Вам венка». Когда между нами, сослуживцами, в присутствии Роберта Эдуардовича происходил горячий спор, и он видел, что этот спор переходил границы, то, называя нас лордами или генералами, говорил: «Не ссорьтесь, генералы». И если эти генералы не унимались, то он подходил к самому воинственному, брал его за руку, немного выше локтя, при этом мышцы немного сжимал и говорил: «Всегда случается плохо, когда генералы дерутся – от этого бывает проиграна вся кампания». После такой шутки все генералы успокаивались и расходились со смехом.

Были случаи, когда Роберт Эдуардович какую-нибудь недавно поставленную в сооружении часть заменял новой. Я говорил ему, что она поставлена всего несколько месяцев и работает не плохо, он отвечал: «Комик Вы, Иван Вячеславович, мы с тех пор поумнели». Были случаи, когда нужно было сделать что-нибудь совсем новое. Роберт Эдуардович обычно делал или эскиз или объяснял другим родом и, когда я ему говорил, что, по моему мнению, из этого ничего не выйдет, то он говорил мне: «А Вы сделайте так, чтобы вышло». Мы делали, и у нас действительно выходило и выходило хорошо.

В 1921 году на 1-ой Московской станции в котельной случилось большое несчастье. Электрическим током убило моего помощника П.П. Удалова. Это было 24-го ноября. Роберт Эдуардович в это время находился в Берлине. Когда он узнал об этом случае, то был очень удручен, как это мне потом передавал инженер, который в это время был с Робертом Эдуардовичем. Он очень жалел Удалова, много говорил о нем, как о хорошем работнике, и долго не мог успокоиться, так как все время возвращался к этому несчастью. Затем, когда он вернулся в Москву, то при первой же встрече со мной он стал расспрашивать меня, как это все случилось, и я видел, как тяжело он переживал это. Потом он подробно расспросил меня, как живет семья Удалова, сколько у него осталось детей и как вообще они живут. И, когда я описал безотрадную картину житейской этой несчастной семьи, то он долго сожалел об этом и сказал: «Как-нибудь ей нужно помочь». Через несколько дней он пришел ко мне, дал мне 10 миллионов рублей* и просил передать семье Удалова. Потом он еще несколько раз приносил мне деньги для той же цели.

Мне хочется сказать, что в то время, когда Роберт Эдуардович помогал семье Удалова, то члены его семьи продавали на рынке или обменивали на продукты свои домашние вещи. Вот так Роберт Эдуардович заботился о своих сотрудниках, даже и после их смерти.

Роберт Эдуардович иногда любил делать нам подарки, которые я получал от него неоднократно. Однажды он, проходя через котельную, зашел ко мне и, подавая свернутую бумажку, сказал: «Вот это – Вам подарок» и при этом объяснил, что он только что прочитал в английском журнале, как было произведено испытание водотрубного котла. На этом лоскутке бумаги была набросана Робертом Эдуардовичем диаграмма, в которой указывалось, с каким напряжением работает каждый ряд труб в котле. Подарок был для меня интересный. В 1924 году этот подарок был мне нужен. Я взял его в карман и случайно встретился с Робертом Эдуардовичем. Показав ему этот лоскуток бумаги, я сказал: «Вот Ваш подарок, который Вы сделали мне 20 лет тому назад». Он посмотрел на него, рассмеялся и ответил: «Мы, Иван Вячеславович, за это время так поумнели, что этот подарок устарел».

Также несколько раз я получал от него подарки, которые он мне привозил из-за границы, много лет тому назад. Из этих подарков у меня сохранились и до сего времени – стальная карманная рулетка и алюминиевый ватерпас. Вот как этот большой и занятый человек всегда помнил о своих малых сотрудниках.

В 1909 году Роберт Эдуардович пришел в котельную (тогда еще старую) и, обращаясь ко мне, сказал: «Ну, батенька, чертежи новой котельной все готовы. Вы еще раз просмотрите их хорошенько и, если найдете, что Вам еще нужно, то говорите сейчас, пока заказы не сданы. Если же Вы придете, когда заказы уже уйдут, то вот Вам». При этом показал мне свой внушительный кулак. Я ответил, что чертежи мною просматривались несколько раз, и, как-будто бы, дополнить их нечем. – «Но вот у меня есть одна просьба, да боюсь, что Вы мне откажете». – «Почему же вы так думаете?» – «Потому что это будет дорого стоить». – «Говорите». Я попросил его поставить в котельной подъемную машину**, указывая на то, что оборудование котельной располагается на трех этажах, и по узким железным лестницам ходить будет весьма трудно. Он вынул счетную линейку***, быстро прикинул и сейчас же сказал: «Машина Вам будет». Через несколько дней мне было известно, что подъемная машина заказана.

* В январе 1922 г. бумажный рубль надо было переводить на золото по курсу 200 000/1.

** По-современному, лифт.

*** Понятно, что речь идет о логарифмической линейке, неотъемлемой принадлежности тогдашнего инженера.

Так просто и быстро Роберт Эдуардович подчас решал сложные вопросы. С установкой подъемной машины в котельных весь персонал за эти многие годы сберег не мало собственной энергии и не раз вспоминал добрым словом Роберта Эдуардовича.

Несмотря на то положение, которое занимал Роберт Эдуардович, он был для всех прост и доступен и делал всегда так, чтобы его положения никто не замечал и не чувствовал ни как крупного инженера, ни как человека, занимающего высокий пост. Как на пример, можно указать на его разговоры с любым рабочим: он подходил к рабочему просто, мило и, если замечал, что он смущается или чувствует себя неловко, клал ему руку на плечо или брал его под руку и разговаривал как с себе равным, всегда заканчивая разговор какой-нибудь шуткой (это было в его натуре), несмотря ни на какие обстоятельства, при чем делалось это всегда искренно.

Своим творчеством Роберт Эдуардович сделал то, что все крупнейшие электрические станции России, а в особенности районная станция «Электропередача» и его работы в области гидроторфа, останутся вечными памятниками его творческому духу и всегда будут свидетельствовать о том колоссальном запасе знаний и энергии, каким обладал этот удивительный Классон-инженер, а его отношение к людям, его доброта и чуткость, оставшиеся в памяти близких к нему людей, будут говорить о необычайном запасе теплоты сердца изумительного Классона-человека. А все это вместе еще раз подчеркнет тяжесть утраты, которую мы понесли в его лице.

И. НИКОЛАЕВ

В 1922 году общим собранием я был выбран в члены Завкома [«Гидроторфа»]. На другой день приезжает Роберт Эдуардович, тут же через механика эта история ему стала известна. Подойдя ко мне, в получасовой беседе, он интересовался, что побуждает меня оставить производство. Я по возможности старался доказать правоту своего поступка. В заключение его испытующий и пронизательный ум тут же сделал свое заключение: «Жаль, но знаю, не более как через год опять придешь на производство». Так оно и было. Вот эта особенность проникнуть в душу и сердце человека была присуща Роберту Эдуардовичу.

В 1924 году через Р.Э. мы, несколько старых рабочих, получили популярное описание Гидроторфа. Через несколько дней приезжает Р.Э. и, входя в мастерскую, как-то особенно не по-инженерски, а по-дружески чуть ли не бежит ко мне. – «Ну, как получили книгу», – спрашивает. – «Да, – отвечаю, – получил. Благодарю». Ну, думаю, человек видно интересуется, как бы книга не пропала. Но дальше вижу не то. Пускается со мной в краткую беседу: «Ты хорошенько познакомься с ней, там есть статьи инж. Стадникова, Кирпичникова, а в конце там моя статья. Вот, посмотри ее, почитай, потом мне напишешь и пришлешь свои соображения о ней, может, что добавишь» *.

Как я могу думать о нем после всего слышанного: «может, что добавишь»? Человек с высшим, для меня недостижимым образованием, с крупнейшей практикой, походит ко мне, рабочему-токаря, почти что за советом. Этот пример Р.Э. – подход с простой и товарищеской душой к рабочим, так теплотворно повлиял на окружающих товарищей, когда я им об этом рассказал. И они, расходясь, говорили: «Побольше бы нам таких инженеров, а то пришлют, они на рабочих не смотрят и в производство сквозь пальцы глядят».

Мы в повседневной своей работе так свыклись с Р.Э., что при каждом его приезде к нам по всей мастерской проносился величаво радостный шопот: «Ребята, старик приехал», и при входе сейчас же окружали его толпой.

* Здесь, возможно, произошла абберрация памяти. «Р.Э. Классон был на «ты» только со своей матерью, сестрами, женой, детьми и товарищами по киевской гимназии. Со всеми остальными взрослыми людьми он был на «вы». Он никогда не обращался на «ты» односторонне к своим подчиненным, как это – по непонятной причине – широко принято у нас». – Из воспоминаний И.Р. Классона (ф. 9508 РГАЭ).

Особенно памяты дни 20-21 года – на все волнующие запросы он дает сытый ответ: «Подождите, ребята, поеду и поговорю с Красиным, он мой друг. Я вас одену, я выхлопочу вам длинные сапоги, я попробую поговорить с Владимиром Ильичом». И, когда он уезжал, мы были спокойны, что Р.Э. на ветер слов не бросал.

Во время присутствия на болоте Р.Э. каждому, попавшемуся ему на глаза в неряшливом виде, небрежно и нетактично относящемуся к производству, всегда ставил на вид, что каждой вещи нужно придать свою форму и место, не любил, кто его обходит. Часто можно видеть его как инструктора: сбросив плащ, работал за опилкой цилиндрического ножа для торфососа. Любил спросить работу и очень добросовестно платил за нее.

Все описание покажется мелочью в сравнении с тем, что он сделал для СССР, но, думаю, из такой мелочи и создается только большое, так как его присутствие вселяло производственную бодрость. Он умело объединял вокруг себя всех и каждого. Умело заставлял любить производство. Он – революционер на трудовом фронте. И. КОРОЛЕВ

В этот сборник, из условий (само)цензуры заведомо не могли попасть нижеследующие довольно-таки откровенные воспоминания, к сожалению, не подписанные автором. Машинопись «анонимных воспоминаний» хранится в ф. 9508 РГАЭ.

В черновых материалах к монографии М.О. Каменецкого (или уже после выхода одной книги – т.е. они были напечатаны на машинке И.Р. Классоном?) приводится прямое свидетельство: «Главный химик Гидроторфа Г.Л. Стадников в своих неопубликованных воспоминаниях о Р.Э. Классоне описал, как Классон 17 января 1921 г. пригласил его работать в Гидроторфе. Классон приехал к нему и, после короткого описания сущности гидравлического способа сезонной добычи торфа, сказал, почти дословно следующее: (далее следовала цитата из нижеприведенного текста)».

Воспоминания о Роберте Эдуардовиче Классоне

Начинался 1921 год.

После довольно продолжительного скитания на бурных волнах революционного моря я был выброшен в начале августа 1920 года на Московский берег один – без семьи, без своей библиотеки, без записных тетрадей и научных дневников, без недоконченных работ, а главное без связи с научным прошлым и без определенных видов на будущее. Налицо были все данные, чтобы погрузиться в российскую нирвану, т.е. взяться за бутылку с водкой; положение химика весьма благоприятствовало этому.

Необходимое для «нирваны» настроение ежедневно подновлялось при встречах и в лабораториях; химики и другие спецы были заняты разговорами о пайках, о борще или, вернее, бурде, которая ежедневно в ведрах разносилась из общей кухни для питания со-вработников. Эти будничные разговоры сменялись от времени до времени буквально праздничным оживлением, когда устраивались подписки и сбор денег на экспедиции в Сибирь за колбасой или в Ташкент за сухими фруктами; в такие моменты какой-нибудь урюк неделями служил неиссякаемой темой для разговоров.

Сотрудники лабораторий варили кофе из паленых жмыхов, подправляли принесенный борщ, опять варили кофе и уходили домой. О науке и научной работе редко кто говорил. Если бы какой-нибудь любопытствующий иностранец заглянул в то время в наши лаборатории, то ему показалось бы, что у нас все проблемы химии разработаны до мелочей, и только в области химии питательных продуктов для свиней остались еще не разрешенные вопросы, в разработку которых и погружены молодые ученые.

В различных комиссиях и комитетах так же шла своеобразная работа; там занимались люди серьезнейшими вопросами строительства новой индустрии. И сейчас еще изумляешься творчеству этих деятелей, когда вспоминаешь создававшиеся ими проекты воздушных замков. В этих проектах во всей полноте проявилась безудержная фантазия веселых людей которые хорошо поняли, что разбираться в их проектах никто не станет. Живо вспоминается заседание, на котором один автор предлагал коксовать подмосковный уголь на месте его добычи, а газ из коксовых печей вести по трубопроводу в Москву, чтобы избежать перевозки ненужного балласта. По проекту такая переработка подмосковных углей сулила стране неисчислимы выгоды. Доклад слушали внимательно, и никто не разразился гомерическим хохотом.

На заводах изыскивали способы получения из данного количества сырья и химикалий возможно большего выхода плохого фабриката, чтобы весь избыток, против заданной нормы, отправить на Сухаревку [и продать там на рынке].

При такой обстановке, буквально парализующей волю и убивающей всякую охоту работать, я познакомился с Робертом Эдуардовичем. Как-то в конце декабря [1920 года] я зашел к знакомому юристу. Здесь я встретился с одним из сотрудников Гидроторфа. Этот сотрудник начал сейчас же приглашать меня на службу в Гидроторф; наш хозяин, по-видимому, дал ему лестный отзыв обо мне, как химике. Сотрудник этот расписал мне все преимущества службы в Гидроторфе, детально изложил торфяную «пайкологию», не забыл прибавить с серьезным видом, что работа весьма ответственная, дал номер телефона и просил позвонить на другой день, чтобы условиться о часе приема для беседы об окончательных условиях поступления на службу.

На другой день я, конечно, не звонил по телефону, не звонил и потом. Мой новый знакомый так удачно объяснил мне сущность Гидроторфа, что у меня сразу пропала охота браться за это дело, которое представлялось мне типичным начинанием того времени. Из данного им описания было ясно только одно: Гидроторф есть предприятие, в котором в силу «всеобщей трудовой повинности» сидят люди разнообразных профессий, но общих «пайковых» интересов и ничего не делают. Лишний паек был слишком слабой приманкой, чтобы потянуть меня в такое учреждение.

Настало 17 января [1921 года], день, который навсегда останется у меня в памяти. Около семи часов вечера меня позвали к телефону; какой-то неизвестный мне голос спрашивал, могу ли я принять инженера Классона, который хочет переговорить со мной о работе в Гидроторфе. Я ответил, что очень рад видеть инженера Классона, и стал ожидать приезда, не отдавая себе отчета, происходил ли этот разговор по телефону наяву или во сне. У меня еще звенела в ушах матерщина моих часовых и конвоиров, перед глазами еще стоял образ какого-то члена домкома, который за полчаса до этого вошел в комнату без всякого предупреждения, плюнул на пол, раздавил валенком окурки и объявил приказ – чистить на другой день снег; и вдруг спрашивают – «могу ли я принять?»!

Я наскоро привел в порядок комнату после посещения члена домкома, так как было ясно, что сейчас приедет культурный европеец. Себя я не мог привести в порядок при всем желании, так как у меня был единственный костюм, который мог бы с большим успехом конкурировать с костюмом современного беспризорного. Не прошло часа, как в передней раздался звонок. Кто-то вошел и, вопреки обычаю, начал снимать в передней верхнее платье. Через минуту в мою комнату уже входил инженер Классон в черном сюртуке* и крахмальном белье. Он не успел еще сказать ни одного слова, но я уже был гидроторфистом. Кому известно отношение к науке и ученому на Западе и у нас, тот легко поймет мое внезапное превращение.

* Помета И.Р. Классона на полях: «нет», т.е. Р.Э. Классон сюртук не носил, а одевал обычный пиджак, но всегда с галстуком.

Инженер Классон говорил очень мало: о гидроторфе он сказал, пожалуй, даже меньше, чем встреченный мной у знакомых гидроторфский сотрудник; но сказал он в такой форме, которая вообще была необычна для России во все времена ее существования. Вот почти дословно его речь:

«Я и мой сотрудник Кирпичников поставили себе задачей механизировать добычу торфа; потерпев неудачу в применении различных машин, которыми пользуются за границей, мы решили размывать залежь струей воды и полученную таким образом жидкую торфяную массу разливать на полях для сушки. Уже сконструированы машины для засасывания этой массы из карьера и транспорта по трубам на поля сушки; механическая сторона дела нам ясна, и мы не сомневаемся в успехе, но у нас есть одно слабое место: нам непонятна еще природа торфа, которую может разъяснить только химическое исследование.

Если бы разъяснить эту сторону дела, чего мы, как механики, сделать не можем, то быть может нам удалось бы поставить на практическое разрешение вопроса об искусственном обезвоживании торфа. Решение этой задачи имеет мировое значение; не могу, однако, скрывать от Вас, что задача эта трудна, и все попытки решить ее пока не увенчались успехом. Я был бы очень рад, если бы Вы, как химик, согласились принять участие в нашей работе; мы со своей стороны пойдем навстречу всем Вашим желаниям и охотно будем помогать Вам.

Должен добавить, что Ваше участие в наших работах ни к чему Вас не обязывает; мы будем Вам очень благодарны за Вашу работу и в том случае, если Ваши теоретические исследования не дадут практических результатов; они все-таки будут способствовать разъяснению химической природы торфа, что для нас, техников, чрезвычайно важно.

Вознаграждения за Ваш труд я не могу Вам предложить, так как дать подобающее вознаграждение я не имею возможности, а современное вознаграждение я за такое не считаю. Но я уверен, что область работы чрезвычайно интересна и многообещающа, а потому и прошу Вас попробовать поработать с нами, памятуя, что это ни к чему не обязывает. Если не понравится, Вы можете во всякую минуту бросить это дело, и мы претензий иметь не будем».

На меня смотрели открытые глаза, в которых светилось юношеское увлечение. Не оставалось никакого сомнения, что передо мной сидит культурнейший западноевропейский инженер, которому до тонкости понятно значение для техники чистой науки, которому совершенно ясно, что решение всякой новой технической задачи надо начинать с теоретического исследования. Передо мной сидел, кроме того, инженер-творец, инженер-искатель, ведущий реальную работу, с чисто юношеским увлечением отдающийся любимому делу и ожидающий одной только награды –

Гордой воли вдохновенья
И на челе из терниев венец.*

Через полчаса мы расстались, я стал фанатиком-гидроторфистом. На другой день Классон уехал за границу и вернулся к началу торфяного сезона. Мы часто потом встречались, много беседовали, особенно много зимними вечерами в нашем милом домике на Электропередаче.

Я не буду здесь говорить о том, как интересно, тепло и уютно было с Р.Э. Это хорошо знают все, кому выпало счастье иметь с ним дело. Я хочу только сказать, что после рокового одиннадцатого февраля [1926 года] с тихой грустью вспоминается Р.Э., и со страхом думается о том, что инженера Классона уже нет. И второе – поистине ужасно.

* Не совсем точная цитата из стихотворной драмы Генрика Ибсена «Бранд»: «Веры вдохновенье и воли чистоту, / Души единство, ее готовность к жертвам / И на чело из терниев венец».

Тихая грусть о прекрасном, обаятельном человеке есть лучшее утешение, которое даётся нам в эти тяжёлые минуты. Но где же мы найдём второго инженера Классона? Кто другой, с таким высоким техническим авторитетом в нашей стране, где всегда предъявлялись к учёным требования «технического уклона» в работах, смело скажет: «исследуйте, памятуя, что это Вас ни к чему обязывает»? Кто же ещё, с таким глубоким пониманием значения для техники чистой науки заставит нас работать так, как не смогут заставить ни обещания материальных благ, ни тем более «трудовые повинности»?

И в этом весь ужас потери инженера Классона!